

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 39

МАКС ПРЕСС
Москва
2009

УДК 81
ББК 81
Я410

Редколлегия выпуска:
доктор филологических наук В.В. КРАСНЫХ
доктор филологических наук А.И. ИЗОТОВ
доктор филологических наук В.Г. КУЛЬПИНА

Рецензент:
доктор филологических и доктор педагогических наук,
профессор *Ю.Е. Прохоров*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2009. –
Вып. 39. – 136 с.

ISBN 978-5-317-03078-0

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 –
в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 –
в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 –
в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г.,
выпуски 29, 30, 31 – в 2005 г., выпуски 32, 33 – в 2006 г., выпуски 34,
35 – в 2007 г., выпуск 36 – в 2008 г., выпуски 37, 38 – в 2009 г.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-03078-0

© Авторы статей, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

<i>Филимонова Е.Н.</i> Корейский рисовый хлебец <i>тток</i> . Еда или символ?	4
<i>Добровольский Б.Д.</i> Советские реалии в аспекте лексических трудностей перевода (на метатриале поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки»).....	20
<i>Акаш Бадр Абдуллах (Королевство Саудовская Аравия)</i> Прагматический аспект перевода.....	28
<i>Егорова А.В.</i> Всеми свое время... (к вопросу о переводе временных концептов на русский язык).....	32
<i>Потапова Н.М.</i> Влияние социальных факторов на употребление эвфемизма	41
<i>Тронева Е.В.</i> Эвфемистическая лексикализация концепта «гнев» в английской лингвокультуре.....	50
<i>Воскресенская И.М.</i> Эталонные знаки феноменов <i>богатый</i> и <i>бедный</i> в сознании современных представителей русского лингвокультурного сообщества	57

ЛИНГВИСТИКА

<i>Изотов А.И.</i> О псевдонаучном гуманитарном дискурсе	66
<i>Волкова С.Б.</i> Концепт « <i>military service</i> » и его составляющие в художественном дискурсе	87

ЛИНГВОПОЭТИКА

<i>Изотова А.А.</i> Курсив как способ эмфатизации речи персонажей	95
<i>Шахбаз С.А.С.</i> Концептуальные метафоры, связанные с понятием «любовь», в английской и русской поэзии	101

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Красных В.В.</i> Язык и культура Программа курса для специальности «Теория и практика перевода»	118
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> О разработке проблем фотолексикографии	132
<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> К вопросу о хронологизационной лексикографии	135

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Корейский рисовый хлебец *тток*. Еда или символ?

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2009

Хорошо поест тток в осенний дождь,

хорошо вытить суль в зимнее ненастье.

(Корейская пословица)

Из наиболее распространенных и дешевых сладких блюд традиционной корейской кухни следует назвать *тток*. *Тток* – одно из любимых лакомств корейцев. В корейском языке существует выражение *Тток лучше, чем рис*, хотя известно, что роль риса у азиатских народов необыкновенно велика. Корейцы считают, что *тток* – основа здорового питания, целебный продукт, в состав которого входят ингредиенты, занимающие в рационе корейца очень важное место (рис, соя, грецкий орех, арахис, овощи и фрукты, а также растительные компоненты, используемые в корейской медицине). *Тток* известен в Корее с времен Трех Государств. Об этом свидетельствуют наскальные рисунки с изображением процесса изготовления *ттока*, пароварки из бронзы и глины, которые были найдены при раскопках. В государстве Корё *тток* стал популярным блюдом не только среди аристократов, но и простолюдинов, а в период государства Чосон он вошел в повседневный рацион корейцев. Традиции приготовления *ттока* передаются из поколения в поколение. При всем разнообразии вкусовых добавок и технологий основные принципы изготовления *ттока* примерно одинаковы. В конце правления династии Ли насчитывалось примерно двести его видов (см. [Ланьков 2000: 169]). Сейчас сортов *ттока* также великое множество: рисовые *хлебцы* (*тток*), клейкий *тток*, *тток* из злаков, распаренный *тток*, *тток* для дня рождения, подарочный *тток*, *тток* для свадебной церемонии и мн.др.

Данная статья посвящена изучению роли *ттока* в корейской культуре и языке, его символике, описанию семантической структуры.

Материал для исследования был собран нами из различных книг, справочных изданий о Корее и корейцах, периодических изданий – газет и журналов, телевизионных и радиопередач, толковых и двуязычных словарей, а также интернет-сайтов на русском, английском и корейском языках.

Семантическая структура корейской лексемы *тток*

Семантическая структура корейской лексемы *тток* довольно разнообразна. Как показали исследования, денотативное значение данной лексемы в русских текстах авторами и переводчиками толкуется по-разному.

Большинство пояснений к корейской лексеме *тток* нейтрально. Отмечены следующие способы ее толкования: при помощи подстрочной сноски (как правило, в художественной литературе), в тексте произведения (такой вид толкования характерен для записок путешественников, а также интернет-сайтов, посвященных туризму и кулинарной тематике) и др. Пояснения к корейской лексеме *тток* могут быть в виде одного слова, словосочетания или довольно развернутого толкования. В малоинформативных пояснениях значение корейской лексемы толкуется обобщенно. Например, нами зарегистрировано пояснение довольно неопределенного характера:

«Прежде всего *хлебец тток* – вкусная штука» [ИС.№1].

В пояснениях, которые даются в форме общей номинации, информация отличается лаконичностью:

«На Инсадоне располагаются знаменитые на всю Корею кафе, в которых можно приобрести «*тток*» (традиционная корейская сладость)...» [ИС.№11]; «*Тток* – мучное блюдо, являющееся лакомством для корейцев» [Ли Ги Ен 1958: 54-55].

Иногда внимание обращается на какой-то один признак. Это может быть материал, из которого изготавливается *тток* – рис:

«... корейская кухня во многом похожа на китайскую. Главную роль в ней играют *тток* – толченый рис...» [ИС.№12].

Информация может несколько конкретизироваться, называется вид пищевого продукта (*хлеб, пирожные, лепешки, пирожки*), а также материал, из которого он изготавливается:

«... *чхальток* – хлеб из риса...» [ИС.№13]; «... вместе с *пирожными из рисового теста (тток)*...» [ИС.№14]; «Ибачжи» – это специальная трапеза, которую мать невесты готовит сама и посылает в дом жениха. В разных районах в нее могут входить разные блюда, но обязательно присутствует «*тток*» (корейские рисовые *лепешки*)...» [ИС.№15]; «*пирожки* из рисовой муки «*тток*» [ИС.№16]; «*пирожки* из отбивного риса с медом и орехами» [Симбирцева 2000: 82].

Среди толкований обобщенного характера есть и такие, где акцент делается на национальной принадлежности данного блюда:

«*Тток* (корейский хлеб)» [ИС.№17]; «*Тток* – традиционный корейский *пирожок* из рисовой муки» [ИС.№18].

Отмечен случай, когда указывается место *ттока* в системе подачи блюд (одно из последних кушаний в обеде – десерт):

«*Тток* – корейский *десерт* из рисовой муки» [ИС.№19].

В следующем пояснении не только называется блюдо, но и описывается его вкус, а также отношение к нему представителей иной с корейцами культуры:

«В эти дни можно вдоволь наесться любимого в Корее “*тока*” – сладкого *пирожного*, сделанного из рисовой муки (приторного и вязкого на европейский вкус)» [ИС.№20].

В других толкованиях отмечается состав этого блюда:

«*Тток* – отбивной хлеб, приготовленный из сваренного на пару риса, чумизы, гречихи» [Ионова 1982: 228]; «“*Тток кейк*” из полыни, тыквы, кофе и клубники... “*Енъян тток кейк*”, приготовленный из темного риса. “*Енъян тток*”, изготовленный из кунжута. Всего 24 разновидности» [ИС.№8].

В некоторые толкования добавляется информация о способах приготовления этого продукта:

«Отбивные рисовые *хлебцы* “*чхальток*” или “*тток*”» [ИС.№23]; «*тток* – рисовые *хлебцы*, приготовленные на пару» [ИС.№22]; «Интересен способ приготовления этого блюда. В рисовую муку вливают кипяток, тщательно перемешивают и скатывают *колобки*. Внутрь кладут сою, бобы или финики. *Тток* готовят на пару, смазывают кунжутным маслом и медом» [ИС.№4]; «*Тоги* – корейское национальное блюдо. Приготавливают из клейкого риса и других злаков, обладающих свойством клейкости: рис или пшено парят, затем бьют деревянным молотком» [Цой Со Хэ 1960: 132].

Отмечается и событие, к которому это блюдо подается:

«– Бери, не пожалеешь, – отозвалась хозяйка, поймав мой взгляд. – Это *тток*. Угощение из отбитого риса. Готовится на корейский Новый год» [ИС.№4].

В других толкованиях рассказывается о внешнем виде *ттока*:

«Обычно *стол* в изобилии уставляют блюдами с различными видами *ттока* (традиционное кушанье из отбитого рисового теста в виде

небольших лепешек)» [ИС.№5]; «*Ттокгук* это суп из говядины и тонко нарезанного рисового белого хлеба (*Тток*) и т. д.» [ИС.№8].

Последнее толкование, как нам представляется, дезориентирует нашего российского читателя, так как за нарезанным белым хлебом стоит конкретный образ нашего нарезного батона белого хлеба, тогда как *тток* не имеет ничего общего ни по внешнему виду, ни по вкусовым качествам.

Тток может выступать как ольфакторный знак:

«Среди прочих яств заметила нечто необычное – маленькие аппетитные *колобки*. Они горкой лежали на большом блюде, пахли медом и кунжутом» [ИС.№4].

В толкованиях описывается и способ потребления продукта (его необходимо тщательно прожевывать):

«*Тток*... – это требующий тщательного прожевывания *пирог*, сделанный из любого измельченного короткозерного риса (“*меток*”...), измельченного клейкого риса (“*чхалтток*”...) или цельных зерен клейкого риса (“*яксик*”...)» [ИС.№24].

Используя в качестве пояснения заимствование из другого языка, автор, очевидно, уповает на разносторонние знания русскоязычного читателя. Однако, по нашему мнению, экзотизм *моти* скорее всего известен только гурманам, знатокам и любителям японской кухни:

«... “*тток*”» – корейский аналог японских “*моти*”» [ИС.№25].

Некоторые переводчики, вводя в текст перевода специфические элементы культуры реципиента, схожие или близкие к элементам исходной культуры, но не совпадающие с ними, обезличивают текст и таким образом облегчают понимание текста инокультурным реципиентом, что ведет к потере тем или иным произведением художественной или публицистической литературы ряда своих достоинств, а также снижению познавательных функций текста, растворению конкретного и исторического в общем и невременном (см. об этом [Сорокин, Марковина 1988: 82-83]). Нами отмечены в текстах переводов следующие «соответствия»: *тток-кук* (суп с *галушками* из клейкого риса); «*тток-кук*» (острый суп с *клецками*)» [ИС.№20].

Некоторые авторы толкований менее категоричны в своем определении характера блюда, об этом свидетельствуют использованные ими слова: «разновидность», «похожие на...». В этих толкованиях подробно описываются форма кондитерского изделия, состав начинки и даже приводится его цветовая характеристика:

«*Сонпхён* – разновидность *вареников* из рисовой муки, сделанных в виде раковин, с начинкой из бобов или каштанов» [«Роза и Алый Ло-

тос» 1975: 817]; «...сонпхён – похожие на пельмени зеленые и белые рисовые хлебцы с добавлением белых пресных или сладких красных бобов, каштанов или ююбы» [Симбирцева 2000: 76].

Текстуальное разъяснение корейской лексемы может даваться через включение его в группу совидовых понятий:

«Тут же разложены сонпхён и замечательное на вкус печенье, хлебцы, выпеченные в форме цветочных лепестков и пончики из рисовой муки» [«Роза и Алый Лотос» 1975: 341].

Помещая сонпхён рядом с печеньем, хлебцами и пончиками переводчик Л. Концевич дает понять, что это какой-то мучной продукт питания.

Результаты исследования показали, что переводчики и авторы художественных и публицистических произведений, а также Интернет-сайтов используют различные лексемы русского языка для описания семантической структуры корейской лексемы тток. Это и лепешки, хлеб, хлебцы, пирожное, колобки и т. д. Возникает вопрос: какой же русский эквивалент наиболее точно передает семантику кореизма? Наверное, ответ удивит русского человека. Все эквиваленты, по нашему мнению, адекватно отражают содержательную сторону кореизма, однако выбор русского эквивалента зависит от вида данного кондитерского изделия. Например, лепешки – это кке-тток, гонтток, гвимён-тток, камджатоллэтток, хэджантток и др.; хлебцы – муджигэтток, якцик, ттоксэнд; пирожное – ёнтубуккуми, ипсэданджа, хобыбуккуми, сэкдонгори, дасоми, ссуккуллэ, гоккальтток и др.; хлеб – камицирутток, камгоджитток, гаксэкихён, гурымтток, якпхён, санъдаль, оницирутток; колобки – сагвагендан, бупхён, санъхватток, юльмуданджа и др.

Самым неудачным, с нашей точки зрения, русским эквивалентом, встречающимся в текстах о Корее и корейцах, можно посчитать лексему печенье:

«На “чусок” готовится особое рисовое печенье “сонпен” с начинкой из сладкой бобовой пасты, меда, сезама, каштанов и распаренной соевой хвой» [«Корейцы» 1989: 73].

Данная лексема в русском языке обозначает ‘мелкие выпечные изделия, которые жарили в кипящем масле на сковороде или выпекали в печи в масле’ (см. [Российский гуманитарный энциклопедический словарь 2002, Т.3]), тогда как сонпхён готовят на пару, формой и вкусом они также никак не напоминают печенье в том смысле, который вкладывает в это слово русский.

Тток в корейских пословицах

Корейские лексемы, входящие в тематическую группу, связанную с названиями блюд корейской национальной кухни, употребляются в составе образных, метафорических выражений, в которых они теряют свое первоначальное значение, приобретая новое метафорически пересмысленное:

«После некоторого колебания Ю Сан сказал: – Видите ли, я попробовал вести плавку так, как вы советовали, то есть значительно подняв температуру в печи, и чальток вышел неудачным – его и курица клевать не станет» [Юн Се Дюн 1960: 169-170]; «Был он широколицый, с высоким лбом, на котором можно было с успехом *бить тоги сразу около трех малов*» [Цой Со Хэ 1960: 132].

Тток встречается в сравнительных конструкциях:

«Он взял горсть земли и растер ее ладонями в порошок – ни единой песчинки! Она была нежна и мягка, как *рисовая мука, из которой готовят чальток*» [Ли Ги Ен 1958: 54-55].

Пословицы наиболее полно, точно и образно отражают своеобразие ассоциативного мышления, особенности восприятия окружающего мира и реалий материальной и духовной культуры. В корейской языковой ментальности *тток* принимает активное участие в моделировании образа человека, его портрета, душевного склада, эмоциональных состояний и действий, черт характера, поведения в обществе (см. Табл. 1). Познавательная ценность пословиц о человеке с участием *ттока* велика. Большинство пословиц взято нами из книги Лим Су (2003), в круглых скобках указана страница, на которой эти пословицы встречаются.

Тток используется для отражения в языке фазы жизни человека – старости, его долгожительства: *Когда свекровь долго живет, то она угощается лепешкой со свадебного стола невесты внука* (с.187).

Пословиц, характеризующих внешность человека, в состав которых входит лексема *тток*, не так много.

Сходство или различие людей отождествляется с *ттоком*: *Существуют разные виды ттока, а люди похожи* [ИС.№26]; *Разве у сваренной на пару рисовой лепешки есть верх и низ?* (с.95).

Тток – знак красоты: *Красивую на вид лепешку приятно есть* (с.197); *Красивый с виду тток и по вкусу хорош* [ИС.№26].

Корейцы также придают большое значение душевному складу человека: *Лепешки лепешками, а посуда лучше*.

Через призму *ттока* рассматриваются различные черты характера человека, особенности его личностного опыта в жизни, практической деятельности.

С *ттоком* связан образ ленивого человека: *Будешь лежа есть хлеб, крошки в глаз попадут* (с.232).

Тток ассоциируется с неумеющим что-либо делать человеком: *И лепешек, похожих на лепешки, не приготовил, а целого сома клейкого риса как не бывало* (с.235).

Тток символизирует забывчивость: *Прячет, как ворона лепешку* (с.306).

Тток – эмблема нерешительности: *Сам не знает, в какой руке лепешка больше* (с.267).

Тток – олицетворение эгоизма: *Нет невестки, которая вытащила бы из котла все паровые лепешки* (с.296).

Тток – предмет зависти: *В чужих руках и лепешка кажется больше* (с.297); *На лепешку одного зарятся десятеро* (с.297).

Тток – «единица измерения» различных эмоциональных состояний и действий. Зачастую *через тток* выражаются полярные чувства. В пословицах рисуется наиболее характерное проявление веселого, счастливого, злого, обеспокоенного чем-либо человека.

Через тток описывается веселый человек. Смеющемся от души человеку корейцы скажут: «*Что, сырая лепешка в горле застряла – почему так смеешься?*» (с.131) (ср. русск. *Что, смешинка в рот попала?*).

Тток олицетворяет неожиданную удачу, нечаянную радость, неведомо откуда свалившееся счастье: *Оставшейся без ужина бабе досталась лепешка* (с.123).

Злой человек также соотносится с *ттоком*: *Будто не съел ни одной лепешки* (с.309); *Просят тток, а она дает камень* [ИС.№26].

С помощью *ттока* выражается и такое эмоциональное состояние, как резкая неприязнь, отвращение к чему-либо: *Съеденный в прошлом году сонпхен обратно лезет* (с.155).

Тток – знак напрасной тревоги и беспокойства: *Один ест лепешку, а другой волнуется, что с куска крошки падают* (с.82).

Через тток оценивается социальное поведение человека, народный социальный опыт. В этих пословицах выражается отношение к различным проявлениям человеческой личности. Части пословиц этой группы свойственна определенная назидательность и оценочность.

Тток – мерило разного рода человеческих взаимоотношений. Он может стать оружием во время выяснения взаимоотношений: *Бьют лепешкой, бей и ты лепешкой, бьют камнем – бей и ты камнем* (с.70).

Тток – способ выражения взаимной заботы, своего рода бартерных отношений: *Большую лепешку дашь, большую и получишь* (с.81); *Если ты дашь мне лепешку, то и я дам тебе лепешку* (с.81); *Какой кусок лепешки мне дашь, такой и получишь* (с.82).

Тток – награда за сохранение тайны: *Съешь эту лепешку и помалкивай* (с.69).

Тток – компенсация за длительное ожидание: *Коль смотришь на камлание шаманок, дождись, когда угостят лепешкой* (с.134).

В некоторых жизненных ситуациях *тток* выступает в качестве утешения: *Будем считать, что истратили на лепешки* (с.133).

Опытный человек: *Попробовавший тток знает, как его есть* [ИС.№26].

Тток – это и отсутствие результативности: *На деревенском жертвоприношении, где нет даже на пару сваренных лепешек, кланяются до боли в пояснице; На поминках, где нет сваренных на пару лепешек, только кланяются* (с.226).

Тток отождествляется с неблагодарностью: *Дает тток, а взамен получает пощечину* [ИС.№26].

Тток – элемент в товарно-денежной системе взаимоотношений: *[Как] дешевая бобовая лепешка; Даже у родной тетки лепешку покупают, если она крупная* (с.244).

Тток – объект купли-продажи: *Не знает, какая лепешка дешевле; На этом или на том рынке лепешки крупнее?; Кто знает, каковы будут лепешки на следующей ярмарке? Даже в голодный год лепешки дешевы, если их много* (с.245).

Тток – предмет наживы: *У ребенка лепешку отнимет* (с.291).

Тток – это несбыточная мечта, недостижимая вершина: *Лепешку видишь, да к ней не подступиться* (с.137).

Тток: традиции и символика

С *ттоком* связано много всевозможных преданий и поверий. В Корее у него особая символика.

Тток является неперменным праздничным и жертвенным блюдом. Обрядовые блюда, в том числе и *тток*, готовились в каждом доме. В их приготовлении принимали участие и соседи. В Корее ритуальная еда воспринималась не только как акт насыщения, ей приписывалась магическая сила – способность воздействовать на природу или здоровье человека, так как корейцы верили, что она передает съевшему ее свою силу и свойства (см. [Ионова 1982: 62]).

Тток – одно из основных блюд в первый день рождения ребенка (толь). Обычно столик в изобилии уставляют блюдами с различными его видами. Форма рисовых *лепешек пэксольги* и рисовых *лепешек* в соевой пасте *пхатток* символизирует долгую жизнь, а их цвет – здоровье [ИС.№5]. Считается, что «*чальток*» – сила мужчины. Раньше у корейцев существовал обычай, по которому в день годовщины ребенка молодой отец должен был в одиночку выстучать этот *хлеб* [ИС.№6].

Родители ребенка наполняют *ттоком* большую миску или таз и разносят угощение по соседским домам, а соседи в ответ наполняют эту миску деньгами, рисом и мотками пряжи. Гостей, приглашенных в дом, непременно угощают различными видами *ттока* и другими традиционными закусками. Считается, что чем больше людей поздравит ребенка с днем рождения, тем счастливее он будет в будущем [ИС.№5].

В осенний праздник урожая Чхусок *сонпхён* готовили всей семьей, собравшись дома вечером в канун праздника, внутрь клали сою, бобы или финики, они считаются у корейцев символами здоровья, благополучия, долголетия. Каждый должен был съесть столько *колобков*, сколько ему лет [ИС.№4]. Если *хлебцы* получались красивыми – это предвещало женитьбу на красавице. Некрасивые *сонпхён* сулили брак с уродливой женщиной. Поэтому, изготавливая их, молодые парни прилагали особое старание. В Корее считалось, что молодые женщины должны быть особенно осторожны при приготовлении *сонпхён*, поскольку они могут родить красивого ребенка, только если приготовят красивый *сонпхён*. Беременные женщины гадали о поле будущего ребенка, закладывая в специально помеченный *хлебец* иглу от сосны. Надкус в области того места, где сосновая игла прикрепляется к ветке, предвещал рождение дочери (см. [Симбирцева 2000: 77].

Есть ттокук (суп с *ттоком*) в Новый год по лунному календарю означает ‘повзрослеть еще на год’ [ИС.№3]. Дети, пытаясь обмануть время и раньше повзрослеть, съедали по несколько чашек этого супа. *Карэтток*, из которого готовится этот суп, символизирует хорошее здоровье и долголетие, его белизна – чистоту и незапятнанность. *Тток* для супа нарезался на куски, по форме напоминающие медные монеты, как пожелание богатства и процветания в новом году (см. газ. «Korea Herald» за 24.01.2009).

Итак, *тток* – любимейшее лакомство корейцев, а также индикатор патриотизма и предмет гордости. Последнее время в Республике Корея придается важное значение производству *парового рисового хлеба* (*тток*) и распространению его в других странах. По данным корейской газеты «Korea Herald» (06.05.2009г.), в Республике Корея был создан государственный Комитет по продвижению блюд национальной кухни на международный рынок. Среди приоритетных блюд отмечен и *тток-покки* – тушеные в перечном соусе трубочки из отбитого риса [ИС.№7].

В Республике Корея регулярно проводятся фестивали *ттока*, где любой желающий может попробовать самые разные его сорта и даже поучаствовать в приготовлении *хлебцев* [ИС.№2].

Тток – объект изучения научных институтов. В сеульском НИИ традиционной корейской пищи недавно был создан новый вид *рисового хлеба*, помогающий диабетикам и людям, страдающим повышенным давлением, а также кардиобольным [ИС.№8]. В здании НИИ находится и музей *ттока*.

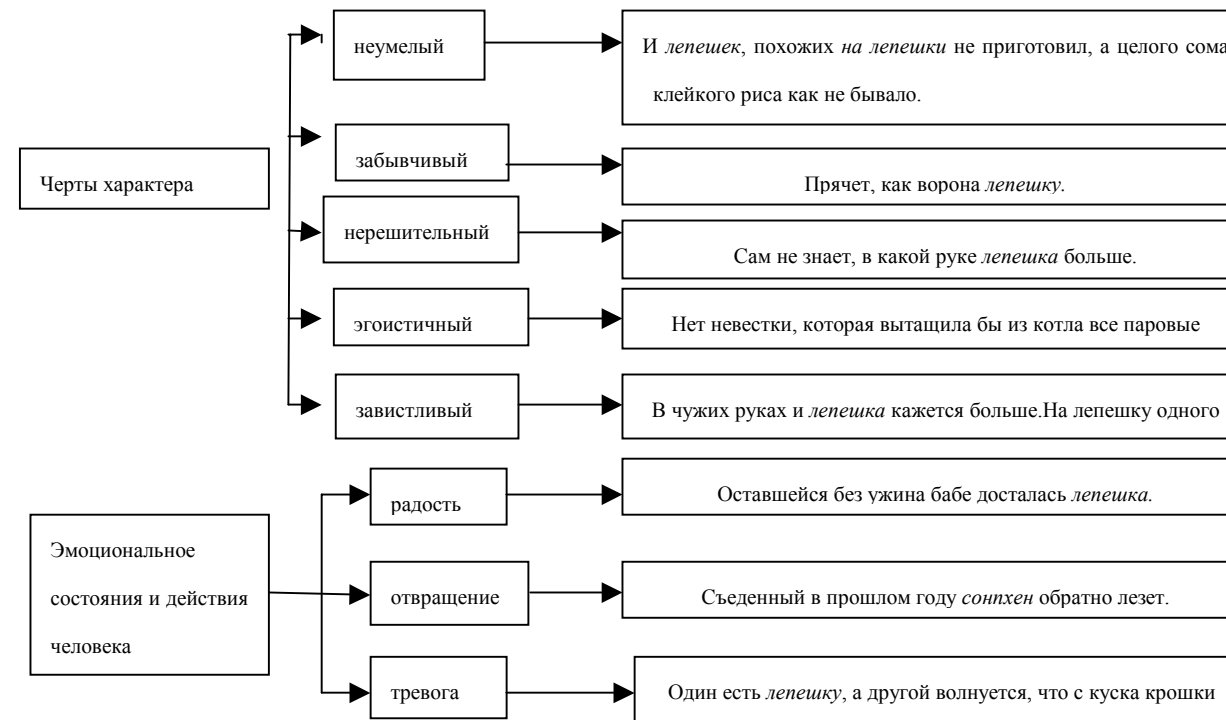
Тток является залогом здоровья, доходным делом, важным символом, неотъемлемой частью фольклора (во многих преданиях и сказках фигурирует *тток*).

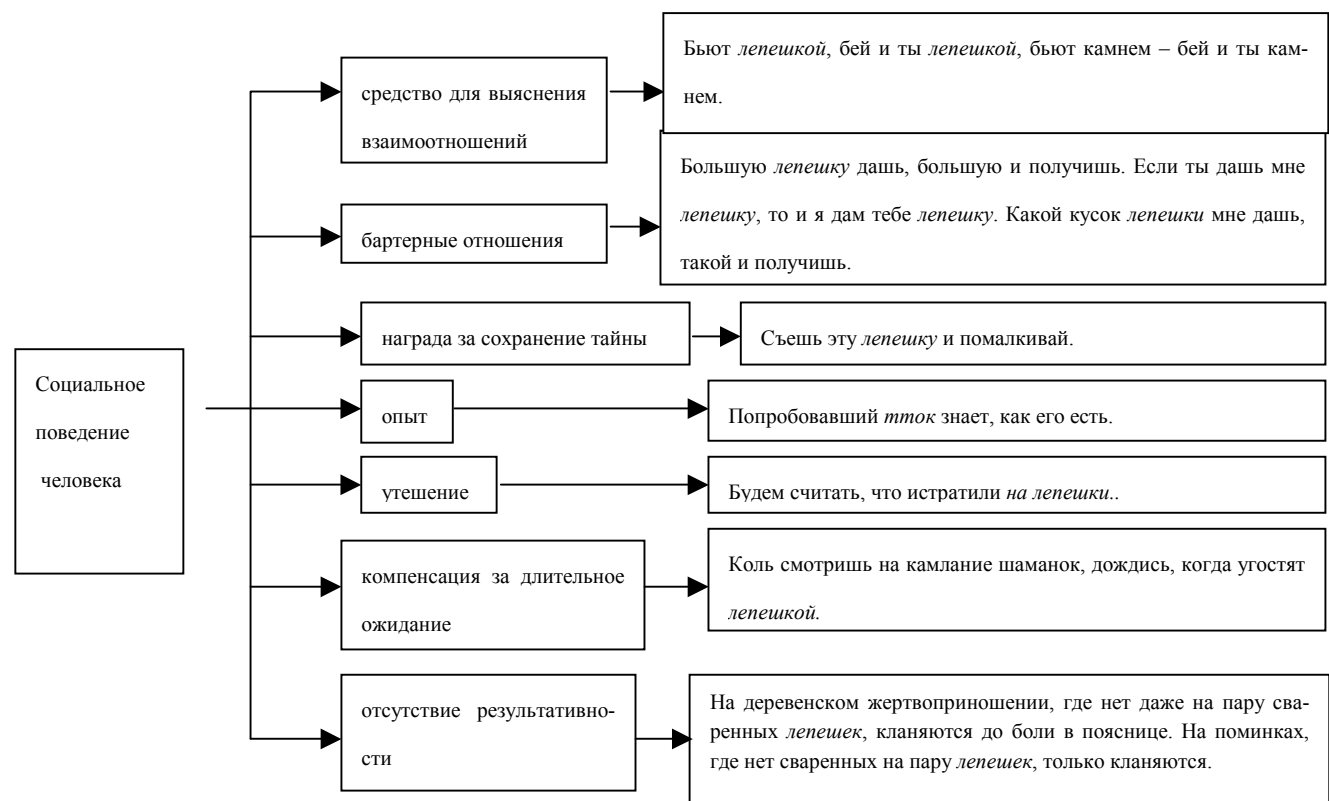
С лексемой *тток* образовано много фразеологизмов и пословиц. В корейской языковой ментальности *тток* принимает активное участие в моделировании образа человека, его портрета, душевного склада, эмоциональных состояний и действий, черт характера, поведения в обществе. Собранные воедино корейские пословицы, содержащие лексему *тток* в своем составе, дают представление о сложности образа человека в корейской культуре и многообразии проявления различных его сторон. На пословицах, содержащих в своем составе лексему *тток*, лежит яркая печать национального колорита и самобытности, они характерны только для корейского народа, и в русском языке невозможно подобрать эквивалент, в основу которого положен был бы идентичный образ.

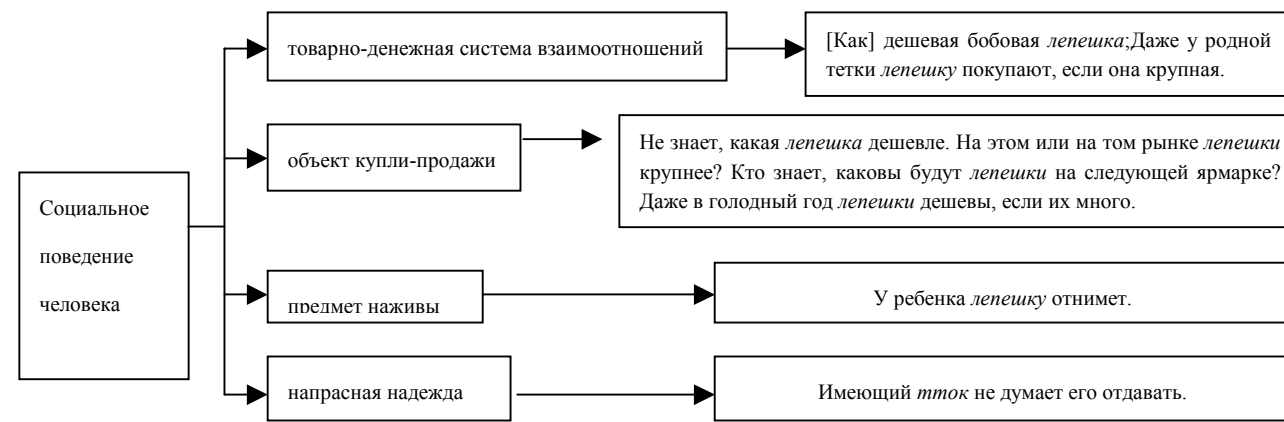
Табл. 1.

Образ человека через призму корейского *рисового хлеба тток*

Л и т е р а т у р а

- Ионова Ю.В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX в.). М.: Изд-во «Наука», Гл. ред. восточ.литер.1982.
- Ланьков А.Н.* Корея: будни и праздники. М.: МО, 2000.
- Ли Ги Ен.* Земля. Роман / Перевод с корейск. М.: Изд-во иностр. литер., 1958.
- Ли Элизабет К.* Корейцы. Корейское агентство информации для зарубеж. стран. 1989.
- Лим Су.* Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003.
- Роза и Алий Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худож. литер., 1974.
- Симбирцева Т.М.* Корея на перекрестке эпох. М.: ИД «Муравей-гайд», 2000.
- Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Текст и его национально-культурная специфика // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. С. 76-84.
- Цой Со Хэ.* Исповедь беглеца. Рассказы. М.: Гос. изд-во худож.литер., 1960.
- Юн Се Дюн.* Испытание. / Перевод с корейск. М.: Молодая гвардия, 1960.
- Российский гуманитарный энциклопедический словарь. В 3-х томах. Гуманит. изд. центр «Владос»: Филол. фак. СПб. гос. ун-та, 2002.
- А№ Illustrated Guide to Korea№ Culture: 233 traditio№eal key words.The №atio№eal Academy of Korea№ La№guage.Hakgojae, 2002.
- Газета «Korea Herald».

И н т е р н е т - с а й т ы :

1. http://world.kbs.co.kr/russia№/korea/korea_best_detail.htm?№o=698
2. <http://last24.i№fo/read/2009/03/04/1/1050>
3. <http://www.i№fokorea.ru/seaso№s/wi№ter/№ewyear.php>
4. <http://www-ki.rada.crimea.ua/№omera/2009/014/№ewyear.html>
5. <http://kimfou.№d.ru/tol2.php>
6. http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a1-1.shtml
7. <http://www.russia№korea.com/x/rus/i№dex.php?p=227>
8. http://world.kbs.co.kr/russia№/korea/korea_best_detail.htm?№o=698
9. http://world.kbs.co.kr/russia№/korea/korea_plus_detail.htm?№o=1617
10. http://rki.kbs.co.kr/russia№/korea/korea_cuisi№e_detail.htm?№o=184
11. <http://www.gogu№i.ru/site.xp/049055048050.html>
12. <http://www.millio№me№u.ru/rus/recipes/collectio№/listkitch/№kitch24/>
13. <http://www.mykorea.ru/i№dex.php?№ame=Pages&op=page&pid=98&page№um=2>
14. <http://turizm-forum.ru/i№dex.php?act=Pri№t&clie№t=wordr&f=6&t=1827>
15. http://russia№.visitkorea.or.kr/rus/SI/SI_RU_3_1_2_1.jsp?cid=6743790
16. <http://www.svali.ru/catalog~105~i№dex.htm?details=1&kitche№=1>
17. http://cooki№g.kulichki.com/?act=k№m&cat=k№m_36&id=1889

18. iso.pippkro.ru/academ/141.doc
19. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D1%83%D1%85%D0%BD%D1%8F
20. http://world.lib.ru/p/peetrov_1_a/Neovy_i_god.shtml
21. <http://koryoplaNet.Neorod.ru/korrecept.htm>
22. <http://www.russiaNeokorea.com/x/rus/iNdex.php?p=227>
23. http://archive.travel.ru/south_korea/people/cuisiNe/
24. <http://goryeo.ru/Neode/98>
25. <http://koryo-reporter1.livejournal.com/tag/Сeyл-68k>
26. <http://www.google.ru/search?q=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%82%D1%82%D0%BE%D0%BA&hl=ru&lr=&start=100&sa=Ne>
27. ИС: <http://krdic.Neaver.com/list.NehNe?kiNd=proverb@kor=39@page=5>

**Советские реалии
в аспекте лексических трудностей перевода
(на метариале поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки»)**

© Б.Д. Добровольский, 2009

Процесс перевода может быть представлен как перенос текста, созданного в рамках одной культуры, в контекст совершенно другой культуры¹. Неизбежным следствием подобного кросс-культурного переноса является потеря целых пластов значимой информации (так называемых культурных подтекстов), поскольку она не может быть трансформирована в другую культуру даже при полной адекватности текста перевода тексту оригинала с собственно лингвистических позиций².

Очевидно, что каждый переводчик по-своему подходит к процессу перевода, пользуясь различными способами в зависимости оттого, что на данный момент играет решающую роль, то есть в чем они усматривают цель перевода данного конкретного текста.

«Переводчик, следующий принципам *стратегии смысла*, сознательно устраняет все препятствия на пути понимания текста и жертвует, таким образом, теми особенностями его формы, которые могут вызвать затруднения понимания. Это не означает, что в переводе такого типа не сохраняется никаких индивидуальных языковых особенностей оригинала. Все, что оказывается переводимым в рамках действующих норм без ущерба для понимания мысли автора, сохраняется в переводе. Поскольку в переводе такого типа малопонятные места (как и места, тормозящие восприятие содержания) сознательно устраняются, результат пред-

¹ См. подробнее: Pshenitsyn S. L. Cultural models and the meaning of a translated work // Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B. (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 357-364.

² О культурном подтексте художественных произведений см. также: Toury G. Translation: a cultural-semiotic perspective // Sebeok Th.E. et al (eds.). Encyclopedic dictionary of semiotics. Berlin/New York, 1986, p. 1111-1124.

Tellingier D. Confrontation of cultures – naturalization approaches in the translations of Gogol's Revisor // Klaudy K., Kohn J. (eds.). Transfere Necesse est. Budapest: Scholastica, 1997, p. 494-499.

Doorslaer L. van. Übersetzung und literarische Ideologien // Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B. (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 267-272.

Erten A. Problems of intercultural translation // Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B. (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 345-356.

Zauberga I. Ideology and meaning // Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B. (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 317-323.

ставляет собой текст, выполненный в традициях covert translation. Таким образом, *стратегия смысла* является объединяющей категорией для целого ряда типов перевода. Следуя принципам *стратегии формы*, переводчик, напротив, часто вынужден жертвовать смысловой прозрачностью в угоду максимальной точности при передаче нетривиальных особенностей построения текста, его отдельных характерных элементов и пр. <...> Поскольку результирующий текст с неизбежностью содержит маркеры принадлежности к языку и культуре, чуждых для читателя, перевод, выполненный в соответствии с принципами *стратегии формы*, – это всегда overt translation.»³.

При разборе текста поэмы «Москва-Петушки» стало ясно, что в этом случае и та и другая стратегии оказываются беспомощными, будучи не в состоянии передать в полной мере смыслы, заложенные автором в тексте. Причина, главным образом, заключается в обилии в тексте Ерофеева интертекстуальных отсылок, которые невозможно передать с помощью той или иной стратегии. Дело в том, что если следовать *стратегии формы*, мы, возможно, сможем более точно передать авторскую интонацию, голос рассказчика, что несомненно является важным фактором для данного конкретного текста, но при этом, текст в некоторых аспектах остается непонятным для немецкого читателя. Во многом это происходит из-за наличия в тексте оригинала большого количества языковых выражений, отсылающих к всевозможным социокультурным реалиям. В ориентированном на форму переводе, такие реалии переданы дословно, то есть практически оставлены без перевода. Подобная стратегия перевода, экстремально ориентированная на форму, вряд ли может считаться адекватной и выполняющей переводческие функции в полной мере.

С другой стороны, *стратегия смысла* также не решает все трудности, возникающие при переводе подобных сложно построенных нарративных текстов. Понятно, что, пользуясь такой стратегией, переводчик сможет донести до читателя смысл каждого из предложений текста, прибегая, например, к элементам толкования и/или комментария, эксплицируя цитаты и аллюзии, то есть фактически превращая перевод в комментарий. Однако немецкий читатель все равно не сможет до конца понять и оценить смысл всех этих цитат и аллюзий хотя бы уже потому, что является носителем другой культуры, нежели Венедикт Ерофеев. Кроме того, превращая перевод в развернутый комментарий, способный донести смысл до читателя, переводчик тем самым вынужден лишать

³ См. подробнее Добровольский Д.О. Лингвистические аспекты перевода художественной прозы (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот») // Языки в современном мире. Материалы конференции. Том I. М.: МГУ, 2004, с. 30-45.

текст перевода той уникальной авторской интонации, которая играет в поэме не меньшую роль, чем наличие интертекстуальных связей.

Таким образом, понятно, что та или иная стратегия в чистом виде не может решить всех переводческих сложностей; соответственно, переводчику, как правило, приходится совмещать обе эти стратегии, постоянно сталкиваясь с вопросом, что в данном конкретном контексте важнее: смысл или форма. Иными словами, решающим фактором всегда является контекст.

Рассмотрим ряд советских реалий, относящиеся к бытовой стороне жизни людей в Советском союзе в 60-е годы.

- (1) Я выпил еще на шесть рублей (Ерофеев: 18)
für weitere sechs Rubel gesoffen habe (Jerofejew: 10)

Заметим, что в 60-е годы алкоголь в СССР стоил сравнительно немного, например, бутылка водки стоила от двух до трех рублей. Соответственно, заявление лирического героя Венички о том, что он добавил еще на шесть рублей, нельзя принимать как реальный факт. Здесь скорее имеет место гипербола: даже с учетом того, насколько хорошо тренирован организм главного героя, количество дешевого алкоголя, соответствующее этой сумме, представляется преувеличенным. Подобная гипербола вряд ли вычитывается немецким читателем, так же, впрочем, как и русским читателем, принадлежащим к современному молодому поколению. Это еще раз подчеркивает необходимость комментария в данном и подобных ему случаях.

- (2) О, тщета! О, эфемерность! О, самое бессильное и позорное время в жизни моего народа – время от рассвета до открытия магазинов! (Ерофеев: 19)

O Vergeblichkeit! O Vergänglichkeit! O du ohnmächtigste und schmachvollste Zeit im Leben meines Volkes - o Zeit zwischen Morgendämmern und Öffnung der Geschäfte! (Jerofejew: 12)

- (3) А через полчаса магазин откроется: водка там с девяти, правда, а красненького сразу дадут. (Ерофеев: 19)

Und in einer halben Stunde öffnet das Geschäft. Wodka gibt es zwar ab neun, aber Roten geben sie dir gleich (Jerofejew: 13).

В конце 60-х годов в СССР действовало ограничение времени продажи спиртных напитков крепостью 40° и более (главным образом водки и коньяка) – они начинали продаваться с девяти часов. Однако поздно вечером еще было возможно купить алкоголь в ресторане, но рано утром, чтобы опохмелиться, необходимо было ждать девяти часов утра. Следует отметить, что в Германии магазины тоже открываются и закрываются в определенное время суток, но есть бензозаправки с маленькими магазинчиками, работающими круглосуточно. Таким обра-

зом, при желании алкоголь можно купить в любое время, и наличие утренней очереди перед дверями магазина – реалья, свойственная Советскому Союзу и непонятная немецким читателям. Отметим также, что в России после перестройки ситуация кардинально изменилась. Алкоголь теперь можно купить везде и всегда, поэтому для сегодняшней молодежи подобные проблемы могут быть непонятны без соответствующего комментария.

- (4) Раз-два-туфли-надень-ка-как-ти-бе-не-стыдно-спать? (Ерофеев: 43)
Heiße Kathreinele, schnür dir die Schuh. (Jerofejew: 47)

Популярная в 60-е годы финская танцевальная мелодия «летка-енка», известная в СССР с русским текстом, строчка из которого приведена в (4). Переводчик перевел эту строчку из неизвестной немецким читателям эстрадной песни с помощью названия некой немецкой песни. Сам по себе такой способ перевода вполне приемлем, важно лишь, чтобы эти песни были функционально сопоставимы.

- (5) кильку пряного посола, кильку простого посола, кильку в томате.
(Ерофеев: 52)
etwas Dosenfisch, einfach, in Kräuter-oder Tomatensauce. (Jerofejew: 61)

Абсолютно адекватный перевод, где в отличие от оригинала название рыбы не переведено эксплицитно, что, однако, не приводит к потере смысла. Дело в том, что в советское время из всех рыбных консервов наиболее распространена была именно килька. В Германии подобного предпочтения не наблюдалось, поэтому перевод *кильки* с помощью *Dosenfisch* верен, ведь главное здесь не сорт рыбы, а идея дешевых рыбных консервов.

- (6) По все России шоферня берет с «грачей» за километр по копейке. (Ерофеев: 83)
In ganz Russland nimmt das Fahrpersonal von den Schwarzfahrern eine Kopeke pro Kilometer. (Jerofejew: 107)

Абсолютно неверный перевод: во-первых *шоферня* означает шоферов, то есть *Fahrer* а не *Fahrpesonal*. Во-вторых, *грачи* – это люди, путешествующие автостопом. По-немецки *Schwarzfahrer* означает ‘пассажир без билета’, то есть соответствует русскому *заяц*.

- (7) Передвинуть стрелку часов на два часа вперед или на полтора часа назад, все равно, только бы куда передвинуть. (Ерофеев: 91)
Oder so ein Dekret: die Zeiger der Uhren sind zu verstellen, zwei Stunden vor oder anderthalb zurück, ganz egal, jedenfalls zu verstellen. (Jerofejew: 120)

- (8) Слово «черт» надо принудить снова писать через «о», а какую-нибудь букву вообще упразднить, только надо подумать, какую. (Ерофеев: 91)
Dann müßte noch der Beschluß gefaßt werden, wonach das Wort «Teufel» wieder mit «D» geschrieben und irgendein Buchstabe des Alphabets vereinfacht werden muß. (Jerofejew: 120)
- (9) Летоисчисление... сменим или оставим как есть? (Ерофеев: 92)
Was meinst du, sollen wir die Zeitrechnung ändern oder so lassen wie sie ist? (Jerofejew: 121)
- (10) Решено было временно перенести столицу из Черкасова в Полумы, то есть на двенадцать верст вглубь территории республики. (Ерофеев: 92)
<...> wurde beschlossen, die Hauptschtadt vorübergehend von Tscherkassowo nach Polomy zu verlegen, das heißt um zwölf Werst tiefer ins Innere der Republick. (Jerofejew: 121)

Примеры (7), (8), (9), (10) не так абсурдны как можно подумать. После Октябрьской революции часы действительно были переведены. Кроме того, до орфографической реформы 1918 года слово *черт* могло писаться и через *e* и через *o*. После реформы возможно стало только *черт*. Таким образом, перевод не совсем адекватен, ведь слово *Teufel* никогда не писалось через букву *D*, следовательно такой перевод воспринимается немецким читателем, как нечто совершенно абсурдное, в то время как на самом деле, основная авторская интенция здесь – это издевательский комментарий абсурдных декретов и реформ первых постреволюционных лет. Добавим также, что здесь есть просто ошибка перевода: *упразднить* переводится на немецкий язык с помощью глагола *abschaffen*, а не *vereinfachen*, который переводится на русский язык как *упростить*.

Отметим также, что действительно существовали проекты по примеру французской революции 1789 года отсчитывать новую эру со дня Октябрьского переворота, а в 1918 году столица в действительности была перенесена из Санкт-Петербурга (Петрограда) в Москву, то есть вглубь страны.

- (11) *Слушай-ка, канцлер.* (Ерофеев: 91)
Hör mal, Kanzler! (Jerofejew: 120)
- (12) *Как же! дадут вам Б-52! Держите карман! Прямо смешно вас слушать, сенаторы!* (Ерофеев: 94)
Daß ich nicht lache! Darauf könnt ihr lange warten, Herren Senatoren! (Jerofejew: 124)

Должности канцлера в послереволюционной России не было. Это вряд ли известно немецким читателям, тем более что в Германии такая

должность существует. Следовательно, здесь также необходим комментарий, в котором следует указать на вероятную аллюзию на немецкий порядок должностей, потому что должность канцлера, по крайней мере для сознания русских людей, наиболее характерна для Германии и чаще всего ассоциируется именно с этой страной.

Должности *сенатор* также никогда не было ни в Советском Союзе, ни в России (правда, сегодняшние члены Совета Федерации на журналистском жаргоне иногда называются *сенаторами*). Это довольно типичный пример авторского юмора, подчеркивающего всю абсурдность происходящего. Понимание подобных несуразностей безусловно важно для более полного и адекватного восприятия текста, соответственно такие детали без сомнения необходимо комментировать. Отметим, что ни у Власова, ни у Левина это никак не прокомментировано.

(13) *Комсорг Евтушкин* (Ерофеев: 75)

Komsomolorganisor Jewtjuschkin (Jerofejew: 94)

Перевод на первый взгляд верен, однако кроме комсомольских реалий, здесь еще содержится пародийная аллюзия на известного в СССР поэта Евгения Евтушенко (отсюда и схожесть фамилий), которая без комментария теряется. Таким образом, во-первых, не совсем понятно почему комсомольский организатор разговаривает стихами, а во-вторых, теряется культурно значимый подтекст, образующий едва ли не основной содержательный пласт поэмы. Именно эта составляющая поэмы делает этот текст культовым для русского читателя.

(14) *Какой террор открываешь? Белый?* (Ерофеев: 92)

Welche Art Terror willst du denn einführen? den Weißen? (Jerofejew: 120)

(15) *Почему нас не дают с юга регулярные части?* (Ерофеев: 93)

Wie kommt's, daß uns keine der regulären Truppen aus dem Süden angreift? (Jerofejew: 122)

Белый террор – террористические акты против отдельных лиц – видных большевистских функционеров на местах. Большевистские власти отвечали на него красным террором (расстрелы из расчета 1000 за одного). Изначально термин пришел из Франции эпохи Реставрации, где массовые аресты бонапартистов именовались *белым террором*. Подобная терминология вряд ли будет понятна читателю, плохо знающего или мало интересующегося историей, хотя русский читатель понимает аллюзию на постреволюционную ситуацию в России. При этом важная для автора концептуальная оппозиция *белого* и *красного террора*, имплицитно присутствующая в (14), вряд ли прочитывается немецким читателем. В (15) также имеются в виду реальные исторические события гражданской войны в 1918-1919 годах, когда Красной Армии, за-

щищавшей подступы к Москве, приходилось сдерживать натиск регулярных частей Белой Армии именно с юга.

(16) *Это – так! чепуха! Полет имела это* (Ерофеев: 92)

Das war doch nur Humbug. Ein «Hummelflug» (Jerofejew: 121)

Здесь имеется в виду название оркестровой пьесы из оперы Н. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». Очень важно передать то, что имеется в виду именно это сверхвиртуозное произведение, хорошо знакомое русскому читателю. Именно на легкость музыкальной ткани и как бы несерьезность этого виртуозного произведения намекает в данном случае Ерофеев. И если русский читатель, в своем большинстве, сразу вспоминает эту мелодию, то для немецкого читателя это может представлять определенную трудность. Заметим также, что комментарий в данном случае не может оказать существенную помощь в понимании текста, потому что музыку невозможно передать словами, то есть описать. Конечно, существуют интерактивные виды комментария, как это, например, было сделано в комментарии к роману «Улисс» Джойса, где читатель может с помощью гипертекстовых связей переходить от текста к аудиовизуальным фрагментам гипертекста и прослушивать упоминающиеся в тексте мелодии. Такой способ комментирования выдающихся произведений мировой литературы при всей своей привлекательности, видимо, еще долгое время будет оставаться дорогостоящим экспериментом и может по этим причинам пока не рассматриваться как реальная альтернатива традиционному комментарию.

Из приведенного выше анализа становится ясно, что такая составляющая художественного текста, как советские реалии является одной из наиболее сложных с точки зрения перевода. Понятно, что переводческие решения для каждого отдельно взятого контекста может быть по крайней мере несколько. Одни представляются более удачными, другие – менее. Для таких текстов, как «Москва-Петушки» *стратегия формы*, казалось бы, должна была оказаться предпочтительной техникой перевода. Сложно построенные нарративы требуют необычайно внимательного отношения к их форме. Пересказ сюжета другими средствами ни при каких обстоятельствах не может быть удачной стратегией. Тем не менее, последовательная ориентация на *стратегию формы* приводит к тому, что целый ряд содержательно значимых элементов текста обречен на полное непонимание немецким читателем. Очевидно, наилучшим решением является умелая комбинация обеих стратегий, так как ни одно из переводческих решений не в состоянии в полной мере передать культурный и социокультурный пласт, содержащийся в реалиях определенной эпохи в одной стране. Следовательно, неизбежные потери смысла должны (по крайней мере в академически ориентированных

изданиях) восполняться культурологическим, лингвистическим и литературоведческим комментарием по примеру Ю. Лотмана к «Евгению Онегину» или Ю. Щеглова к «12 стульям» и «Золотому теленку».

Источники

- Ерофеев В.* Москва-Петушки. М.: Вагриус, 2000.
Erofeev V. Moskau-Petuški. Zürich: Kein & Aber, 2005.
Jerofejew W. Die Reise nach Petuschki. München: Piper, 1978.

Литература

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Перевод как прикладная лингвистическая дисциплина // *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 138-163.
- Власов Э.* Спутник писателя. - М.: Вагриус, 2000.
- Добровольский Д.О.* Лингвистические аспекты перевода художественной прозы (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот») // Языки в современном мире. Материалы конференции. Том I. - М.: МГУ, 2004, с. 30-45.
- Левин Ю.И.* Комментарий к поэме «Москва-Петушки» / *Heinrich Pfandl* (Hrsg.). - Graz, 1996.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. - М.: Воениздат, 1980.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. - М.: МГУ, 2004.
- Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. - М.: Слово, 2008.
- Doorslaer L. van.* Übersetzung und literarische Ideologien // *Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B.* (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 267-272.
- Erten A.* Problems of intercultural translation // *Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B.* (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 345-356.
- Pshenitsyn S.* Cultural models and the meaning of a translated work // *Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B.* (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 357-364.
- Tellingier D.* Confrontation of Cultures – Naturalization Approaches in the Translations of Gogol's Revisor // *Klaudy K., Kohn J.* (eds.). Transfere Necesse est. Budapest: Scholastica, 1997, p. 494-499.
- Touy G.* Translation: a cultural-semiotic perspective // Encyclopedic dictionary of semiotics / *Sebeok Th. E.* (ed.). Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 1986, p. 1111-1124.
- Zauberga I.* Ideology and meaning // *Thelen M., Lewandowska-Tomaszczyk B.* (eds.). Translation and meaning, part 5. Maastricht: Universitaire Pers Maastricht, 2001, p. 317-323.

Прагматический аспект перевода

© Акаш Бадр Абдуллах (Королевство Саудовская Аравия), 2009

Любое речевое произведение, кроме языкового материала, из которого оно строится, требует как необходимое условие своего существования наличия еще трех компонентов: темы сообщения, ситуации, в которой осуществляется коммуникативный акт и участников этого акта, обладающих как лингвистическими, так и экстралингвистическими знаниями. Учет неязыковых моментов является одним из необходимых условий достижения переводческой адекватности, так как через них раскрывается во многих случаях содержание текста. Известен тот факт, что объем данных неязыковых факторов у разных народов неодинаков, поэтому переводчик не должен надеяться на то, что описываемый, например, в исходном тексте (ИТ) объект будет доступен представителю переводящего языка (ПЯ), в связи с чем переводчик должен располагать всеми необходимыми компетенциями, чтобы донести содержание ИТ в понятном для рецептора перевода виде. В лингвистической литературе данный момент называется прагматическим аспектом перевода. «Понятие прагматики в языкознании (и шире – в семиотике) отнюдь не сводится только к понятию прагматических значениях языковых (и вообще знаковых) единиц. Это понятие гораздо более широкое – оно включает в себя все вопросы, связанные с различной степенью понимания участниками коммуникативного процесса тех или иных языковых единиц и речевых произведений и с различной их трактовкой в зависимости от языкового и неязыкового (экстралингвистического) опыта людей, участвующих в коммуникации» [Бархударов 2008: 107]. Прагматика перевода определяется В.Н. Комиссаровым как «влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремление обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода» [Комиссаров 1990: 210]. Под прагматическим потенциалом оригинала понимается «способность текста производить коммуникативный эффект, вызвать у Рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществить прагматическое воздействие на получателя информации» [Там же]. На основе предложенного В.Н. Комиссаровым определения можно выявить следующую цепь последовательных процессов, заканчивающихся конкретным результатом:

воспроизведение прагматического потенциала ИТ → коммуникативный эффект на получателя ПТ → восприятие рецептором перевода исходного сообщения.

Прежде чем приступить к переводу, переводчику необходимо установить ряд существенных моментов, способствующих воспроизведению прагматического потенциала оригинала для достижения поставленной задачи, т. е. достичь желаемого эффекта на получателя переводного текста (ПТ). Во-первых, переводчик должен уяснить коммуникативную интенцию создателя текста, вызванную некоторой потребностью. Во-вторых, установить доминантную функцию текста. Каждый текст обладает доминантной функцией, целью которой является оказать определенное прагматическое воздействие на рецептора текста. Данная функция учитывается создателем текста при его составлении, например, тексты общественно-политического характера имеют целью воздействовать на публику. В-третьих, в прагматических аспектах перевода большое внимание уделяется коммуникативной направленности исходного сообщения. А. Нойберт выделяет четыре типа текстов с учетом того, что привлечение прагматических моментов зависит от типа переводимого текста [Нойберт 1978: 197-198].

1) Тексты внешнеполитико-идеологического характера, имеющие цель воздействовать на внешнюю публику, т. е. граждан других стран. Такие тексты составляются так, чтобы оказать определенное воздействие на определенного рецептора. Учет прагматических моментов при переводе подобных текстов необходим для достижения желаемого эффекта.

2) Художественные произведения, рассчитанные на носителей ИЯ, но во многих случаях они переводятся на другие языки, поэтому прагматические факторы в них играют важную роль.

3) Тексты, интересующие только носителей ИЯ, например, газетные материалы. Тексты такого типа переводятся в узком масштабе, в связи с чем прагматические моменты не учитываются. Однако когда необходимо перевести, например, какую-либо газетную статью, предназначенную для чтения носителями ПЯ, следует учесть прагматику оригинала.

4) Тексты научно-технического характера, создаваемые для научных целей и ориентированные как на носителей ИЯ, так и на носителей ПЯ, занимающихся в той или иной научной сфере. Здесь нет необходимости прагматически адаптировать ИТ в связи с наличием у носителей ПЯ необходимой информации для понимания и раскрытия содержания

текста, поскольку в данном случае нет нужды в дополнительном разъяснении.

И наконец, чтобы достичь нужного коммуникативного эффекта в распоряжении переводчика есть ряд приемов, помогающих ему разъяснить те моменты ИТ, которые могут быть не поняты рецептором перевода. Эти приемы составляют так называемую прагматическую адаптацию перевода. Прагматическая адаптация представляет собой изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны рецептора перевода. О тех изменениях, которые переводчик делает в переводимом тексте, А. Нойберт пишет следующее «обязанность переводчика предпринимать такие “изменения”, чтобы получился текст Б, который ориентирует получателя руководства об эксплуатации машины, говорящего на (ПЯ) так же, как текст А – говорящего на (ИЯ). В результате будут пропуски, дополнения, перестановки, перенесение акцентов и т. д., которые если их дословно перевести обратно, могут показаться говорящему на (ИЯ) коверканием, искажением, недопустимым добавлением, многословием, пропусками, изменением привычной классификации» [Нойберт 1978: 195]. Данная многоуровневая аналитическая операция, производимая переводчиком, приводит к тому, чтобы ПТ оказал такое же прагматическое воздействие на своего рецептора, какое оказал ИТ на своего получателя. Здесь, однако, следует уточнить понятие «коммуникативный эффект» или «прагматическое воздействие». Это не ограничивается только понятием воздействия в прямом смысле этого слова, т. е. вызвать у читателя конкретную реакцию или заставить его испытать какие-то эмоции или чувства. Оно шире, подразумевает также такой момент, как понимание читателем содержания сообщения. В этом именно и заключается задача переводчика. Это означает, что переводчик должен передать содержание оригинала так, чтобы рецептор перевода понял содержание этого текста так, как рецептор оригинала понимает исходное сообщение. Что касается понятия эффекта в первом значении, то не всегда можно его достичь. Ведь даже текст, ориентированный на людей, относящихся к одному и тому же обществу, вызывает разную реакцию в силу различий личностных данных этих людей, не говоря уже о людях другой культуры, другого мировоззрения. Об этом факте справедливо говорит В.Н. Комиссаров: «одинаковая реакция читателей оригинала и перевода не является обязательной целью любого перевода, а в некоторых случаях она принципиально недостижима, вследствие особенностей рецепторов перевода, невозможности определить реакцию рецепторов оригинала и ряда других причин» [Комиссаров 1999: 140]. Реакции получателей ИТ и ПТ

могут совпадать только тогда, если их личностные характеристики совпадают, «если мы сопоставим веер всех возможных индивидуальных реакций на ИТ и такой же веер реакций на ПТ, то совпадут те индивидуальные реакции, где совпадают индивидуально-личностные характеристики адресатов ИТ и ПТ. Это означает, что совпадают архетипы реакций индивидов, классы реакций на ИТ и на ПТ. В этом смысле равноценность регулятивного воздействия ИТ и ПТ означает буквально следующее: ИТ и ПТ дают своим адресатам объективную возможность одинаково отреагировать на сообщение, а будут ли реакции разноязычных адресатов эквивалентными, зависит от степени совпадения их индивидуально-личностных свойств» [Латышев 2008: 32]. Поскольку перевод предназначен для другого человека, имеющего иной менталитет, относящегося к другому обществу, постольку адаптация ИТ так, чтобы он был доступен ему, оказывается необходимой. Адаптация проводится с помощью экстралингвистической информации переводчика. Существуют некоторые способы адаптации ИТ, как-то: 1) добавление; 2) опущение; 3) генерализация; 4) конкретизация; 5) комментарии. В качестве примера использования добавления приведем следующее предложение: «*Нельзя представить Россию без Волги*». Любому русскому читателю известно, что такое Волга, однако эта информация не предполагается известной для арабского читателя, в связи с чем в ПТ необходимо добавить слово «река».

Л и т е р а т у р а

- Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 2008.
- Комиссаров 1990 – *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
- Комиссаров 1999 – *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999.
- Нойберт 1978 – *Нойберт А.* Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М.: Международные отношения, 1978.
- Латышев 2008 – *Латышев Л.К.* Технология перевода. М.: Академия, 2008.

Всеми свое время... **(к вопросу о переводе временных концептов на русский язык)**

© *А.В. Егорова, 2009*

С точки зрения понятийной наполненности концепт «время» оказывается одним из наиболее сложноорганизованных и неопределенных концептов любой языковой картины мира, выявить его составляющие особенно трудно потому, что лексема «время» представляет собой абстрактное имя, которое в шкале конкретности – абстрактности, составленной Л.О. Чернейко [Чернейко 1997: 321], занимает крайнюю позицию справа. Такие концепты относятся к абсолютам невидимого метафизического мира, посредством которых передаются культурно-обусловленные представления человека о мироздании и его категориях. Они отличаются высшей степенью абстрактности, так как их сущность невозможно постичь эмпирическим путем. Действительно, о непостижимости времени писал еще Аристотель в своей «Физике»: «Что время или совсем не существует, или едва существует, будучи чем-то неясным, можно предполагать на основании следующего. Одна часть его была и уже не существует, другая – в будущем, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый промежуток времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию» (цит. по: [Гайденко 2005: 334]). В последнее время появился ряд работ, в которых делается попытка раскрыть сущность концепта «время» как с философской, так и с лингвокультурологической точки зрения. Из последних крупных трудов, посвященных времени, стоит назвать монографию Л.Н. Михеевой «Время в русской языковой картине мира» [Михеева 2003], в которой, помимо всеобъемлющего разбора времени как предмета исследования различных областей научного знания (философии, истории, физики, психологии и др.), дается многосторонний анализ представлений русскоговорящих о времени, о характере его протекания, а также подробно разбираются языковые единицы его измерения. Л.Н. Михеева, опираясь на мнение А.М. Мостепаненко [Мостепаненко 1974: 31], говорит, в частности, о том, что существуют «время, относящееся к объективно-реальному внешнему миру, и время перцептуальное, относящееся к сфере восприятия внешнего мира отдельным индивидуумом» [Михеева 2003: 161]. Не хотелось бы вдаваться в философские споры о том, что стоит считать собственно объективно-реальным проявлением времени, так как это напрямую не касается темы данной статьи, однако, разделение времени на два типа может оказаться непосредственно связанным с тем, о чем речь пойдет ниже.

На наш взгляд, наиболее плодотворным подходом к изучению особенностей концепта «время» может стать его сопоставление с концептом «время» языковой картины мира другого языка, поскольку эксплицитно или имплицитно концепт – всегда объект сопоставительного анализа, который подразумевает как внутриязыковое сравнение, так и межъязыковое, когда сопоставляются концепты различных языков. Как и любое сопоставительное исследование, «изучение концептов направлено на выявление отличительных черт своего объекта: установление его этнокультурной специфики» [Воркачев 2003: 8].

При взаимодействии культур наблюдаются зоны коммуникативных неудач, обусловленные отсутствием либо несоответствием представлений, заключенных в том или ином концепте. Крайне выпукло такие зоны проявляются при переводе с одного языка на другой. «Само понятие взаимодействия культур, а в данном случае текстов как субститутуов культур, предполагает наличие общих элементов и несовпадений, позволяющих нам отличить одно культурно-языковое образование от другого (одну лингвистическую общность от другой)», – пишет Ю.А. Сорокин [Сорокин 1985: 137]. Чтобы проиллюстрировать данный тезис, обратимся к наиболее частотно цитируемому тексту – тексту Библии. В качестве наглядного примера приведем высказывания из книги Екклесиаста (Глава 3, ст.1 - 8), известные носителям как новогреческого, так и русского языка:

3 1 Всему свое время, и время всякой вещи под небом: 2 время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; 3 время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; 4 время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; 5 время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; 6 время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; 7 время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить; 8 время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

На древнегреческом языке этот отрывок выглядит следующим образом:

3 1 Τοις πάσι χρόνος και καιρός τώ παντί πράγματι υπό τόν ουρανόν. 2 καιρός του τεκείν και καιρός του αποθανείν, καιρός του φυτεύσαι και καιρός του εκτίλαι το πεφυτευμένον, 3 καιρός του αποκτείναι και καιρός του ίασασθαι, καιρός του καθελείν και καιρός του οικοδομείν, 4 καιρός του κλαύσαι και καιρός του γελάσαι, καιρός του κόψασθαι και καιρός του орχήσασθαι, 5 καιρός του βαλείν λίθους και καιρός του συναγαγείν λίθους, καιρός του περιλαβείν και καιρός του μακρυνθήναι από περιλήψεως, 6 καιρό του ζητήσαι και καιρός του απολέσαι, καιρός του

*φυλάξαι και καιρός του εκβαλείν, 7 καιρός του ρήξαι και καιρός του
ράψαι, καιρός του σιγάν και καιρός του λαλείν, 8 καιρός του φιλήσαι και
καιρός του μισήσαι, καιρός πολέμου και καιρός ειρήνης.*

Язык Септуагинты¹ наглядно демонстрирует, что в нем сосуществуют, по крайней мере, «два времени», а раз их два, значит, по какому-то признаку, либо по набору признаков, эти две единицы должны различаться, быть противопоставлены друг другу. М.В Бибииков в докладе на XVIII научной конференции «Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления» замечает, что перевод на русский язык приведенного выше текста «скрадывает существеннейшую разницу между двумя выдвигаемыми категориями — χρόνος, т. е. «время» вообще (лат. *tempus*) и καιρός — «момент, удобный случай» (*occasion*, ср. рус. *оказия*)» [Бибииков. Электронный ресурс]. Опираясь на комментарии к тексту Екклесиаста, данные философом-неоплатоником Олимпиадором Александрийским, М.В. Бибииков объясняет разницу между словами χρόνος и καιρός через призму отношения времени и пространства. Время-χρόνος есть некий интервал, т. е. «пространство», а время- καιρός – момент, конкретный в свершениях [Бибииков. Электронный ресурс].

Как мы видим, русской лексеме «время» в греческом варианте соответствуют две языковые единицы χρόνος и καιρός, причем лексема χρόνος употреблена только в первой фразе процитированного отрывка. Нисколько не умаляя заслуг предшествующих исследователей греческого текста, хотелось бы сосредоточить внимание на семантических различиях, проявляющихся в контекстном употреблении. Итак, χρόνος определяется как время, относящееся ко **всему** – *Всему свое время* (*Τοις πάσι χρόνος*), при этом καιρός – время, отведенное для совершения конкретных называемых действий либо событий, например, *время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру* (*καιρός του φιλήσαι και καιρός του μισήσαι, καιρός πολέμου και καιρός ειρήνης*), это скорее некий временной отрезок, а не момент начала действия.

Не случайно, что выбранная нами часть из книги Екклесиаста и ранее привлекала внимание ученых-лингвистов. Л.Н. Михеева пишет о том, что «чувство, рожденное временными циклами, было перенесено на линию времени тогда, когда время стало не только переживаться, но и осознаваться: «всему свое время» [Михеева 2006: 145]. Н.Д. Арутюнова замечает, что Екклесиаст ставит в один ряд сроки природы (*время насаждать, и время вырывать посаженное*), жизни (*время рождаться, и время умирать*) и истории (*время войне, и время миру*) [Арутюнова 1997: 51]. Однако вывод об осознании человеком линейности времени,

¹ «Перевод семидесяти двух старцев», собрание переводов Ветхого Завета на [древнегреческий язык](#), выполненных в III-II веках до н. э. в [Александрии](#).

базирующийся на данном примере, кажется нам несколько нелогичным. Линейным в данном тексте могло бы оказаться лишь время-χρόνος, если было бы вообще применимо понятие линейности в отношении неизменного абстрактного абсолюта. Н.Д. Арутюнова считает, что линейная модель времени является отвлеченной от мира человека, время лишь задает расположение точек на прямой, при этом их последовательность не представляет собой цепь казуально связанных событий [Арутюнова 1999: 687-689].

На наш взгляд, исключительно важным в первой приведенной нами фразе *Всему свое время, и время всякой вещи под небом* (Τοις πάσι χρόνος καί καιρός τῷ παντί πράγματι ὑπὸ τὸν οὐρανόν) является отсутствие глагола «быть» в греческом варианте. Эта значимая лакуна как бы переносит χρόνος туда, где нет бытования, заведомо начального и конечного, туда, где нет необходимости быть, т. е. – в вечность. Вероятно, в данном случае χρόνος не предполагает линейности или какой-либо другой направленности временного потока (цикличности, колебательности либо движения по спирали). Χρόνος «придан» всему (дательный падеж неслучаен!), растворен во всем сущем, являясь при этом его неотъемлемым свойством, онтологической характеристикой. Возможно, χρόνος относится к наиболее древним архаичным представлениям человека об окружающем его мире, это некая данность, изначально присущая мирозданию.

Еще более интересным представляется отсутствие при словах χρόνος и καιρός какого бы то ни было артикля, на первый взгляд – необходимо. Не этот или какой-то χρόνος, не этот или любой καιρός², не единственные χρόνος или καιρός, а единые для всех, не нуждающиеся в применении категории определенности/неопределенности. Глагольные формы инфинитива несовершенного вида в русском варианте и инфинитива, образованного от основы настоящего времени, – в греческом, определяющие предназначение времени-καιρός (например, *время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить*), несомненно указывают не на длительность действий, а на их повторяемость. Как будет показано ниже, одним из главных значений слова καιρός в современном новогреческом языке является значение «погода». Это значение напрямую соотносит καιρός с природными циклами. Заметим, что в памятниках письменности XVI-XVII веков слово «время» употребляется в основном в значении «погода», «хорошая погода» [Михеева 2003: 144], а современная русская лексема «погода» тоже несет в себе связь со временем – корень «год». Итак, время-καιρός циклично, оно воплощает в себе представления человека, характерные для мифологического сознания.

² Обе лексемы по-гречески мужского рода.

Единицы χρόνος и καιρός оказываются противопоставленными друг другу по очень важному признаку абсолютности/относительности. Т.В. Цивьян пишет об оппозиции абсолютности/относительности следующее: «Осваивая и классифицируя мир, человек исходит из себя как точки отсчета, применяя разные критерии относительности/абсолютности. Обозначение пространства, времени, связанных с ними категорий относительны: они зависят от того, куда помещает себя человек в определенной ситуации». Но в то же время «человек вводит в классификацию мира и другой критерий – абсолютность» [Цивьян 2005: 16].

Χρόνος в представлении грекоговорящих можно охарактеризовать как абсолютное, абстрактное время, четвертое измерение, не соотносённое с человеком и его деятельностью, поэтому τοῖς πᾶσιν χρόνος (всему свое время) – наибольшая степень абстракции, где «всё» выступает как воплощение всего сущего, видимого и невидимого, идеального и принадлежащего миру действительности, и время-χρόνος соразмеряется со всем мирозданием. Время-καιρός, в свою очередь, соотносится со сроком бытования вещей, совершения действий, протекания событий, т.е. с конкретным материальным миром, где время существования каждого отдельного предмета определено и конечно. Можно предположить, что единице καιρός в большей степени соответствовала бы лексема *пора*, однако, сема «начала», заключенная в русской языковой единице, не позволяет применить ее при переводе вышеприведенного отрывка из книги Екклесиаста.

В процитированном выше греческом тексте мы наблюдаем не просто употребление двух различных лексем со значением времени, а сосуществование двух типов времени, не нашедшее отражения в соответствующем русскоязычном варианте.

В новогреческом языке обе лексемы χρόνος и καιρός являются равно употребимыми, и встает вопрос о том, сохранили ли они до наших дней те же семантические особенности, которыми обладали в далекие времена перевода Священных книг с древнееврейского на древнегреческий, т.е. с III-II века до нашей эры. Оппозиция χρόνος – καιρός в димотике³ представляет собой ряд трудностей не только для концептуального и лингвокультурологического анализа, но и для лексикологического, так как они являются многозначными словами.

В «Новогреческо-русском словаре» И.П. Хорикова и М.Г. Малеева под редакцией П. Пердикиса и Т. Пападопулоса, являющегося на настоящий момент наиболее полным новогреческо-русским словарем

³ Димотика – современный новогреческий язык, в основе которого лежит разговорный язык. Языком официальных письменных текстов до настоящего времени является кафаревуса, близкая по своему грамматическому строю и лексическому наполнению древнегреческому языку.

(около 67000 слов), представлены следующие значения вышеперечисленных слов:

χρόνος о 1) время; 2) год; 3) эпоха, период, времена (мн.ч.); 4) муз. такт; 5) *грам.* время; 6) долгота (*слога*) [Хориков, Малев 1993: 820].

καιρός о 1) время; 2) удобный случай, подходящий момент, пора; 3) пора расцвета, созревания; 4) погода; 5) время, времена, эпоха, эра [Хориков, Малев 1993: 404].

К сожалению, новогреческо-русский словарь не является достаточно всеобъемлющим, чтобы на основании приведенных в нем значений сделать объективные выводы о представлениях греков о времени, поэтому следует обратиться к наиболее полному и подробному (на сегодняшний день) словарю новогреческого языка Георгиоса Д. Бабиниотиса, изданному Центром лексикологии Афинского университета, название которого звучит следующим образом: «Словарь новогреческого языка с комментариями правильного словоупотребления. Толковый. Этимологический. Орфографический. Словарь синонимов и антонимов. Словарь имен собственных. Словарь научных терминов. Словарь аббревиатур». Рассмотрим словарные статьи, в которых даются толкования интересующих нас единиц, а также примеры их употребления в дискурсе. Особую важность для исследователя представляют собой особенности сочетаемости абстрактных имен, так как именно посредством сочетаемости абстрактные имена представляют стоящую за ними сущность. «Проекции умопостигаемой (абстрактной) сущности на эмпирически постигаемые (видимые) явления раскрываются через глагольную сочетаемость абстрактного имени, а на эмпирически постигаемые свойства – через атрибутивную» [Чернейко 1997: 291].

У лексемы **χρόνος** выделены следующие значения⁴ [Μπατρινιώτης 2002: 1967–1968]:

1. *физ.* Фундаментальное понятие, которое обозначает длительность существования или проявления феноменов, действий, состояний и т. д., их последовательность; разделяется на настоящее, прошедшее и будущее; универсально воспринимается человеком и находится в тесной связи с пространством.

Это значение проиллюстрировано такими примерами:

Земное/солнечное время.

Он столько дней провел в больнице, что совсем потерял чувство времени.

У тебя все потихоньку наладится, время – лучший лекарь.

Пользуйся временем, ведь оно так быстро проходит!

⁴ Все переводы словарных статей из словаря Бабиниотиса сделаны нами. – А.Е.

*Время покажет, правильно ли мы поступили, что разошлись.
Течение времени.*

Далее следует указание на то, что синонимом слова χρόνος в данном значении выступает лексема καιρός.

2. *спец.* Период времени, заключенный между двумя событиями либо между определенным событием и настоящим моментом. Примеры:

Среднее время жизни человека (продолжительность жизни) в западных обществах за последние десятилетия намного возросла.

Прошло много времени с тех пор, как мы впервые здесь побывали.

Далее следует указание на то, что синонимом χρόνος в данном значении выступает лексема καιρός.

3. Неопределенный, но непродолжительный период. Примеры:

Чтобы завершить работы, нужно время.

У меня есть время, и я (много) путешествую.

4. Определенный период, в течение которого что-либо происходит или должно произойти, либо который предназначен для чего-либо. Примеры:

На решение задачи нам дали мало времени.

5. Спортивный результат.

6. Год (астрономический).

7. Единица измерения возраста.

8. (мн. ч.) Определенный временной период, эпоха.

9. Возраст.

10. Грамматическое время глагола.

11. Единица измерения (на что делится фут).

12. Единица измерения в музыке (такт).

13. Единица измерения цикла работы машин и механизмов.

У лексемы καιρός выделены следующие значения [Μπαλιγιώτης 2002: 807–808]:

1. Состояние атмосферы (температура, сила ветра и т. д.), характерные метеорологические условия, т. е. погода.

2. Сводка погоды.

3. Плохая погода.

4. Момент, подходящий для какого-либо действия, благоприятные обстоятельства. Примеры:

Пришло время (пора) принять серьезное решение.

Время (пора) уходить.

Синонимом в данном случае, по мнению Бабиниотиса, выступает однокоренная лексема ευκαιρία – удобный случай.

5. (о плодах и растениях) Время (семантизируется через χρόνος), в течение которого совершается созревание; подходящее время года, сезон (семантизируется через εποχή). Примеры:

Пока еще не время для клубники.

Время инжира уже прошло.

6. Время (χρόνος). Эта семантизация обошлась без каких-либо комментариев.

Примеры:

Время проходит.

7. Период времени (в прошлом, настоящем или будущем), семантизируется через εποχή. В этом случае слова «времена, годы» нам представляются наиболее соответствующим для перевода.

8. (мн.ч.) времена. *Эпоха, условия жизни, обстоятельства.*

9. а) Период времени определенной продолжительности.

б) Большой период времени (вероятно, самыми близкими по смыслу словами могут быть «давно», «долго»).

10. Время, которым располагает человек.

Конечно, мы не ставили своей целью дать полный перевод словарных статей с привлечением всего корпуса примеров, которыми снабжены в словаре Бабиниотиса данные лексемы, для настоящей работы это не существенно. Оставим за скобками и организацию словарной статьи, и принципы описания лексических значений. Релевантным для данного исследования, на наш взгляд, является то, что зачастую семантизация одной языковой единицы производится посредством другой взаимнообратно: χρόνος – это καιρός, а καιρός – это χρόνος. Подобный подход позволяет сделать вывод о том, что частью своих значений слова χρόνος и καιρός совпадают, а некоторой частью – существенно отличаются. Однако первое же приведенное значение лексемы χρόνος (*фундаментальное понятие, которое обозначает длительность существования или проявления феноменов, действий, состояний и т.д., их последовательность; разделяется на настоящее, прошедшее и будущее; универсально воспринимается человеком и находится в тесной связи с пространством*) уточняется с помощью синонима καιρός. Отметим, что только в некоторых примерах, которыми проиллюстрировано это значение, замена χρόνος на καιρός действительно возможна. В наиболее абстрактном своем воплощении (*земное/солнечное время; чувство времени; течение времени*) χρόνος не имеет синонимов.

Употребление ядерных единиц концептуального поля времени греческой языковой картины мира и концепта «время» русской языковой картины требует дальнейшего пристального и глубокого изучения. Подробный анализ всего лишь одной фразы, бытующей в живом дискурсе обоих языков и взятой из текста, прекрасно знакомого носителям

как русского языка, так и новогреческого, демонстрирует, что перевод с древнегреческого языка на русский был осуществлен с редукцией содержания. Позволим себе смелость предложить всего лишь одно маленькое изменение, которое, на наш взгляд, способно содействовать наилучшему пониманию приведенного выше отрывка из книги Екклизиаста: время, служащее переводом слова χρόνος, писать с заглавной буквы: *Всему свое **В**ремя, и **в**ремя всякой вещи под небом*. Таким образом удастся подчеркнуть различие между значениями слова «время» в первом и во втором случае, при этом не вносятся никаких реальных исправлений в текст Священного писания на русском языке, наоборот, заглавная буква может максимально приблизить русский перевод к языку Септуагинты, в котором времени абсолютному и времени относительному соответствуют две разные языковые единицы.

Л и т е р а т у р а

1. *Арутюнова Н.Д.* Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время: Посвящается светлой памяти Н.И. Толстого / РАН. Ин-т языкознания. - М., 1997.
2. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. - М., 1999.
3. *Бибииков М.В.* Средневековый Хронос как время бытия: эманации времени. Доклад на XVIII научной конференции «Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления» // Вестник гуманитарной науки. №2. 2006. URL: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=54825>
4. *Воркачев С.Г.* Концепт как «зонтиковый» термин // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 24. - М., 2003. С. 5-12.
5. *Гайденко П.П.* Понятие времени в Античности и в Средние века // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние Века. - М., 2005.
6. *Михеева Л.Н.* Время в русской языковой картине мира. - Иваново, 2003.
7. *Мостепаненко А.М.* Пространство и время в макро-, мега- и микромире. - М., 1974.
8. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. - М., 2008.
9. *Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. - М., 1985.
10. *Фесенко Т.А.* Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 12. - М., 2000. С. 5-8.
11. *Хориков И.П., Малеев М.Г.* Новогреческо-русский словарь. - М., 1993.
12. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. - М., 2005.
13. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. - М., 1997.
14. *Чернейко Л.О.* Базовые понятия когнитивной лингвистики и их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 30. - М., 2005. С. 43-74.
15. *Μπασιλιώτης Γεώργιος Δ.* Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. Ερμηνευτικό. Ετυμολογικό. Ορθογραφικό. Συνωνύμων – αντιθέτων. Κυρίων ονομάτων. Επιστημονικών όρων. Ακρωνυμίων. - Αθήνα, 2002.

Влияние социальных факторов на употребление эвфемизма

© кандидат филологических наук *Н.М. Потапова*, 2009

Многие исследователи (например, Сеничкина Е.П.) выделяют в явлении эвфемии несколько аспектов, в том числе и социальный. Мы согласны с мнением, что использование эвфемизмов может быть продиктовано социально обусловленными мотивами. О социальной обусловленности эвфемии можно говорить по нескольким причинам:

- язык человека есть средство общения, он имеет социальную природу,
- сам человек и его внутренний мир социальны, то есть общественно ориентированы и общественно обусловлены,
- психологические механизмы эвфемистической замены активизируются в общении,
- выбор эвфемизма зависит от ситуации общения.

На наш взгляд, тезис о социальности человека и его внутреннего мира не нуждается в обосновании. Более того, современные антропологи считают, что главную роль в превращении обезьяны в человека сыграл не столько труд, сколько социальные отношения. Это подтверждается исследованиями интеллекта современных обезьян. Разум, так же как и речь, развились у наших предков именно как инструменты эффективного взаимодействия с многочисленными соплеменниками. Некоторые учёные считают, что размер мозга тесно связан с размером группы, так как при анализе факторов, которые могли бы стимулировать развитие мозга, оказалось, что наиболее значимые корреляции наблюдаются между размером мозга (точнее, отношением размера мозга к общему размеру тела) и величиной социальной группы, а вовсе не со способностями добывания пищи. Размер мозга слабо соотносится с какими-либо другими несоциальными показателями. Зависимость его величины от размеров социальной группы легко представить, ведь чем больше людей, с которыми нужно устанавливать и поддерживать отношения, тем больших затрат это требует от человека, а напряжение как конфликт имеющегося с желаемым ведёт к развитию личности и познанию действительности.

Возвращаясь к социальной сути эвфемии, попробуем обосновать тезис о том, что выбор выразительных средств, в том числе и эвфемизмов, который говорящий делает в ходе коммуникации, во многом обусловлен социальными факторами. Крысин Л.П. подтверждает эту мысль: «Обращаясь к теме «эвфемизмы», исследователь вынужден привлекать

к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» [Крысин 1994:28]. К социальным факторам мы относим *ситуацию общения, социальные классы, роли и статус говорящих, их половую принадлежность*.

В ситуации общения проявляется вариативность языка, зависящая от социальных условий, которую можно представить в двух плоскостях – стратификационной и ситуативной. Стратификационная вариативность отражает социально-классовую структуру общества. Употребление слов и выражений зависит от социального класса. И хотя эта зависимость опосредована культурой, имеет свои особенности в разное историческое время, тем не менее, принадлежность к конкретному социальному классу¹ влияет на мышление и поведение людей, в том числе речевое. По наблюдению Москвина В.П., некоторые русские писатели аристократического происхождения в большей степени склонны обращаться к темам, требующим эвфемизации. К ним относятся Пушкин А.С., Гоголь Н.В., Достоевский Ф.М., Набоков В., Зощенко М.М., Ильф и Петров. В то время как в творчестве таких писателей, как Гайдар А., Волошин М., Блок А. отсутствуют темы, требующие эвфемизации.

Примером зависимости употребления языковых средств от социального класса могут служить изменения в общественно-политической жизни и их отражение в языке. После революции 1917 года язык как факт общественной жизни, как продукт социального развития должен был стать оружием в перестройке экономики и техники, орудием культурной революции. Языковые явления анализировались с точки зрения их классовой принадлежности, изучался их генезис, устанавливалось, какому классу они служат. Прогрессивными считались языковые явления и тенденции в языке, отвечающие интересам пролетариата. Поэтому плановое строительство языка, его рационализация заключались в упрощении литературного языка, для того чтобы язык стал понятным и доступным пролетариату. «Рационализация языка есть сознательное его регулирование на основе познания объективных законов его развития – регулирование, являющееся одним из участков классовой борьбы, подавляющее классово враждебные струи и тенденции в развитии языка и содействующее развитию исторически прогрессивных (т. е. пролетарских) тенденций» [Принципы... 1931:43]. Такими тенденциями стали бурное развитие лексической системы в связи с появлением новых жизненных реалий, проникновение в литературный язык просторечий и диалектизмов, большое распространение слов-аббревиатур: партком,

¹Социальный класс - крупная социальная страта, отличающаяся от других доходом, образованием, властью и престижем; - большая группа людей, имеющих одинаковый социально-экономический статус в системе социальной стратификации.

совхоз, управдом, рабфак и мн. др. Подобная перемена в языке позволила позднее назвать этот классовый язык советским новоязом.

Эвфемизмы, считавшиеся признаком цивилизованности, воспринимались пришедшим к власти пролетариатом как нечто чуждое. Важнейшей особенностью речи новых людей в силу названных причин явилось обильное использование дисфемизмов. Вот несколько примеров дисфемизмов в названиях рассказов Зощенко: «Мелкота», «Свинство», «Закорючка» и отрывков из них: «Другая кондукторша рычит в ответ, если ее спрашивают, и прямо чуть ногами не отбивается от пассажиров. А эта — нечто поразительное. Ну, прямо видим картину из недалекого будущего». Или о женщине, недовольной своим мужем: «Она мечтала встретить какого-нибудь стройного и гибкого мужчину, а муж был немного толстоватый и слегка, как бы сказать, косопузый».

Ещё несколько примеров авторских эвфемизмов: «Горло, говорят, Василий Митрофанович, от вас не убежит. Горло завсегда при вас, завсегда его прополоскать успеете». (Зощенко М.М., Прелести культуры.) «Больше как две бутылки мне враз нипочем не употребить. Здоровье не позволяет». «Один раз, помню, в день своего бывшего ангела, я четверть выкушал» (Зощенко М.М., Лимонад). Прополоскать горло, употребить, выкушать – эвфемизмы, заменяющие словосочетание «выпить спиртного».

В 1961 году Б.А.Ларин пишет об эпохе «победившего пролетариата»: «Характерным для социалистической эпохи является именно разоблачение эвфемизмов и предпочтение прямых, иногда резких и грубоватых выражений, что наблюдаем в возрастающей пропорции не только в разговорном языке, но даже в языке советской дипломатии и в ораторской речи...» [Ларин 1961:110]. Многие учёные считают, что, к сожалению, такая тенденция сохраняется и в настоящее время (Москвин В.П., Крысин Л.П., Кёстер-Тома З.).

Естественно предположить, что чем выше социальный класс, тем лучше образован человек и тем грамотнее он изъясняется, не употребляя «неприличных» слов, используя эвфемизмы. Однако Жельвис В.И. опровергает это мнение: «Ограничения на употребление obscene словаря могут частично или полностью игнорироваться в любых классах общества, в том числе самом образованном, включая высших политических деятелей, видных учёных, художников и т.д. Примеры тому в изобилии встречаются на страницах мемуаров, художественной литературы, писем» [Жельвис 1992: 50]. To swear like a lord – это выражение отражает тенденцию элиты «не брезговать соответствующим вокабуляром» [там же].

Исследователями часто отмечается, что подчёркнутое использование эвфемизмов характерно для средних классов общества. Объяснением

этому может служить высокое социальное положение, которое воспринимается элитой как некая должность и, находясь на верху иерархической лестницы, они не стремятся использовать гиперкорректные выражения для повышения своего статуса. Представители среднего класса стараются использовать любую возможность хотя бы для внешнего повышения своего социального положения, проявлением которого им кажется использование в речи смягчённых корректных выражений. Например, школьные учителя (относящиеся к среднему классу) используют большое количество эвфемизмов для называния отстающих учеников. В словаре эвфемизмов Холдера Р. выделено две тематические группы «Education» и «Low Intelligence». Примеры использования подобных эвфемизмов: «The BBC had been offered the series and had turned it down because one of the pupils was academically subnormal» [Холдер 2003].

«We do have a special course for the Over-active Underachiever» continued the Headmaster [Холдер 2003]. Эвфемизм *underachiever* при переводе на русский язык почти потерял свои эвфемистические свойства. *Developmentally challenged* (*developmental is associated with ignorance, lack of ability*), *underachiever*, *academically subnormal*, *uniquely proficient* («*uniquely*» used in compound adjectives with the meaning – suffering from a defect) - лишь несколько распространённых эвфемизмов этой тематической группы.

Гиперкорректное произношение, претенциозные выражения характерны для представителей нижнего слоя среднего класса. Например, *I desire to purchase* вместо *I should like to buy*; *Will you accord me permission* вместо *Will you let me*; *May I*.

Москвин В.П. считает, что поскольку для нижнего социального слоя, говорящего на просторечьи, практически не существует ни лексических, ни тематических запретов, то и средства эвфемизации они не используют, отвергают как коммуникативно нецелесообразные, либо слишком обременительные. Следовательно, люди недалёкие и невежественные не будут использовать эвфемизмы.

Логичной представляется мысль Москвина В.П. о нераспространённости эвфемии среди «непрестижных» социолектов, ведь построение и использование фигуральной речи (эвфемистической) требует определённой речевой культуры и определённого умственного развития.

Однако есть многочисленные свидетельства употребления эвфемизмов представителями социальных низов. Серебренников Б.А. приводит следующие примеры: *нарезать винта* – убежать из места заключения, *стукнуть шпалерам* – убить кого-либо из револьвера, *брать на перетьрку* – организовать быструю передачу по рукам украденной вещи, *стоять на стреме* – караулить и др. «Лексике воровского жаргона нередко при-

сущ циничный и грубый эвфемизм, стремящийся прикрыть обычными по внешней форме словами различные преступные действия».

Правомерным кажется мнение, разделяемое многими исследователями (Сеничкиной Е.П., Кацевым А.М., Крысиным Л.П.) о том, что эвфемизмы свойственны всем стилям языка и используются всеми социальными группами.

Посмотрим, как социальная роль влияет на выбор эвфемизма. Единицей ситуационного измерения языка, как говорилось выше, являются роли, в которых отражены социально обусловленные отношения между участниками коммуникативного акта. Под ролью понимается устойчивый шаблон поведения, включающий действия, мысли и чувства человека. Ролевое поведение есть поведение человека, занимающего определенную социальную позицию в соответствии с ожиданиями людей. Оно строится по образцу и имеет границы: исполнитель роли наделен определенной степенью свободы действий. Можно говорить о роли родителя, офицера, пассажира, но нет, например, ролей человека вообще, с одной стороны, и зевающего человека, с другой стороны, так как, ни общие характеристики, ни единственный релевантный признак не дают возможности составить роль - «внутренне связанную систему поступков, являющихся реакциями на поведение других людей» [Щепаньский 1969: 71]. Можно предположить, что в определённых ролях людям в большей или в меньшей степени свойственно использовать эвфемизмы. Например, в разговоре с начальством представитель какой-нибудь профессии скорее употребит эвфемизм, чем в разговоре с супругом, -гой.

Важнейшим детерминантом ролевых отношений является статус – «комплекс постоянных социальных и социально-демографических признаков, характеризующих индивида» [Швейцер 1983:15-20], то есть положение личности в обществе, устанавливаемое в терминах прав, обязанностей, привилегий и свобод, которые она (личность) получает благодаря своему положению. Социальный статус выражается в виде социальной дистанции между участниками общения, то есть в «погашении индивидуальных характеристик человека, занимающего определённую социальную позицию, и в актуализации отношений неравноправия между участниками общения» [Карасик 2002:41]. Социальный статус существует в каждом обществе, дифференцируя людей в социальном процессе, его можно повысить или понизить; человек может иметь статус только в общении с другими людьми, которые признают его место и обращаются с ним определённым образом. Статус, даже если он низок, важен, ибо без него человек не имеет прав в общественном окружении. Обладание статусом позволяет человеку ожидать и требовать опреде-

лённого отношения со стороны других людей. Системы социальной дифференциации различаются по степени их стабильности².

Речь является важнейшей характеристикой социального статуса человека и одним из его индексов наряду с особенностями одежды, жилья, манер, способов времяпрепровождения. Статусная индикация речи прослеживается в произношении, выборе слов и соблюдении правил нормативной грамматики со стороны представителей разных групп населения. Выделяются специфические характеристики речи образованных и менее образованных людей, мужчин и женщин, взрослых и детей, людей, говорящих на родном и неродном языке, использующих развернутый и ограниченный речевой код.

Эвфемистический характер носит индикация непрестижного статуса в англоязычном обществе. Менкен Г. считает, что американцы в большей степени склонны вуалировать, приукрашивать название своих непрестижных профессий, нередко придумывая для них новые (эвфемистичные) названия: *mortician* вместо *undertaker*, *beautician* вместо *hairdresser*, *exterminating engineer* вместо *rat-catcher*, *tree-surgeons* вместо *tree-trimmers*, *landscape-architects* вместо *gardeners*. Среди названий различных заведений тоже распространены эвфемистические наименования с целью повышения социального статуса: любой колледж стремится получить название университета. Вместо простого *shop* предпочитают использовать *store*, вместо прямого *jail – house of detention*. Слова, указывающие на низкий социальный статус, такие как *second-hand*, *ready-made* почти совсем исчезли из употребления, появились эвфемизмы *ready-tailored*, *ready-to-wear*, *slightly-second*. Продавцы подержанных автомобилей являются приверженцами эвфемистических переименований, свой товар они называют *reconditioned*, *rebuilt*, *repossessed* (данные английские эвфемизмы не поддаются переводу без утраты своего эвфемистического потенциала). Дорогие вагоны первого класса в поездах называются *first class*, а более дешевые вагоны обозначаются посредством определения *standard*. В рекламе не встречается слово *cheap*, потому что прямо апеллировать к дешевизне рискованно: покупатели могут почувствовать себя или прижимистыми, или бедными. Скорее всего, будет использовано слова *inexpensive*, *reasonably priced*, или *artificial*. Избегают говорить *small*, и др. Когда речь идет об обуви и подошва обозначается как *leather soles* (прямое наименование) – это признак дорогой обуви, *man-made soles* (косвенное наименование) говорит о менее дорогой обуви. Эвфемистические переименования нужны, для

² В относительно устойчивых обществах статус не только ясно определен, но может быть приобретен лишь путём наследования или прохождения хорошо установленного ряда процедур. В изменяющемся обществе меньше согласия относительно прав и обязанностей людей различного положения и пути продвижения обозначены менее ясно.

того чтобы менее состоятельные люди не чувствовали себя ущемленными.

Говоря о влиянии ситуации общения на выбор выразительных средств, мы прежде всего руководствуемся уместностью речи для данной ситуации общения. Вопрос о правильной оценке речевой ситуации, об уместности речевых средств сложен и зависит от различий между участниками общения.

Ситуации общения можно представить как симметричные и асимметричные. В асимметричных ситуациях использование прямых наименований может быть нежелательным, поэтому эвфемия будет использоваться для адаптации речевых средств целям общения. Об асимметричных ситуациях Жельвис В.И. в работе «Психологическая интерпретация инвективного воздействия» (1992) пишет, что для инвектив³ характерно движение «сверху вниз», а не наоборот. Следовательно, эвфемизмы скорее употребляются «снизу вверх», например, в ситуации «подчинённый – начальник», поскольку тот, чей статус выше, может позволить себе большую свободу речи и не использовать косвенные наименования. Тем не менее, существует и множество примеров употребления эвфемизмов «сверху вниз», когда к ним прибегают руководители в общении с подчинёнными, для вуалирования неприятной ситуации. Career change вместо dismissal from employment может служить примером: «The company's claim that its trading director had suddenly decided it is time for a career change after 23 years with Sainsbury's was a surprise to the rest of us... but a £270000 pay-off rather gives the game away – it transpired that the recipient had not arranged another career to change into». (Daily Telegraph, 29 October 2006). Ещё один похожий пример: «Workers headed home... with their redundancy pink slips and an invitation to drop in on what Boeing euphemistically calls its Career Transition Center to begin the search for new work». (Sunday Telegraph, 6 December 2006).

Крысин Л.П. (1994), говоря о зависимости употребления эвфемизмов от ситуации, подчёркивает, что «чем жёстче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим своей речи, тем более вероятно появление эвфемизмов. И, напротив, в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи эвфемизмам могут предпочитаться «прямые» обозначения или дисфемизмы.

Говоря о социальной обусловленности эвфемии, нужно отметить и её зависимость от пола говорящего. Социальная стратификация по половому признаку достаточно чёткая. Появился термин «гендер», «гендерная стратификация». Часто пол и гендер выступают синонимами, разница между ними в том, что первый относится к биологическим

³ Инвектива – оскорбление, форма языкового насилия над личностью (Шарифуллин Б.Я.). Этимологически данное слово восходит к латыни *invective oratio* – «бранная речь».

характеристикам человека: хромосомный набор, анатомия, и т.д.; а второй – к социальным, культурным и психологическим характеристикам. По мнению социологов, «sex is an ascribed status because a person is born with it, gender is an achieved status because it has to be learned» [Lindsey, Beach 2000: 314]. Учёные имеют в виду то, что человек в ходе взросления осваивает социальные модели поведения, присущие своему полу.

Подтверждает мысль о большей склонности женщин к эвфемизмам О.Есперсен. В своей работе «Language. Its nature, development and origin» он обратил внимание на особенности речевого поведения женщин, на их влияние на развитие языка. «Women exercise a great universal influence on linguistic development through their instinctive shrinking from coarse and gross expressions and their preference for refined and veiled and indirect expressions in certain spheres» [Jespersen 1923: 246]. Учёный предположил, что многие эвфемизмы изобретаются женщинами: «such euphemistic substitutes for a simple word «hell» as «the other place», «a very hot or a very uncomfortable place» originated with women» (там же).

Стремление женщин использовать более престижный вариант языка (здесь мы понимаем лишённый грубых прямых выражений, склонный к эвфемизмам по требованиям вежливости и риторики) отмечается Традгиллом П., который их употребление объясняет социальным статусом, имеющим большое значение для женщин. Те же причины он видит:

в воспитании женщиной детей, стремлении передать им культуру, требующую необходимости приучения их к «престижным» речевым нормам,

социальное положение женщины традиционно менее надёжно, отсюда следует её потребность обозначать свой статус языковыми средствами,

мужчин оценивают по их деятельности, женщин – по тому, как они выглядят и говорят [Традгилл 1984:400].

Однако Лакофф Робин, одна из представительниц феминистского движения, критикует подобную точку зрения. В своей книге «Language and Women's Place» она пишет, что женщины стали жертвами языковой дискриминации по двум направлениям: «in the way they are taught to use the language and in the way general language treats them» [Lakoff 1975: 4]. Значит, особенности речевого поведения женщин связаны с традиционным воспитанием, девочек приучают к скромности, вежливости, мягкости в речи. Но внешняя скромность не всегда соответствует внутреннему состоянию. Мысль об особом отношении языка к женщинам (language treats them) выражает точку зрения многих женщин-исследователей на современный язык. Считается, что в современном языке отражается дискриминация женщин, так как преобладают грам-

матические и лексические формы мужского рода. Этот факт доказывает доминирующую роль мужчин в обществе.

Классовая и половая (гендерная) принадлежность, несомненно, влияют на употребление эвфемизмов. Однако они не исключают элементов сознательного выбора тех или иных единиц в конкретной речевой ситуации. Ситуация общения – важнейший фактор, определяющий выбор речевых средств. Лабов У. пишет: «As far as we can see, there are no single-style speakers. Some informants show a much wider range of style shifting than others, but every speaker we have encountered shows a shift of some linguistic variables as the social context and topic change» [Labov 1972:208]. Развивая данную мысль, следует сказать, что для выбора адекватных в конкретной ситуации выразительных средств недостаточно учитывать перечисленные социальные факторы. Важно учитывать различия, связанные с личными особенностями говорящего и слушающего: возраст, состояние здоровья, прошлое, индивидуальные вкусы.

Итак, на речевую вариативность и, как следствие, на употребление эвфемизмов влияют следующие факторы:

- социальный класс,
- социальная роль,
- социальный статус,
- социальная ситуация,
- половая принадлежность.

Л и т е р а т у р а

- Есперсен О.* Философия грамматики. – М., 1923.
Жельвис В.И. Психологическая интерпретация инвективного воздействия. - Ярославль, 1992.
Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. - Л., 1988.
Кацев А.М. Эвфемизмы и просторечие. Семантический аспект. Актуальные проблемы семасиологии. - Л., 1991.
Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград, 2002.
Кёстер-Тома З. Стандарт. Субстандарт. Нонстандарт // Русистика. №2. - Берлин, 1993.
Крысин Л.П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // РЯШ, 1994. - №5.
Ларин Б.А. Об эвфемизмах. Учёные записки ЛГУ. Сер. фил. наук, 1961.
Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – М., 2007.
Принципы рационализации делового языка. – М., 1931.
Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс. – М., 2006.
Серебренников Б.А. Общее языкознание. - М., 1970.
Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США.– М., 1983.
Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., – 1969.
Lakoff R. Language and Women's Place. - 1975.
Lindsey L., Beach S. Sociology, 3/E 2000.
Mencken H.L. The American Language: an Inquiry into the Development of English in the United States. - Knopf, 1936.
Trudgill P. Standard English in England. - Cambridge University Press, 1984.
Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms. – Oxford University Press, 2003.

Эвфемистическая лексикализация концепта «гнев» в английской лингвокультуре

© Е.В. Тронева, 2009

Являясь эмоциональным концептом, концепт “гнев” подобно другим концептам, представляет собой этнически и культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, лексически или фразеологически вербализованное образование. Его базисом является понятийная основа, и он включает в себя собственно понятие, а также образ и оценку говорящего по отношению к нему. Спецификой эмоционального концепта является тот факт, что в его основе находится универсальное понятие эмоции гнева, что обуславливает наличие общих когнитивных признаков. Поскольку эмоции являются одной из форм отражения действительности, то эмотивные компоненты словесной семантики, выражаемые языком, можно рассматривать как специфический эмоциональный способ указания на мир через специализированную эмотивную лексику и ее семантику.

Одной из сложных проблем современной лингвистики является соотношение языковых и неязыковых знаний, концептуальной и лексико-семантической информации. По определению Е.С.Кубряковой, значением слова становится лишь концепт, «схваченный знаком». Поэтому соотношение между значениями и концептами имеет сложный характер. Например, все люди знают, что события, происходящие в жизни людей, вызывают определенные чувства и эмоции. Так, например, неприятные или несправедливые события в жизни людей вызывают чувство гнева. Однако, значения соответствующих слов и словосочетаний: *гнев, ненависть, злоба, негодование, возмущение, неприятие, испытывать ярость, злой как собака* и т.д. – отражают лишь определенную часть содержания данного эмоционального концепта.

По мнению исследователей, эмоциональные концепты имеют сложную и тонкую структуру и богатое концептуальное содержание. Они наиболее субъективны по своему характеру. Поскольку по совокупности концептов (концептосфере) можно судить о ментальной модели действительности, отражаемой в языке вообще и в языковом сознании конкретных носителей языка, в частности, тема вербальной репрезентации эмоционального концепта “гнев” в английской картине мира представляет огромный интерес для изучающих английский язык. С одной стороны, проявления гнева естественны для всего человечества, с другой стороны, эти проявления обладают национальными особенностями.

Кроме того, гнев во многих культурах (в частности англосаксонской) табуирован и принадлежит к одному из смертных грехов в христианской религии. Анализ словарных статей позволил выявить, что тема грехов стала источником для появления многочисленных эвфемизмов, и гнев как один из человеческих грехов стоит на первом месте среди остальных семи.

Поскольку традиционно считается, что у англичан не принято выражать сильные чувства, а скорее наоборот, является социально приемлемым их подавлять, мы смеем предположить, что для осуществления данной задачи собеседники прибегают к эвфемистическим средствам выражения речи.

Слово “эвфемизм” (греч. *eu* – “хорошо”, *phemi* – “говорю”) со времен древних греков употребляется для обозначения стилистического тропа, выполняющего роль словесного смягчения. В лингвистическом плане эвфемизмы стали изучать с прошлого века.

Говоря о собственно лингвистическом аспекте, выделяют два признака эвфемии: обозначение негативного денотата, под которым понимается предмет или явление, и косвенность номинации мелиоративного, т.е. улучшенного характера. Так, слово “навеселе” “tipsy” вместо “пьяный” “drunk” является эвфемизмом потому, что, во-первых, соотносится с негативным значением (пьянство вызывает в обществе отрицательное отношение), во-вторых, отличается косвенностью мелиоративного характера (ассоциация, “веселый”, возникающая от слова “навеселе”, смягчающего значение слова “пьяный”).

Следовательно, эвфемизмы есть способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного, постыдного или одиозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными соображениями.

Любые изменения в языке свидетельствуют прежде всего о том, что язык является подвижной системой и представляет собой развивающееся, постоянно подвергающееся изменениям динамическое целое. Появление нового эвфемизма в языке всегда приводит к более или менее заметным сдвигам в лексической системе. Эвфемизация часто становится источником синонимии, под которой мы понимаем «тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений» Во-первых, использование эвфемизмов приводит к пополнению уже существующего в языке синонимического ряда, например, “fury”, “rage”, эвфемизмы “blow”, “huff”. Во-вторых, появление эвфемизма ведет к образованию новой синонимической пары или нового синонимического ряда, например “to express outrage” – “to fly off the handle”.

Синонимия в данном случае ведет к обогащению лексической системы языка. Однако нередко слово-эвфемизм из-за частоты употребления, а также из-за влияния значения табуированного слова утрачивает свое эвфемистическое значение и само становится запрещенным словом, т.е. устаревший эвфемизм уже сам требует дальнейшей субституции. Отмечая данную особенность эвфемизмов, Б.А. Ларин замечал, что чем чаще используется эвфемизм, тем быстрее он теряет свои «облагораживающие свойства» и тем быстрее «требует новой подмены». Однако, несмотря на изменение семантического значения, табуированные фразы и так называемые swear words продолжают существовать намного дольше, чем их эвфемизмы. На наш взгляд, это совершенно естественное явление, поскольку какой бы ни был употреблен эвфемизм, сам предмет от этого не меняется. Эвфемизмы, пожалуй, являются одним из наименее стабильных пластов в лексике английского языка.

Эвфемия тесно связана с проблемой табу, поскольку эвфемизмами в первую очередь заменяются табуированные, архаичные названия. Принято считать, что эвфемизмы возникли из табуизмов. А.А. Реформатский определяет табу как «запрет, возникающий в сфере общественной жизни на разных ступенях развития общества, который может распространяться и на факты языка». Суеверная боязнь духов, заклинаний, магического действия слова, прямого наименования породила запреты на определенные слова, дозволенные только приближенным к высшим силам – шаманам, жрецам, вождям. В свою очередь вера в магию породила молитвы, заговоры болезней, привораживания. Итак, явление табу тесно связано с магической функцией речи, т.е. с верой в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир при помощи языка. Другими словами, как отмечал Д.К. Зеленин, «табу имеет цель сохранить жизнь человека, служит изолирующей силой, нейтрализующей злонамеренность духов, призраков» [Зеленин 1924: 11].

В английской коммуникативной культуре существуют многочисленные тематические табу, ограничивающие темы общения. Не принято говорить о политике, религии, сексе, касаться тем, которые могут привести к разногласиям, стать причиной спора, а также не рекомендуется задавать вопросы личного характера, касающиеся семьи, зарплаты, отношений, – всего того, что составляет личную жизнь собеседника и касается только его.

При совпадении в общих чертах предметно-понятийных сфер эвфемии в разных языках наблюдаются некоторые расхождения. Они связаны со специфически национальными реалиями культуры, истории, быта стран, в которых функционируют языки, с некоторыми чертами национального характера. Так, в английском языке можно выделить особую группу эвфемизмов – наименований таких сильных эмоций, как гнев,

раздражение, что, несомненно, связано с английской национальной чертой – сдержанностью в проявлении чувств.

В качестве эмпирического материала исследования был выбран словарь The Wordsworth Book of Euphemism.

В результате проведенного количественного и качественного анализа материалов словаря The Wordsworth Book of Euphemism, с точки зрения использования в нем эвфемизмов и способов их образования, мы пришли к следующим выводам.

Разные тематические поля представлены неодинаковым количеством словарных статей, а именно:

1) семь смертных грехов и другие прегрешения – 167 словарных статей, 2) секс – 107 словарных статей, 3) преступление и наказание – 97 словарных статей, 4) кровь, пот и слезы (все, что связано с выделительной системой человека) – 84 словарные статьи, 5) война – 57 словарных статей, 6) части тела (запретная тема) - 53 словарные статьи, 7) смерть – 48 словарных статей, 8) язык правительства (бюрократия) – 44 словарные статьи, 9) болезнь – 29 словарных статей, 10) работа – 27 словарных статей, 11) части тела (нейтральная тема) – 15 словарных статей. По количеству словарных статей мы можем судить о степени запретности некоторых тем в англоязычных культурах. Итак, наиболее эвфемизированным и, следовательно, запретным является все, что связано с человеческими грехами, сексом, преступлениями и наказаниями, а также выделительной системой человека.

Тема грехов стала прародителем тысячи эвфемизмов. На сегодняшний день известно, что количество основных грехов значительно превышает цифру семь. Однако средневековые мыслители, которые увлеклись нумерологией, определили мистическую семерку как идеальную цифру для представления смертных грехов и главных добродетелей. Тем не менее благодаря богословам был решен вопрос о том, что один грех приводит к другому и большинство пришло к выводу, что семь грехов, которые убивают душу, следующие: гнев, алчность, лень, гордыня, похоть, зависть и чревоугодие. В средневековые времена пастыри устанавливали соотношение между грехами и видами животных, температурой тела людей, типами личностей, временами года, а также мифическими и историческими героями. Несмотря на названные пережитки, мы до сих пор ассоциируем гнев с жаром, цветом и зверством. Например, мы до сих пор краснеем или становимся багровыми от ярости, и именно цвет нашего лица выдает наше раздражение и гнев.

Выражение гнева и его связь с эвфемизмами заслуживает отдельного рассмотрения. В рамках нашего исследования нам удалось выявить, что гнев как один из человеческих грехов стоит на первом месте среди остальных семи. Гнев представлен 31 словарной статьей, что составляет

1/5 всех перечисленных грехов и прегрешений в словаре. Наиболее продуктивным способом образования эвфемизмов является метафорический перенос или просто метафора. Если анализировать не только основные словарные статьи, но и синонимы, которые входят в каждую группу статей, то насчитывается порядка 110 синонимов эвфемистического выражения гнева, образованных путем метафорического переноса. С точки зрения когнитивной лингвистики мы можем предположить, что метафора играет большую роль в категоризации концептов, показывая, как новое познается человеком через неизвестное. Метафора определена как ключ к пониманию форм репрезентации знаний.

В качестве примера метафорического переноса можно привести выражение “To show one’s hackles – to become enraged or to be willing to fight” (“разъяриться и быть готовым лезть в драку”). Это выражение с 1881 года используется при сравнении озлобленного человека с дерущимся петухом. Слово “hackles” означает верхнее оперение птиц или шерсть животных на загривке, которую они щетинят, когда испытывают чувство недовольства или демонстрируют угрозу. “To show one’s hackles” своими корнями уходит, вероятнее всего, к истории петушиных боев и охоты на лис (охотничья собака ощетинивала шерсть, когда была готова убить лису). Теперь это выражение чаще всего относится к людям. Его синонимами являются: “getting one’s back up” (“изогнуть спину подобно рассерженной кошке”), “getting one’s quills up” (“выпустить иглы как у дикобраза”), “getting one’s bristles up” (“ощетиниться как кабан”), “ruffling one’s feathers” (“взъерошить перья”). Предположение, лежащее в основе данных эвфемизмов, утверждает мысль о том, что неконтролируемый гнев превращает человека в зверя.

Другим эвфемистическим выражением, заслуживающим нашего внимания, является “To give someone Larry Doodley – to express anger”; “to beat someone up” (проявить гнев, “вздуть” кого-то). Никто не знает, кем был Ларри Дудли, но есть предположение, что это австралийское выражение используется для словесного оскорбления или угрозы физическим насилием и произошло от имени боксера Ларри Фоли. Синонимами “to give someone Larry Doodly” являются выражения “to give someone curru” или “to go to market”. Первое из них, использовавшееся в 1940-х годах, имело более сложную форму: “make something hot for someone”, т.е. выразить гнев по отношению к человеку или оскорбить его. Выражение “to go to market” появилось приблизительно в 1898 году в Австралии и означает “вести себя озлобленно и жестоко”.

Итак, поскольку гнев, как человеческий грех, высказывается посредством метафор, мы делаем предположение, что метафора помогает в процессе эвфемизации не только удачно завуалировать или смягчить неприятные с точки зрения говорящего значения и ассоциации, но и в то

же время сохранить колорит и образность высказывания, обогащая язык. Метафорический перенос, используемый в качестве одного из способов образования эвфемизмов, играет значительную роль в категоризации концептов, показывая, как новое познается через уже известное.

В качестве заключения хотелось бы отметить, что языковые значения передают лишь некоторую часть наших знаний о мире. Основная же доля этих знаний хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур – концептов разной степени сложности и абстрактности, в содержание которых могут постоянно включаться новые характеристики. Эти характеристики, в свою очередь, будут требовать новых форм вербализации. В области языкового выражения, формой которого является коммуникативное общение, одним из наиболее трудных моментов является проблема эффективной речевой коммуникации. Учитывая то, что культура насилия, вербальной агрессии в последнее время приобретает новые популярные современные форму, большой теоретический и практический интерес вызывает изучение тех заложенных в слове факторов, которые обуславливают эмоционально-эффективную коммуникацию. Кроме того известно, что эмоциональные высказывания привлекают большее внимание слушателей и более эффективны в достижении своей цели, чем нейтральные. Гнев и его оттенки свойственны человеческой природе вообще, а не только какой-либо конкретной национальной культуре. По всей видимости, речевая агрессия, так же как и вежливость, имеет универсальный характер, и, несомненно, постоянно оказывает влияние на речь индивидов и на их поведение, независимо от их культурной принадлежности. Однако принадлежность к конкретной культуре определяет способы выражения гнева, а также возможности его преодоления, в том числе с помощью эвфемизмов.

Л и т е р а т у р а

1. *Арутюнова Н.Д.* Национальное сознание, язык, стиль. М., 1995.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1996
3. *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова// Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
4. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
5. *Гуревич А.Я.* Культура средневековой Европы – «Письмена времени». М., 2007.
6. *Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть 1., Л., Изд-во А Наук СССР, 1924.
7. *Иванова О.Ф.* Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур. М., 2004.
8. *Изард К.* Эмоции человека. М., 1980.
9. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования// Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

10. *Карасик В.И., Стернин И.А.* Антология концептов. М., 2007.
11. *Кацев А.М.* Языковое табу и эфемия. Л., 1988.
12. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
13. *Кубрякова Е.С.* Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона// Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.:Наука, 1991.
14. *Красавский Н.А.* Русская и немецкая концептосферы эмоций// Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
15. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996.
16. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2007.
17. *Ларин Б.А.* Об эвфемизмах// Проблемы языкознания. Ученые записки ЛГУ. 1977. № 301. Вып 60.
18. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. М., 2009.
19. *Мяжкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск: Изд-во Кур. гос. пед. ун-та, 2000.
20. *Новиков Л.А.* Синонимия// Лингвистический энциклопедический словарь/ Под редакцией В.Н.Ярцевой. М., Советская энциклопедия, 1990.
21. *Павловская А.В.* Англия и англичане. М., 2004.
22. *Попова З.Д.* Из истории когнитивного анализа в лингвистике// Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
23. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж., 1984.
24. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1966.
25. *Степин В.С.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.
26. *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры лексического значения слова. Воронеж., 1979.
27. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
28. *Филлипова М.М.* Английский национальный характер. М., 2006.
29. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2008.
30. *Neaman J.S., Silver C.G.* The Wordsworth Book of Euphemism, Cumberland House, 1995.
31. *Plutchic Robert.* The Psychology and Biology of Emotion. Harper&Collins, 1994.

Эталонные знаки феноменов *богатый* и *бедный* в сознании современных представителей русского лингвокультурного сообщества

© И.М. Воскресенская, 2009

Изучение эталонов как единиц лингвокультурного плана связано с потребностью раскрытия сущности национальной культуры и с целью оптимизации межкультурной коммуникации. Рассматриваемый нами факт деления общества на богатых и бедных относится к архетипической категоризации, являясь, соответственно, одним из базовых элементов культурно-исторического фундамента русского народа, а значит и потенциально содержащим эталоны указанных феноменов. Рассмотрение эталонов *богатства* и *бедности* позволяет с новой стороны подойти к актуальной социально-культурной дихотомии.

Исследование проводилось с целью определения того, какими эталонными знаками выражаются эталонные содержания *богатства* и *бедности* в сознании наших современников, а также проследить за их (знаков) динамикой. Поставленной цели служат следующие задачи: 1) проведение анкетирования среди представителей современного русского лингвокультурного сообщества; 2) обращение к материалам национального корпуса русского языка; 3) обзор словарных статей ассоциативного тезауруса русского языка и обращение к обзору текстов газетных источников с целью определения динамики представлений о *богатых* и *бедных*.

Подходя к определению понятий, встречающихся в данной работе, заметим, что используем понятие **лингвокультурное сообщество**, а не этнос, так как акцентируем своё внимание не столько на биологической, генетической, географической стороне такой общности, что связано с понятием этноса при любом его понимании, а на языковом и культурном единстве его членов [Гудков 2003: 41]. Что же касается базового термина настоящего исследования, то общий компонент в словарных статьях, посвященных интересующему нас феномену, содержит следующее высказывание: **эталон** – относительно неизменяемый образец для сравнения с чем-либо. С точки зрения науки **лингвокультурологии**, в рамки которой он помещен, эталон – это «характерологически образная подмена образа человека или предмета какой-либо реалией – персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта,

свойства» [Телия 1996: 242]. Кроме того, эталоны – наряду со стереотипами, обычаями и традициями – закрепляют массовые социально-психологические явления, возникшие в результате межличностного общения, и исполняют важные общественные функции: они регулируют общение, придают ему исторически-обусловленную определенность [Коломинский 1972: 101].

Будучи явлениями, «безусловно относящимися к когнитивному уровню организации и реализации личности в общении, понятия, идеи, концепты и т. п.», к чему мы относим и эталоны, не являются сами по себе лингво-когнитивными / лингвистическими феноменами, а «овеществляются» с помощью языковых средств, «лингвистических структур» [Прохоров 2006: 72].

При рассмотрении феномена «эталон» в качестве лингвокультурологической единицы, мы вслед за В.В. Красных различаем «содержательный смысл» эталона – нишу эталона, с одной стороны, и ее «заполнение», овнешнение в знаке – с другой [Красных 2005: 11].

В данной статье представляем анализ того, как «овеществляются» эталоны *богатства* и *бедности* посредством анкетирования русских информантов, анализа национального корпуса русского языка, материалов АТРЯ и обращения к обзору публицистических текстов.

Представим полученные результаты анкетирования 120-ти информантов, относящих себя к представителям русского лингвокультурологического сообщества. Участникам эксперимента предлагалось ответить на вопросы, связанные с представленностью в их сознании феноменов *богатство*, *богатый*, *бедность*, *бедный*.

Ниже приводим лишь совпавшие варианты ответов, в скобках указано число совпадений.

Богатство, богатый

Прецедентные имена:

Билл Гейтс (27); Абрамович (19); Рокфеллер (19); Крез (10).

Наибольшее число совпадений в ответах информантов данной категории получили прецедентные имена людей, живущих в настоящее время и считающихся самыми богатыми людьми планеты, являясь представителями крупного бизнеса. Очевидно, что пальма первенства принадлежит «наибогатейшему» современнику, за ним – самый богатый русский предприниматель, на третьем месте – человек, служивший бесменным эталоном богатства в 1980-х, а замыкает этот почетный список «старожил» среди эталонных знаков богатства, царь Лидии – Крез, живший в VI в. до н. э.

Духовные характеристики богатого человека и качества личности, выраженные именами абстрактных понятий:

счастье/счастливый (41); ум, интеллект/умный (23); мудрость/мудрый (22); любовь (13); семья (11); знания (9); радость (8); гармония (8); роскошь (7); жизнь (7); здоровье (5); нечестность (4); блеск (4); независимость (4); успешный (4); не обязательно свободный (4).

Преобладающее число реакций в большей или меньшей степени относятся к миру эмоций, чувств, внутреннего осмысления и переживания, что иллюстрирует очевидное противоречие словарным определениям «богатства» во всех лексикографических источниках. При этом названные респондентами лексические единицы имеют положительную коннотацию, за исключением двух примеров: *нечестность* (отрицательная оценка) и *не обязательно свободный* (легкая отрицательная оценка, сильно приближенная к нейтральной).

Антропонимы:

купец (10); король/царь (10); друзья (9); ни в чем не нуждающийся человек (8); олигарх (4); президент (4); нищий (4); голливудская звезда/голивудский актер (4); бизнесмен (4); монархи (4); богач (4); *бог* (3).

Антропонимы-ассоциации богатства представлены несколькими группами: люди, обладающие богатством – в основном, это наименования представителей власти и людей, занятых коммерцией, а также люди, символизирующие богатство для информантов: *друзья*. Во втором случае мы наблюдаем несоответствие мнений респондентов с традиционным словарным определением феномена богатства (см. напр. «Толковый словарь русского языка» под ред. Ушакова или «Малый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона).

Материальные аспекты богатого человека, выраженные именами конкретных атрибутов и ситуаций:

деньги (31); золото (20); достаток (11); дом (11); бриллианты (4); книги (4); уверенность в завтрашнем дне (2); хорошая работа (2).

В основном к конкретным атрибутам богатства относятся материальные ценности, которыми можно «обладать».

Информантами 4 раза был указан зооним «лев», которого во многих культурах считают символом представителя высшей государственной власти – короля, царя, и, следовательно, очевидна отсылка к миру человеческому, а также к ассоциированию богатства с властью преобладающими (см. «Антропонимы»).

Бедность, бедный

Антропонимы:

нищий (37); бомж (26); попрошайка (8); раб (6), крестьянин (4).

Полученная картина не требует особых комментариев, разве что «крестьянин» вряд ли попадет в подобный список у американцев или у европейцев.

Черты характера:

глупость/глупый (30); лень/ленивый (18); жадность (7); неудачливый (7); зависть (4); тот, кто вызывает жалость (4).

Названные участниками эксперимента качества личности свидетельствуют о том, что «вина» за бедность лежит на самом человеке и целиком в его ответственности. Можно даже сказать, что это личный выбор каждого (может быть, и бессознательный). Подобная точка зрения, на наш взгляд, зародилась в народном сознании с постсоветских времен, с появлением массовой литературы по саморазвитию и личностному росту, в которой людей активно призывали становиться «кузнецами своего счастья», преимущественно имея в виду «счастье» материальное.

Конкретные предметные и ситуативные атрибуты:

бедные кварталы (7); лохмотья (7); сухая корка хлеба (4); нитка (4).

Среди конкретных атрибутов бедности – т. н. «индексов» (В.И. Карасик, Ю.Е. Прохоров) – сложно выявить очевидных «лидеров». Вариант *нитка* появился, вероятнее всего, благодаря фразеологизму *оборать до нитки*.

Абстрактные атрибуты:

не порок (32); нищета (26); несчастье/несчастный (22); голод, отсутствие еды (12); безденежье (9); одиночество/одиноким (8); невозможность воплотить свои мечты (8); безысходность (7); нужда (7); когда нет друзей (4); отсутствие материальных благ (4); скудость души (4); зависимость (4).

В данную категорию попали лексические единицы, выражающие негативную оценку, значение «отсутствия»; духовные аспекты бедного человека, а также поиск информантами причин бедности и попытку определить это состояние. Сюда попали несколько вариантов, сходных с указанными в категории «Черты характера». Очевидно, наблюдаем тот факт, что абстрактные атрибуты по количеству и разнообразию значительно превосходят конкретные. Максимально лидирующий ответ *не порок* связан с широким бытованием паремии *бедность не порок*, в которой языковой культурой заложена нейтрально-положительная оценка феномена бедности.

Зоонимы:

церковная мышь/крыса (22); мышь (9).

Фразеологизм *беден как церковная мышь/крыса* помог появлению в ответах информантов лидирующих по совпадениям вариантов.

Прецедентный феномен:

«На дне» Горького (4).

Таким образом, даже среди не единичных ответов нет единообразия, достаточного для того, чтобы выявить определенный эталонный знак для каждого феномена. Однако представим максимально частотные результаты (свыше 20 реакций) в качестве наиболее вероятных претендентов на эту роль. Итак, эталон богатства богат как *Билл Гейтс*; он *счастливый, умный и мудрый*; обладает *деньгами и золотом*. Эталон бедности беден как *нищий, бомж* или *церковная мышь/крыса*; он *глупый*; крайнее выражение бедности – *нищета*, но это *не порок*.

Обращение к материалам национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), где собраны контексты из произведений русской художественной литературы, и запрос лексических единиц «богат как» и «беден как» показал совпадение с результатами настоящего исследования лишь в незначительном числе случаев – мы выделяем их полужирным шрифтом, а в скобках указываем их число:

Богат, как

прецедентные имена ***Крез*** (5), ***Гейтс*** и ***Ротшильд***; зоонимы *церковная мышь*; *еж иглами*; *оно свинья!*; антропоним *жид/еврей* (4); *черт* (3) и конкретная ситуация *в магазинах до 17 августа минувшего года*.

Итак, видим, что *Крез* более широко представлен в текстах художественной литературы в качестве символа наибольшего богатства, нежели наш современник *Гейтс* и эталон богатства начала XX века – *Ротшильд*. Слово *черт* перекликается со словом *бог*, представленным в анкетах. В первом случае заложена отрицательная оценка обладания богатством. Относительной частотностью обладает антропоним *жид/еврей*, остальные варианты единичны, причем зооним *церковная мышь* – неожиданный в данном контексте.

Беден, как

зоонимы ***церковная мышь/крыса*** (14); прецедентные имена *Ир* (2), *Иов*, *Есенин*; антропонимы ***нищий*** (2), *солдат* и *бедуин*; слово *природа*.

Безусловным лидером в контекстах национального корпуса стал зооним *церковная мышь/крыса*, что аналогично ответам анкет; незначительно, но представлен также антропоним *нищий*, появляются новые антропонимы и прецедентные имена, отсутствующие в анкетах, а также единичный вариант *природа*.

Данные контекстов национального корпуса не отражены в анализе публицистических текстов, проведенном О.С. Ильиной методом случайной выборки за период с 2000 г. по 2008 г.

Говоря о представленности стереотипных представлений о *богатых* и *бедных* в современных публицистических текстах федеральных и районных газет, О.С. Ильина выделяет следующие парадигматические ряды номинаций субъектов-носителей признаков «богатый»/«бедный» [Ильина 2008]:

1. Номинации, объединенные смыслом «предприниматель» (*предприниматель, бизнесмен, представитель бизнеса, коммерсант* и др.).
2. Номинации, объединенные смыслом «представитель власти» (*президент, чиновник, депутат, мэр, губернатор, представитель власти, власть имущий, сенатор, законодатель, парламентарий* и др.).
3. Номинации, объединенные смыслом «специалист по управлению» (*директор, гендиректор, начальник, топ-менеджер, босс, управленец* и др.).
4. Номинации, объединенные смыслом «лицо, занятое в сфере нефтяной промышленности» (*нефтяник, нефтяной магнат, нефтяной король, нефтяной барон* и др.).
5. Номинации, объединенные смыслом «лицо, занятое в сфере юриспруденции» (*юрист, адвокат, нотариус, слуга закона* и др.).

Возвращаясь к собственному эксперименту, необходимо отметить, что полученные нами результаты совпадают с категориями, выделенными О.С. Ильиной, не полностью. Представим подобное деление с учетом полученных ответов:

1. Номинации, объединенные смыслом «предприниматель» (*купец, бизнесмен, голливудская звезда/голливудский актер* [последний имеет отношение к шоу-бизнесу]).
2. Номинации, объединенные смыслом «представитель власти» (*король/царь, президент, монархи*).
3. Номинации, объединенные смыслом «богатый человек» (*богач; ни в чем не нуждающийся человек; олигарх*).
4. Номинация, имеющая смысл «люди, символизирующие богатство для респондента» (*друзья* [вызванная, вероятно, фразеологизмом *не имей сто рублей, а имей сто друзей*]).
5. *Нищий* [философская, на наш взгляд, ремарка респондента, указывающая на относительность понятий];
6. *Бог* [предположительно, универсальный эталонный знак].

Парадигмальный комплекс номинаций субъектов-носителей признаков «бедный» (см. [Ильина 2008]):

1. Номинации, объединенные смыслом «лицо по профессии, находящееся на государственном финансировании» (*ученый, преподаватель, учитель, военнослужащий, врач, медсестра, санитарка, дворник* и др.).
2. Номинации, объединенные смыслом «лицо, находящееся на государственном социальном обеспечении, получающее пенсию/пособие» (*пенсионер, ветеран войны, ветеран труда, инвалид, безработный*).
3. Номинации, объединенные смыслом «пожилой человек» (*старшее поколение, бабушка, дедушка, пожилые люди, пожилые граждане, старики* и др.).
4. Номинации, объединенные смыслом «член неполной и/или многодетной семьи» (*неполная семья, многодетная семья, сирота* и др.).

Ни одна из указанных О.С. Ильиной номинаций не отражена в результатах анкетирования. Вместо этого предлагаем следующее деление:

1. Номинации, объединенные смыслом «человек, живущий за чертой бедности, лишенный необходимых условий для жизни, «антисоциальный элемент» (*нищий, бомж, попрошайка*).
2. Номинация, имеющая смысл «человек, лишенный прав и свободы» (*раб*).
3. Номинация, имеющая смысл «представитель низкооплачиваемой профессии» (*крестьянин*).

Исследователь также указывает направления динамики стереотипных представлений о *богатых* и *бедных*. Например, в деловой газете «Коммерсантъ» детализируется парадигмальный комплекс номинаций, поддерживающих стереотипные представления о *богатых*. Расширяется ряд номинаций субъектов-носителей признака «богатый», объединенных общим смыслом «представитель/группа представителей бизнеса»: *предприниматель, бизнесмен, коммерсант, инвестор, представитель крупного/среднего/малого бизнеса, бизнес-сообщество, бизнес-элита* и др.

Наблюдается тенденция к персонализации субъектов-носителей признака «богатый» (языковыми средствами персонализации выступают имена собственные *Абрамович, Березовский, Вексельберг, Дерипаска, Потанин, Прохоров, Ходорковский* и др.) [Ильина 2008: 17].

Развивается образ богатого человека как субъекта, наделенного моральными обязанностями перед обществом в целом и перед бедными. Широко употребляются сочетания с положительной оценкой: *благород-*

ные дела, благородный поступок, заниматься благотворительностью, благотворительный фонд, на благо страны и др. [Ильина 2008: 18].

Групповые стереотипные представления о богатых и бедных, как в федеральной, так и в районной прессе, не всегда резко противопоставлены, они имеют точки пересечения, на основании которых между этими представлениями формируется общее концептуальное пространство. Константной является идея богатства духовного, объединяющая разные взгляды на богатых и бедных. Формируется способствующая сохранению целостности общенациональной культуры социально-интегративная функция стереотипных представлений о богатых и бедных (объединение в «свой круг» социальных групп и нации в целом) [Ильина 2008: 7].

С целью более полно проследить за динамикой интересующих нас феноменов, в заключение обратимся к материалам Ассоциативного тезауруса русского языка. Обращение именно к данному источнику обусловлено тем, что, по словам Ю.Н. Караулова, «ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти (знаний человека), фрагмент системы семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских», что входит в сферу интересов настоящего исследования [РАС 1996: 6].

Интересующие нас феномены представлены в обратном словаре, где словарные статьи названы по имени той или иной реакции. В скобках указано количество стимулов, вызвавших эту реакцию.

Богатый:

Антропонимы: **нищий** (6), щедрый (6); капиталист (4); жених (3), миллионер (3).

Другое: колорит (7); дар (2), кругозор (2).

Бедный:

Антропонимы: богатый (12); бродяга (4), инженер (4); неудачник (3), **нищий** (3), родственник (3); школьник (2).

Конкретный атрибут: квартал (2).

Полужирным шрифтом выделены стимулы, совпадающие с ответами анкет. Весьма интересен тот факт, что в словаре вариант нищий даже более широко представлен при реакции «богатый», нежели «бедный». Реакция «богатый» вызвана стимулами, которые сложно оформить в определенные группы (вероятно, не способствует этому сам характер представления этих данных в словаре) – среди вариантов представлены антропонимы *нищий* (антонимическая реакция), коррелирующие с данными анкетирования и обзора прессы *миллионер* и *капиталист*, харак-

теризующий атрибут *щедрый*, а также слова *жених*, *колорит*, *дар* и *кругозор*, вызванные устойчивыми сочетаниями этих знаков с прилагательным *богатый*. Совпадение с данными анкетирования получил лишь антропоним *нищий*, представленный в качестве стимула на обе реакции.

Итак, поставив перед собой цель определить, какими эталонными знаками выражаются эталонные содержания *богатства* и *бедности* в сознании наших современников, а также проследить за их динамикой, считаем необходимым сделать следующий вывод.

Несмотря на то, что сами эталоны богатства и бедности могут быть сравнительно устойчивы и неизменны, репрезентирующие их лексические единицы могут меняться вслед за политической, экономической и культурно-социальной ситуацией в мире. Интересно проследить, насколько устойчивыми окажутся актуализированные эталонные знаки *Билл Гейтс* и *Абрамович*, «овнешняющие» эталон богатства. Удержат ли они позиции «самых богатых» или уступят подобно *Рокфеллеру*, некогда бесспорно лидирующему в подобного рода чартах? Также вероятно, что эталонный знак *Абрамович* не будет столь же частотным в сознании представителей других лингвокультурных сообществ. В связи с этим возникает необходимость разграничить эталонные знаки, по крайней мере, на два вида: 1) универсальные/глобальные – присущие всем этнокультурам и 2) национально-актуализированные.

Учитывая динамику представлений о богатых и бедных, равно как и их эталонных знаков, заметим, что все больше эталонное содержание проявляется в антропонимах и прецедентных именах, а также среди «овнешняющих» единиц широко представлены элементы паремий, формирующих культурно-языковое сознание.

Л и т е р а т у р а

- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003.
- Ильина О.В. Речевое воплощение стереотипных представлений о богатых и бедных в современных газетных текстах. Автореф. дисс. – Екатеринбург, 2008.
- Коломинский Я.Л. Социальные эталоны как стабилизирующие факторы «социальной психики» // Вопросы психологии. М., 1972. № 1. С. 99-110.
- Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // Respectus philologicus. Вильнюс-Варшава, 2005. № 7 (12). С. 10-24.
- Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М., 2006.
- Русский ассоциативный словарь. Книга 3. Обратный словарь (от реакции к стимулу). Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть II / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: «ИРЯ РАН», 1996. 212 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
- www.ruscorpora.ru

ЛИНГВИСТИКА

О псевдонаучном гуманитарном дискурсе

© доктор филологических наук А.И. Изотов, 2009

Обратной стороной развития интернет-технологий в последние десятилетия стало, в частности, дальнейшее утверждение в массовом сознании иллюзии доступности гуманитарного знания.

Эта иллюзия существовала и раньше, ведь даже в названиях исторических или филологических исследований (в отличие, скажем, от исследований физико-математических), как правило, отсутствуют непонятные массовому читателю слова и термины¹. Никому не придет в голову, что он может сказать новое слово в сфере транспортировки заряженной плазмы в малогабаритных электронно-лучевых генераторах для вневакуумных приложений или в сфере методов интегрируемых систем в теории представлений, не будучи профессионалом в соответствующей области, а вот Лермонтов, Новгород и русское духовное самосознание не испугают никого². Даже научно-популярные, то есть рассчитанные на массового читателя, а не на профессионала, издания Стивена Хокинга и Роджера Пенроуза предполагают некоторые исходные познания в области физики и математики. Наверное, именно поэтому в книжном магазине «Молодая гвардия» на Полянке «Новый ум короля» (The Emperor's New Mind) Р. Пенроуза одиноко стоит среди «серьезных» учебников по физике на втором этаже, тогда как от популяризаторов истории ломятся полки на этаже первом.

Однако если раньше популяризаторскую книгу по истории надо было купить или одолжить (у приятеля или в библиотеке), то теперь доста-

¹ А если и присутствуют, то это рассматривается как заумь и манерничанье. Так, один из знакомых автора настоящих строк - издатель, печатавший 17 лет назад его монографию «Чешские атрибутивные причастия на фоне русских», до сих пор, хихикая, припоминает «адвигативные причастия».

² Ср. некоторые размещенные на сайте ВАК РФ названия докторских диссертаций, защита которых запланирована на март 2010 года:

Ризаханов Ражудин Насрединович. Транспортировка заряженной плазмы в малогабаритных электронно-лучевых генераторах для вневакуумных приложений / Московский физико-технический институт (государственный университет) / 01.04.08 - физико-математические науки.

Лебедев Дмитрий Ростиславович. Методы интегрируемых систем в теории представлений / ФГУП «Государственный научный центр Российской Федерации – Институт Теоретической и Экспериментальной Физики» / 01.04.02 - физико-математические науки.

Селин Адриан Александрович. Новгородское общество начала XVII века: просопографическое исследование / Санкт-Петербургский институт истории РАН / 07.00.02 - исторические науки

Горланов Геннадий Елизарович. Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания / Московский государственный областной университет / 10.01.01 - филологические науки.

точно подключиться к Интернету. Кроме того, раньше графоману надо было найти издателя, готового напечатать его опус (или же самому скопить на такое издание деньги), да вдобавок еще преодолеть цензуру, которая бывает не только политической, но еще и профессиональной (предварительное рецензирование). Теперь же он может без проблем вывесить плоды своего вдохновения в Сети, что запускает цепную реакцию: нелепость, будучи многократно повторенной, становится частью мифа - псевдознания³. Конечно же, в Интернете можно обнаружить отсканированную (с санкции правообладателя, но чаще пиратскую) копию серьезного исследования, однако работы типа «Индоевропейского языка и индоевропейцев» Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова тонут среди крестоносцев Батыев и графов Гомеров. У последних нет проблем со сканированием (FineReader с разгона распознает русский текст с редкими вкраплениями латиницы), да и сочиняются такие произведения не в пример быстрее, так как их авторам не нужно, как это делают специалисты по сравнительно-историческому языкознанию, опираясь на регулярные фонологические соответствия между языками, доказывать, например, что слова «голубь», «гесто» или «борозда» были заимствованы в славянские (и балтийские) языки из какого-то древнего не оставившего после себя ни письменных источников, ни живых потомков индоевропейского языка, а не были просто унаследованы общеславянским языком из праязыка индоевропейского. Достаточно объявить, как это делают С. Валянский и Д. Калюжный в «Другой истории России. От Европы до Монголии», что имя «Батый» происходит от русского слова «батя», то есть «отец», а «Золотая Орда» - это имеющий резиденцию в Праге (на набережной между Карловым мостом и зданием философского факультета Карлова университета) «Орден крестоносцев Красной Звезды»⁴, потому что «по золотому кресту, который носили благочин-

³ Например, у самых разных модных в последнее время историков-«альтернативщиков» содержатся ссылки на то, что русское слово «иго» заимствовано из латинского, что мы используем латинский, а не византийский календарь, и что «в нашем Священном Писании», в отличие от еврейского или греческого, есть Третья Книга Ездры.

О книге Ездры и о календаре речь будет идти на последующих страницах, что же касается «ига», то это слово **не было заимствовано русским языком из латинского**, оно было унаследовано им из общеславянского языка, который, в свою очередь, получил его (так же, как латинский, санскрит, др.-греческий, готский и т.д.), из общего индоевропейского праязыка, что доказывается регулярными фонетическими соответствиями между индоевропейскими языками, ср. и.-е. **iugom*, др.-инд. *yugám*, н.-перс. *jug*, греч. ζυγόν, лат. *iugum*, гот. *juk*, др.-кипр. *iou*, арм. *luc*, тох. *A yokām*, хет. *iukan*, см. [Красухин 2004: 67]. Если бы это слово было заимствовано русским языком из латыни, оно выглядело бы или как *югум* (ср. *форум* < *forūm*), в котором окончание -ум было воспринято как часть основы), или как «юг» (ср. *музей* < *museūm*), в котором латинское окончание было отброшено).

⁴ В огласовке С. Валянского и Д. Калюжного, под которой данный орден якобы известен в Чехии - «Рыцарский ряд крыжовников с червоной звездой». Подозреваю, однако, что в Чехии данное сочетание слов не будет звучать абракадаброй разве что для гастарбайтеров-украинцев.

ные, и получили эти крестоносцы на Руси название Золотого Ордена (*Ордо* по латыни, орда в старорусском произношении)».

Весьма показательными в этом плане представляются тексты известного отечественного фантаста А. Бушкова, который в последнее время позиционирует себя также и в качестве серьезного историка: в уже упоминавшемся книжном магазине «Молодая гвардия» у него есть персональная полка («А. Бушков») не только в разделе «Фантастика», но и в разделе «История».

По признанию самого А. Бушкова в одном из его многочисленных интервью, он, готовясь к написанию очередной книги по [альтернативной] истории, месяца три роется в Интернете, собирает материал по заданной теме, а затем быстро пишет текст. О том, что в результате получается, можно судить по приводимому на последующих страницах анализу небольшого фрагмента («О Константине и Мефодии») одной из его книг его же серии «Россия, которой не было»⁵.

Текст А. Бушкова набран гарнитурой Arial, наш комментарий к нему – обычным Таймсом (Times New Roman).

О Константине и Мефодии

Распространение христианства на Руси неразрывно связано с именами двух братьев - просветителей Кирилла и Мефодия.

С именами братьев Константина (принявшего перед смертью имя Кирилл, под которым он и был канонизирован, то есть причислен к лику святых) и Мефодия связано создание славянской письменности, которая, в свою очередь, связана с определённым этапом христианизации народов Центральной Европы, в первую очередь населения Великой Моравии, которая к тому времени уже была приобщена к христианству и подпадала под юрисдикцию Зальцбургской метрополии (поэтому именно архиепископ Зальцбургский Адальвин возглавил в 871 году церковный суд над Мефодием, собравшийся под патронатом Людовика Баварского). См. [Ottova encyclopedie 1997].

Крещение Руси произошло более чем через сто лет после смерти Мефодия, пережившего своего брата на 15 лет.

Именно они составили кириллицу - новую азбуку, пришедшую на смену старым славянским письменам, и эта азбука из Моравии и Чехии попала на Русь.

Заодно отметим, что «благочинный» - это назначаемый местным епископом из числа приходских священников старший, иначе - «протопоп», который не имеет с крестоносцами ничего общего.

⁵ Бушков А. Россия, которой не было. Славянская книга проклятий. – М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 576 с.

Анализируемый фрагмент находится на страницах 68-71 названного издания.

Во-первых, братья составили, скорее всего, не кириллицу, а глаголицу, кириллица же была составлена уже после их смерти в Болгарии. Основные обоснования:

1. Древнейшие из найденных глаголических памятников созданы в Моравии и Паннонии, где протекала деятельность Константина и Мефодия, а также в Хорватии и Македонии, где жили их изгнанные из Моравии ученики, тогда как древнейшие кириллические - на востоке Болгарии.

2. Глаголические памятники обычно более архаичны по языку, чем памятники кириллические.

3. В глаголице меньше букв, чем в кириллице, в частности, используется одна буква **Ѧ** для обозначения звуков, передаваемых в кириллице с помощью двух букв - **Ѣ** и **Ѧ**.

4. В кириллице мы находим буквы, обозначающие сочетания звуков, которые могли появиться у славян не ранее X века (после падения редуцированных) — **Ѣ** и **Ѧ**.

5. В памятниках, написанных кириллицей, иногда встречаются отдельные слова, написанные глаголицей, что может свидетельствовать о том, что данный текст переписан с текста глаголического.

6. Нам известны палимпсесты (памятники, в которых один текст написан поверх стертого или смытого другого), где кириллица написана поверх глаголицы, но не наоборот, см. [Хабургаев 1986: 23]

Это не все обоснования, а лишь наиболее распространенные из них. Существует аргументация и в пользу большей древности кириллицы (ср. например, [Истрин 1988: 51-93; 135-158]), однако она менее убедительна. Новые аргументы в пользу той или иной гипотезы добываются не на кончике пера, а в архивах и археологических раскопках (рукопись, надпись на глиняной посуде и т.д.).

Во-вторых, не существует достоверных исторических свидетельств о существовании у славян до Кирилла и Мефодия «старых славянских письмен». Более того, в «Сказании о письменах Черноризца Храбра», дошедшего до нас в множестве списков, прямо сказано, что в эпоху язычества у славян письменности не было, когда же они приняли христианство, то пытались записывать свою речь с помощью греческих и латинских букв «без устройства», то есть без каких-либо правил (ср. русские мейлы, записанные английскими буквами на заре компьютеризации):

Прѣжде оубо словѣне не имѣахъ кѣн'игъ, нѣ чрьтами и рѣзми чьтѣахъ и гатаахъ, погани сжштѣ. Кръстивъше же сѧ, римьскѣими и гръчьскѣими писменъи нѣждаахъ сѧ пьсати словѣньскѣ рѣчь без оустроенъа. (цитируется по хрестоматии [Стоянов, Янакиев 1972])

Воспроизведение типографским образом или в Интернете «Велесовой книги» и ей подобных текстов само по себе не является историческим свидетельством (если кто-то напечатает за свой или еще чей-

нибудь счет в типографии или же вывесит в интернете некий составленный им же текст про то, что он – старший сын английской королевы Елизаветы II, это не станет юридическим основанием для получения им британского гражданства и соответствующего титула).

Единственный исторический документ, на который могут сослаться сторонники существования докирилловской славянской письменности, – «Житие Константина», написанное сразу же после смерти Константина-Кирилла (869), но дошедшее до нас в более поздних списках, самый ранний из которого относится только к XV веку, см. [Соколянский 2004: 304]. Там упоминается, что в Херсонесе Константин-Кирилл нашел «Евангелие и Пластырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи...» (здесь и далее «Житие Константина» и «Житие Мефодия» цитируется по русскому переводу, приведенному в книге [Сказания... 1981]).

Вероятность, что в греческом на тот момент Херсонесе во время визита туда Константина-Кирилла волшебным образом появилась, а затем таким же волшебным образом исчезла бесследно русская письменность, представляется значительно менее вероятным, чем, например, иные объяснения:

Наиболее вероятное объяснение: Речь идет не о «русской», а «сурской» письменности. Один из переписчиков «Жития» (уже говорилось, что между созданием ЖК и древнейшей сохранившейся копией лежит более чем полтысячелетия (!), нечаянно переставил буквы (или же решил, что он исправляет ошибку, потому что веке в XIII на Руси «русские» письмена уже были, а «сурские» – нет. Последующие же переписчики исправно повторяли измененный текст. «Сурским» (=сирийским) языком тогда называли арамейский – язык, на котором говорил Спаситель и апостолы. Церковная традиция сохранила сведения о том, что Евангелие от Матфея было написано по-арамейски и лишь позже переведено на греческий. Когда Евангелие от Матфея перевели в XX веке на арамейский, обнаружилось, что Христос говорил ритмизованной прозой, ср.: «Всякий делающий грех есть раб греха» – Кул де абед хет-а / абхда гу дехет-а. Готовить стихами, наверное, все же легче, чем исцелять слепых и прокаженных, зато потом последователям Христа труднее будет исказить слова Учителя (помните, как в «Мастере и Маргарите» Иешуа Га-Ноцри обнаруживает, что его последователь Левий Матвей до неузнаваемости переиначивает его слова: «... ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил»).

Так что нет ничего удивительного ни в том, что в Херсонесе в IX веке могло оказаться Евангелие, написанное языком первых христиан (в этом регионе до сих пор живут караимы, знающие арамейский), ни в том, что Константин-Кирилл смог это арамейское евангелие прочитать, ведь незадолго до этого он научился читать на древнееврейском (об

этом сказано в том же ЖК). Напомню, что арамейский – язык, на котором евреи Палестины говорили две тысячи лет назад, а древнееврейский – язык, на котором говорили предки этих евреев и на котором написан Ветхий Завет (несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что арамейский так же относится к древнееврейскому, как итальянский к латыни, а современный русский – к старославянскому).

В поддержку этой трактовки А. Вайан и Р. Якобсон обращают внимание на то, что для правильного чтения «русских» писмен Константину было необходимо научиться «различать гласные и согласные», ведь в арамейском, как и в древнееврейском, гласные звуки обозначаются, как правило⁶, не буквами, а специальными значками то под, то над текстом, см. [Сказания ...1981: 117].

Еще одно вполне вероятное объяснение: Это могло быть евангелие на готском языке, ведь «русами» тогда называли **варягов**, см. уже цитированную книгу Соколянского (В этой книге весьма пространно опровергается варяжское происхождение этнонима «Русь», однако приводимый там фактический материал допускает прямо противоположную интерпретацию. Пересказ аргументов и контраргументов занял бы не одну страницу, поэтому сейчас ограничусь ссылкой на книгу).

В-третьих, даже если солунские братья создали кириллицу, а не глаголицу, на Русь она попала не из Моравии и Чехии, а из Болгарии, это доказывается в том числе и текстологическим анализом древних рукописей (см. любой современный учебник старославянского языка).

Разумеется, давно принято именовать братьев «православными византийского обряда»...

Солунские братья действительно были «православными византийского обряда». По решению Халкидонского собора христианские общины на бывших имперских территориях управлялись пятью формально независимыми друг от друга патриархами: римским (= папа римский), константинопольским, антиохийским, иерусалимским, александрийским (именно в этом порядке, определявшем их авторитет: римский патриарх был «первым среди равных», так как занимал престол апостола Петра, которого, в соответствии с последней главой Евангелия от Иоанна, сам Христос, встретившись с апостолами после своего воскресения, назначил руководителем христианской общины: «Паси овец моих»; константинопольский патриарх был патриархом новой столицы и т.д.). Управляемая этими пятью патриархами церковь (существовала даже теория «пяти чувств одного тела») была «католической», то есть «всеобщей, соборной» (греч. καθολικός, заимствованное в латинский

⁶ Древнееврейский алфавит содержит **только согласные буквы**, которыми первоначально обозначались не только согласные звуки, но и гласные (непоследовательно и неоднозначно). С середины I тыс. н. э. гласные начали обозначаться (дополнительно к старому способу!) с помощью особых диакритических значков - так называемой огласовки, см. [Ламбдин 2000: 23 след.].

язык как catholicus, значит 'всеобщий, всемирный, вселенский'), так как охватывала, с точки зрения средневекового европейца, весь мир (с точки зрения античного и средневекового сознания Вселенная (Ойкумена) кончается там, где кончается «своя» цивилизация; за пределами лежит первородных Хаос и дикари, которых надо или уничтожить, или цивилизовать, то есть сделать такими же, как «цивилизатор»). И эта же церковь называла себя «православной», так как противостояла тем христианским общинам (например, армянам или ассирийцам), которые верили «неправильно» ('ορθός значит 'прямой; правильный', ср. орфография – 'правописание'; δόξα – 'мнение, представление, предположение'; греч. ἑκκλησία ὀρθοδόξα, заимствованное в латинский язык как ecclesia orthodoxa, буквально значит 'имеющая правильную веру церковь'). После Великой схизмы XI, когда римский и константинопольский патриархи отлучили друг друга от церкви, одни христиане предпочли продолжать называть свою Церковь «всемирной, всеобщей» («католической»), другие – «православной», см. [Полный православный богословский энциклопедический словарь], а также [Вейсман 1899].

Так что солунские братья были «православными [и одновременно католическими]» христианами, но при этом «византийского обряда», так как различия во внешнем оформлении христианских служб на территориях, церковно подчиненных Риму или Константинополю, уже были (например, одни вели богослужение на латинском языке, другие – на греческом).

Однако все было несколько иначе.

Все было именно так, см. комментарий выше.

Во-первых, по логике азбуку следовало бы именовать не кириллицей, а константиницей - потому что брат Мефодия именовался как раз Константином, а имя Кирилл принял незадолго до смерти, уйдя в монастырь.

Во-вторых, в реальной действительности многие вещи получают те или иные названия не «по логике», а потому, что так исторически сложилось. Иначе бы Колумбией называлась не страна, а целый континент, к примеру.

Во-вторых, уже говорилось, что братья изобрели скорее всего не кириллицу, а глаголицу.

В-третьих, для средневекового христианина (а ведь именно он и придумал слово «кириллица») брата Мефодия зовут не Константин, а Кирилл, потому что именно под этим именем тот был канонизирован. Ведь и для проверяющего паспортный режим участкового важна последняя регистрация: если вы постоянно прописаны (зарегистрированы) в Москве, вы для него москвич, даже если вы родились в Моздоке (и, увы, наоборот!).

В-четвертых, Константин-Кирилл никогда не уходил в монастырь! Умирая, Константин постригся в монахи. Люди в те времена всерьез верили и в рай, и в ад, верили в то, что в ад можно попасть даже за один-единственный оставшийся на душе грех, например, за то, что когда-то в детстве нагрубил родителям (традиция деления грехов на смертные и не очень появилась в Европе позже). И крещение, и пострижение в монахи смысляет все грехи (в том числе и те, про которые не помнишь и в которых не можешь раскаяться), так что оба таинства в средние веки часто производили на смертном одре именно для того, чтобы очищенная от грехов и не успевшая нагрешить заново душа отправилась прямо в рай.

К тому времени новая славянская азбука давно была им совокупно с братом составлена...

Когда и где была составлена первая славянская азбука (в Моравии, в Паннонии или же «давно» – за год до поездки, за 10 лет до поездки и т.д.), равно как и трудовой вклад каждого из братьев определяется с известной долей приблизительности.

Во-вторых, вся жизнь и деятельность братьев свидетельствует о том, что они в первую очередь были посланцами Рима.

Известные источники свидетельствуют об обратном.

Папским легатом (= ‘посланцем Рима’) Мефодий стал в 870 году, когда папа назначил его «на стол святого Андроника»⁷, что автоматически делало Мефодия архиепископом и папским легатом *ad gentes*, однако «в первую очередь» (хотя бы хронологически) братья были «посланцами Константинополя». Именно императором они были отправлены в Моравию, именно об императоре они и вспоминают, прощаясь с жизнью, см.:

«Теперь я не слуга ни цезарю, ни кому другому на земле, только Богу вседержителю. <...> На следующий же день облекся в светлый иноческий образ и, приняв свет к свету, дал себе имя: Кирилл» (Житие Константина)

⁷ Андроник, один из семидесяти учеников Христа, считается основателем митрополии с центром в Сирмии (ныне Срем). Сирмий в IV веке был одним из главных центров римского управления на Балканах, а епископ Сирмия был митрополитом всех епископов Паннонии и Иллирика. После разрушения Сирмия аварами в 582 г. сирмийская митрополия фактически прекратила свое существование, но формально упразднена не была. Постановление Мефодия «на стол святого Андроника» с церковно-правовой точки зрения означало возобновление ее функционирования после временного перерыва, см. [Сказания... 1981: 73].

legatus, i m 1) посол (*legatos mittere*); 2) легат, помощник главнокомандующего: *legatem esse alicui* быть легатом у кого-л.; 3) в императорскую эпоху командир (*legati legionum*); помощник наместника провинции; 4) императорский наместник в провинции [Латинско-русский словарь 1949].

«Когда же на цветной неделе собрались все люди, он вошел в церковь (хоть) и был болен, молился о благословении цезаря и князя, и духовных, и людей всех...» (Житие Мефодия)

Судите сами. Сначала Константин и Мефодий и в самом деле жили в Константинополе - и были пока что не священниками, а учеными книжниками-мирянами.

Не говоря уж о том, что «сначала» они жили не в Константинополе, а в Солуни (потому и зовутся «солунскими братьями»), они перестали быть «книжниками-мирянами», как свидетельствуют их жития, задолго до миссии в Великую Моравию.

Мефодий так рано постригся в монахи, что нам не известно даже его мирское имя, ср.:

«... и пошел на Олимп, где живут святые отцы, постригся и облачился в черные ризы» (Житие Мефодия).

Ко времени моравской миссии он был уже не простым монахом, а игуменом, ср.:

[император Михаил Константину Философу:] «...иди, взяв (с собою) игумена Мефодия» (Житие Мефодия)

Очень рано перестал быть мирянином и Константин, ср.:

«...пошел логофет к царице и сказал: Вот юный философ не любит жизни этой, все же не отпустим его из (нашего) общества, но, постригши в священники, дадим ему службу, пусть будет библиотекарем у патриарха в Святой Софии, может, хоть так удержим его. И сделали.» (Житие Константина)

В 862 г. князь Ростислав, правивший Великой Моравией, прибыл к византийскому императору Михаилу и поведал ему, что Моравия отсеклась от язычества, стала соблюдать христианский закон, но не имеет учителей, которые проповедовали бы христианскую веру на славянском языке.

В 862 году к Михаилу III прибыл не князь Ростислав, а его посольство, это посольство и вело переговоры. Сам же он оставался в Великой Моравии, которой и правил, пока его не свергли.

Тогда-то император и поручил братьям ответственную миссию. Составив новую азбуку, Константин с Мефодием прибыли в Моравию и более трех с половиной лет проповедовали там христианство, распространяя Священное Писание, начертанное той самой кириллицей (константиницей).

Уже говорилось, что время и место составления первой славянской азбуки определяется с известной долей приблизительности. Все обнаруженные старославянские рукописи, язык который несет влияние моравского диалекта, написаны не кириллицей, а исключительно глаголи-

цей. Прочие аргументы в пользу того, что братья распространяли Священное Писание, начертанное не кириллицей, а глаголицей, см. выше.

После чего намеревались вернуться в Константинополь... но, встретив в Венеции папского гонца, приглашавшего их в Рим, последовали за ним.

В Великой Моравии у братьев начались церковно-дисциплинарные проблемы (Великая Моравия была тогда в церковно-административном отношении подчинена настроенному против богослужения на славянском языке архиепископу Зальцбургскому Адальвину (см. выше), которому, в соответствии с принесенным при пострижении обетом послушания, обязаны были подчиняться и монах Мефодий, и священник Константи́н - так же, как лейтенант и капитан в провинциальном гарнизоне беспрекословно подчиняются местному начальнику военного округа – генералу с тремя звездами на погонах. Кроме того, тот же Адальвин запросто мог отлучить обоих от церкви – в средние века вещь очень неприятная. Поэтому братья и отправились за помощью в Рим к папе – высшему церковному авторитету (да к тому же непосредственному начальнику Адальвина) за покровительством.

Как мы видим, у братьев были более серьезные причины ехать в Рим, чем случайная встреча в Венеции.

Именно в Риме папа Андриан II рукоположил братьев в сан священников!

Во-первых, в священники, в соответствии с «Житием Мефодия», в Риме рукоположили Мефодия, Константин-Кирилл же был рукоположен в священники еще в Константинополе, см. «Житие Константина».

Во-вторых, очень сомнительно, чтобы этот обряд проводил папа лично.

Сохранилось письмо папы моравским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу, где, в частности, говорится: «Мы же, втройне испытав радость, положили послать сына нашего Мефодия, рукоположив его и с учениками, в Ваши земли, дабы учили они Вас, как Вы просили, переложив Писание на Ваш язык, и совершили полные обряды церковные, и святую литургию, сиречь службу Божию, и крещение, начатое Божьей милостью философом Константином».

В Моравии одновременно правил один князь. Святополк стал князем, свергнув Ростислава, а Коцел вообще был не моравским князем, а паннонским, так что «письмо папы моравским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу» могло бы существовать только в случае серьезного умственного помешательства римского понтифика (не зафиксированного, впрочем, как и данное письмо, в архиве Ватикана, ср.: «Латин-

ский оригинал буллы до сих пор не обнаружен» [Сказания... 1981: 151]).

По какому изданию цитируется данный текст? Ссылка на цитируемый источник могла бы помочь читателю исправить допущенные г. Бушковым ошибки.

О вражде меж западной и восточной церковью пока что нет и речи - в том же послании Андриан именует византийского императора «благочестивым».

Во-первых, с какой же стати в дипломатическом документе без особой на то необходимости выступать против Византии – сверхдержавы той эпохи.

Во-вторых, «добрая ссора» между Римом и Константинополем еще впереди, а пока царит «худой мир». «Холодная война» между римским и константинопольским патриархами за чуть не стала «горячей», когда император Лев III (717-741) приказал уничтожить все иконы и изображения святых как нарушающие третью из десяти заповедей («Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и на земле внизу, и что в воде ниже земли» – цитата по Синодальному переводу, Исход, 20). Папа не поддержал то, что он назвал сразу, а историки позднее «иконоборческой ересью». Военных сил у Льва III и его преемников хватало тогда только на восточные епархии, в западных же епархиях церковные изображения так и остались не уничтоженными, а мятежный папа не наказанным. Тем не менее тезка императора-иконоборца папа Лев III, чтобы обезопасить себя, уговорил Карла Великого короноваться альтернативным императором в 800 году в Риме в соборе св. Петра (Карл Великий покровительствовал Риму до конца своих дней). Это мы называем Византию Византией, а они-то сами считали себя Римской империей (пусть и временно утратившей контроль над некоторыми провинциями), а своего басилевса – императором (не восточным императором, а просто императором – очередным по счету преемником Юлия Цезаря и Октавиана Августа Цезаря). В 843 году империя франков распалась, и в течение следующих 119 лет (до коронации в 962 году Оттона I первым императором «Священной Римской империи»; последним будет Франц II, отказаться от титула которого заставит Наполеон после Аустерлица) прошли без «альтернативного» императора, однако за год до этого Феодора, управляющая Византией за малолетством ее сына Михаила III, торжественно восстановила иконопочитание. Так как же папа мог не назвать Михаила III «благочестивым»?! (Имена и даты из последнего издания Большой советской энциклопедии и «Полного православного богословского энциклопедического словаря».)

Есть еще одно многозначительное упоминание: Константин и Мефодий, отправляясь в Моравию, заранее знали, что эти земли относятся к «апостольскому», то есть римскому канону.

Перепутаны совершенно разные понятия: «апостольский канон» и «апостольский престол».

В первом случае речь идет о правилах и постановлениях, установленных св. апостолами и подтвержденных на ряде вселенских и поместных соборов, см. [Полный православный...]. Например, «тридцать пятый апостольский канон» запрещает епископу нарушать границы чужой диоцезы (епархии) («да не будут во едином граде два епископа»). Именно нарушение этого канона и было инкриминировано Мефодию на суде баварских епископов.

В этом плане к «апостольскому канону» относилась и Византия, да и вообще большинство тогдашних христианских государств.

Судя по всему, г. Бушков имел в виду, что Великая Моравия и Паннония в церковном отношении были подчинены «апостольскому престолу», то есть папе Римскому. (Апостол Петр был первым епископом города Рима, поэтому римскую кафедру называют также «апостольским престолом»).

Это знали не только братья, это было общеизвестно, потому-то император и не выполнил просьбы князя Ростислава «прислать епископа и учителя» в полной мере. Прислать на территорию, уже подчиненную какому-то епископу, своего епископа было бы грубейшим нарушением только что упомянутого «тридцать пятого апостольского канона». Разразился бы международный скандал, сопоставимый со скандалом вокруг суверенитета Абхазии. Восточная Римская империя потому и пережила Западную на тысячелетие, что вела искусную внешнюю политику: к Ростиславу поехал не «епископ и учитель» (как просили), а просто «учитель» - священник Константин со своим братом-монахом, так что в тот раз Константинополь не поссорился ни с сепаратистами («свой» епископ нужен был Ростиславу, чтобы выйти из церковного подчинения немецким епископам - что не скрывается ни в одном учебнике старославянского языка), ни с Европой.

А потому ни в малейшей степени не отклонялись от римских канонов.

См. выше.

И найденные ими мощи святого Климента отвезли не в Константинополь, а в Рим.

Да, и эти мощи, безусловно, порадовали папу. Почему папу было нужно порадовать, говорилось выше.

Остается лишь добавить, что впоследствии папа сделал Константина епископом, а также специально восстановил для Мефодия Сремскую митрополию.

Во-первых, умершего в 869 году Константина ни папа, ни кто иной епископом не делал! Он и на иконах изображается, в отличие от Мефо-

дия, не в епископском облачении, а в монашеском, (см. соответствующую икону в ближайшей церкви).

Во-вторых, папа, назначая Мефодия архиепископом Моравии и Паннонии, сделал вид, что он не создает новую диоцезу (епархию) в ущерб диоцезе Пассау и архидиоцезе Зальцбурга (как это в реальности и было), а просто заполняет вакантное место в давно существующей архидиоцезе, да еще какой - самого святого Андроника! Так что папа тоже был искусный политик - и Мефодия защитил, и немецким епископам дал шанс отступить, не потеряв лица.

Итак, в конце IX века в славянских землях с благословения римского папы трудами Константина и Мефодия распространилось христианство апостольское, т. е. римского канона.

Христианство в конце IX века действительно распространялось на части славянских земель, это был объективный исторический процесс, славянская письменность, которую создали братья, немало этому способствовала. Вот только противостояние «римской» и «греческой» церкви, которое уже ощущалось, не способствовало этому объективному процессу, а препятствовало. У самого Мефодия, как уже отмечалось, были проблемы с «латинскими» епископами, а после его смерти в 885 году все его ученики были изгнаны из Моравии (в лучшем случае) или проданы в рабство, а все их рукописи уничтожены как еретические (если не сразу, то чуть позже – в XI веке, когда была сожжены все славянские рукописи, найденные «латинистами» в Сазавском монастыре – чешском монастыре, где славянское богослужение продержалось дольше всего, см. энциклопедию [Ottova encyclopedie 1997]). До нас не дошла ни одна славянская рукопись IX века, то есть руки Кирилла, Мефодия или их учеников, лишь списки списков. (См. любой современный учебник по старославянскому языку). К счастью, к тому времени уже христианской была Болгария, там и нашли прибежище спасшиеся из Моравии ученики Кирилла и Мефодия, так что славянская письменность была уничтожена не до конца.

По поводу бессмысленности употребления в данном контексте словосочетания «христианство апостольское, т.е. римского канона» см. выше.

Распространялось среди ближайших соседей Руси, родственных славян.

Ни жители Моравии, ни тем более Паннонии никак не являлись «ближайшими соседями Руси».

Все ближайшие соседи тогдашней Руси (кроме христиан греков-византийцев на юге и недолгое время иудеев-хазар на юго-востоке) были язычниками: на юго-западе печенег, на западе и северо-западе литовцы и пруссы, на севере финны и карелы, на востоке мордва и т.д. При этом никого из них уж никак не отнести к славянам.

Может быть, именно отсюда и берет начало и появление в Киеве христианских церквей, и крещение Ольги? А Константинополь здесь и вовсе ни при чем?

В свете комментария выше предположение совершенно нелепое.

Лишь впоследствии, когда между Римом и Константинополем отношения испортились напрочь и дело дошло до взаимного анафематствования, летописцы вроде Нестора (жившего, скорее всего, в XV или XVI веках) постарались на совесть, чтобы вымарать все «крамольные» упоминания о крещении, первоначально принятом от посланников Рима.

В каких конкретно изданиях и какие конкретно авторы убедительно доказывают факты сознательного искажения летописцем Нестором информации о крещении Руси?

В каких конкретно изданиях и какие конкретно авторы убедительно доказывают недостоверность многочисленных средневековых документов о крещении Руси, описанных, к примеру, в фундаментальной монографии современного чешского историка [Lášek 1997], и как так оказалось, что международной научной общественности не известна ни одна подобная публикация (ведь если бы в данной монографии обнаружались «ляпы» типа тех, которые комментируются выше, ее автор навсегда бы испортил себе научную репутацию и никогда бы не стал профессором европейского столичного университета)?

Есть еще одно косвенное доказательство.

До сих пор не было ни одного доказательства – ни прямого, ни косвенного, откуда же взялось «еще одно»?!

Наличие в нашем Священном Писании Третьей Книги Ездры, которая присутствует лишь в Вульгате (Библия на латыни) - но не в греческом и еврейском вариантах Писания.

Третья Книга Ездры – не самая важная книга для христианина, ее нет, например, в Синодальном русском переводе Библии, изданном в Москве в 1968 году – самом распространенном во второй половине XX века отечественном издании.

В стандартном католическом издании Вульгаты Третья Книга Ездры тоже отсутствует, ср.: [Biblia Sacra Vulgata].

Что же касается «греческого варианта Писания», то какой именно его вариант имеется в виду? Первоначальный перевод 72 еврейских толковников (по шесть из каждого от 12 «колен Израилевых»), который впоследствии стал именоваться Септуагинтой, включал не весь Ветхий Завет, а лишь его начало – Пятикнижие Моисея. Во II веке появились перевод Аквилы и перевод Феодотиона, на рубеже II и III веков – перевод Симмаха. В III веке Ориген Александрийский сопоставил имеющиеся в его распоряжении греческие версии с еврейским оригиналом. В

IV веке появилась редакция Септуагинты Лукиана Антиохийского и редакция Гензихия (Исихия) Александрийского, получившие распространение в разных частях христианского мира, ср. [Нелюбин 2008]).

Что понимается под «еврейским вариантом Писания»? Если это Пятикнижие и Гафтарот, то там третьей книги Ездры не может быть по определению, см. [Пятикнижие и Гафтарот 2001].

Это доказывает: первые переводы Библии на старославянский язык были сделаны именно с Вульгаты, то есть с Библии римского канона.

Трудно себе представить, чтобы Кирилл или Мефодий стали бы переводить сложный текст Библии не с родного греческого, а с иностранного для них латинского.

Однако в любом случае нет ни одного исторического свидетельства, что некоторые библейские тексты вообще когда-либо переводились на старославянский язык. Старославянский язык по стандартному определению – язык древнейших переводов, выполненных Кириллом, Мефодием, а также их ближайшими учениками в конце IX века, реконструированный на основе двух десятков дошедших до нас более поздних рукописей, самые крупные из которых – несколько четвероевангелий (но уж никак не полная Библия с Третьей Книгой Ездры), а самые мелкие – 1 страничка текста. (См. любой современный учебник старославянского языка).

Используемый в богослужебной практике Русской православной церкви библейский свод возник не во времена Кирилла и Мефодия, а очень много лет спустя. Составление полного библейского свода (всех книг Ветхого и Нового завета) коллективом книжников, собранных новгородским архиепископом *Геннадием*, завершается лишь в 1499 году. Эта рукописная *Геннадиевская Библия* (первая на Руси!) легла в основу изданной в Остроге в 1581 г. первопечатной церковнославянской Библии, а также ее московского переиздания 1663 г. Во времена устроившего в XVII веке «книжную справу» (редактирование богослужебных книг) патриарха Никона и его преемников церковнославянские тексты редактируются с ориентацией на книги Киево-Могилянской академии. Несомненное католическое влияние на постоянно общающихся с католиками-поляками книжников академии было одной из причин, по которой не принявшие реформ Никона старообрядцы до сих пор используют дониконовский извод. Во второй половине XVII в. были исправлены основные богослужебные книги – Служебник, Требник, Постная и Цветная Триодь, месячные служебные Минеи. В первой половине XVIII в. в соответствии с этими же нормами исправляется Библия, текст которой, изданный в 1751 г. при императрице Елизавете Петровне, а потому называемый *Елизаветинской Библией*, и стал в итоге образцовым для Русской православной церкви, см. [Живов 2001].

Так что если в современном богослужебном языке Русской православной церкви присутствуют следы влияния текста Вульгаты, это вина/заслуга патриарха Никона, но уж никак не солунских братьев.

Да и календарь - основа богослужения - на Руси был принят не византийский, а как раз латинский. Названия месяцев латинские, а не ромейские, и началом года считался не сентябрь, как у греков, а март - как на западе...

Когда на Руси (в X веке в связи с принятием христианства) ввели утвержденный в 325 году на Никейском соборе для всех христиан, а потому общий и для Рима, и для Константинополя юлианский календарь и начало года с первого марта (начинались полевые работы), в самом Риме вот уже больше тысячи лет (с первого января 45 года до нашей эры) как перестали считать начало года с этого самого марта (и начали считать с первого января), см. [Большая советская энциклопедия].

Что такое «ромейские» названия месяцев? Были латинские названия и были греческие названия этих же месяцев, они звучали на разных языках, что же в этом странного? Да и при чем здесь это? У православной церкви в современной Словакии (с украинским православным населением на востоке) позиции исторически прочнее, чем в современной Чехии и тем более традиционно католической Польше, но при этом у словаков латинские названия месяцев - január, február..., а у чехов и поляков в основном свои: leden, únor...; styczeń, luty...⁸ (по логике г. Бушкова должно быть наоборот).

Интересно, есть ли западноевропейские источники, подтверждающие сию еретическую гипотезу?

Последнее похожее на гипотезу высказывание касалось перевода, ср. «первые переводы Библии на старославянский язык были сделаны именно с Вульгаты, то есть с Библии римского канона». Эта гипотеза не «еретическая», а нелепая, но в дальнейшем повествовании г. Бушкова говорится не о ней.

Представьте себе, есть. Вот что сообщает хроника францисканского монаха Адемара (XII век):

Автор «Chronicon Aquitanicum et Francicum» Адемар (Adhémar De Chabannes) физически не мог быть францисканским монахом, потому что он умер в 1034 году, а францисканский монашеский орден был основан почти двести лет спустя после этого в XIII веке. Да и до XII века Адемар тоже не дожил.

Что же касается его хроники, то вот что сказано по ее поводу в электронной «Британнике»: The first two books of Adhémar's history are

⁸ január, február... leden, únor... styczeń, luty... - 'январь, февраль...' на словацком, чешском и польском языках соответственно, см. любой русско-словацкий, русско-чешский и русско-польский словарь.

of little value because his sources were severely limited. ... Adhémar seems to have been more concerned about the development of his narrative than the accuracy of his dates, см. [Encyclopaedia Britannica 2002].

Иначе говоря, цитируемая хроника широко известна недостоверностью сообщаемых фактов, а ее автор – как буйный фантазер. Но в любом случае нужен источник цитирования. Из какого конкретно издания взят цитируемый текст? Если непосредственно из рукописи хроники, то кем выполнен перевод? Или читатель г. Бушкова должен исходить из того, что Адемар писал на современном русском языке? А то ведь фантазии Адемара легко могут быть приумножены еще чьими-то фантазиями. Например, у кого «Пруссия» (см. ниже) превратилась в «Руссию» – у Адемара, у переводчика или у самого г. Бушкова?

«У императора Оттона III были два достопочтеннейших епископа: святой Адальберт и святой Брун. Брун смиренно отходил в провинцию Венгрию. Он обратил к вере провинцию Венгрию и другую, которая называется Russia. Когда он простерся до печенегов и начал проповедовать им Христа, то пострадал от них, как пострадал и святой Адальберт. Тело его русский народ выкупил за высокую цену. И построили в Руссии монастырь его имени. Спустя же немного времени пришел в Руссию какой-то епископ греческий и заставил их принять обычай греческий».

Святой Адальберт Пражский был убит 32 апреля 997 года во время миссионерской миссии в Прибалтике (около современного Гданска) язычниками пруссам (не печенегами). Его тело у прусс (не у печенегов) выкупил польский князь (не «русский народ») Болеслав Храбрый (в 1025 году он возьмет себе титул короля) и похоронил тело мученика в польском городе Гнезне (не в «Руссии»). Совершивший в 999-1000 году паломничество к гробнице мученика император Оттон III богато украсил гробницу, добился причисления Адальберта к лику святых и повышения статуса храма в Гнезне до статуса храма архиепископского, а также построил храмы св. Адальберта в Аахене и в Риме (не в Руссии).

Святой Адальберт происходил из чешского княжеского рода Славниковичей (Slavnikovci) и был пражским архиепископом при чешском князе Болеславе II (не при императоре Оттоне III). Имя Адальберт он принял в честь магдебургского архиепископа Адальберта, проводившего в свое время его конфирмацию, а в Чехии его называют по его первому имени святым Войтехом (в Польше – святым Войцехом).

Одним из первых биографов святого Адальберта был его ученик Бонифаций Керфуртский (епископ Бруно из рода графов Керфуртских), который впоследствии тоже был миссионером в Прибалтике и тоже был убит в Пруссии – 14 марта 1009 года около Браунсберга какими-то язычниками, но крайне сомнительно, что печенегами (откуда им там взяться?). Так что ставшая роковой миссионерская поездка была в Пруссию (а не в «Руссию»).

С печенегами же святой Бонифаций общался во время другой своей миссионерской поездки – в Венгрию в 1004 году, причем настолько успешно, что эти венгерские печенеги приняли христианство и заключили мир с князем Владимиром. (Информация из энциклопедий [Ottova encyclopedie 1997] и [Encyclopaedia Britannica 2002], а также из изданного чешским фондом «Nadace svatého Vojtěcha» в издательстве Sít' в 1997 году к тысячелетнему юбилею мученичества святого юбилейного комментированного издания Legenda Aerea De Sancti Adalberti).

Если в приведенном тексте столько напутано в одних фактах (кто убил обоих святых, кто у кого и чье тело выкупил, какому монарху кто из святых служил, да еще и Руссия вместо Пруссии), откуда уверенность, что не напутано и с «каким-то епископом греческим»?

Поездку Бруна к печенегам российская историография, скрепя сердце, признает.

В каких конкретно изданиях и какими конкретными авторами этот факт сначала категорически отрицался, а потом, наконец, был признан?

Однако все остальное, написанное Адемаром, современные ученые мужи опровергают по избитой методике: «летописец заблуждался».

В каких конкретных изданиях и какими конкретными авторами?

Современные ученые-историки анализируют факты, а потом на основе этих фактов делают выводы. Заметим, что оба святых – реальные исторические лица (святой Войтех/Войцех – весьма почитаемый святой и в Чехии, и в Польше, так что все с ним связанное в течение последних тысячи лет было предметом самого пристального внимания; см. пятистраничный список избранных (не всех!) научных трудов и каталогов археологических выставок, приводимый в упомянутом юбилейном издании [Legenda Aerea]), так что факты их биографий восстанавливаются по огромному количеству исторических данных. Слова «летописец заблуждался» – вывод из анализа огромного фактического материала, а не методика анализа.

Из двадцатого века виднее.

К этому времени действительно сложилась отсутствующая в античности и в средние века надежная методика обработки исторических данных, хорошо описанная, например, в [Коллингвуд 1980]. Кстати, данное издание упомянуто г. Бушковым в списке использованной им литературы.

К каким конкретно изданиям и какими конкретно авторами доказана ненадежность этой методики?

Нестора положено считать личностью под солнцем.

В каких конкретно изданиях и какими конкретными авторами употреблена такая странная в научном тексте формулировка?

Адемара положено считать невеждой, переложившим на бумагу недостоверные сплетни и непроверенные слухи.

В каких конкретно изданиях и какими конкретными авторами опровергнуты существующие биографии святых Адальберта Пражского (см. упоминавшийся пятистраничный список избранных научных трудов в пражском юбилейном издании) и Бонифация Керфуртского, на фоне которых приведенный г. Бушковым фрагмент хроники Адемара действительно выглядит как «переложенные на бумагу недостоверные сплетни и непроверенные слухи»?

В каких конкретно изданиях и какими конкретными авторами доказаны сведения, приводимые в данном отрывке, но расходящиеся с данными источников из этого пятистраничного списка?

Нестор ложится в концепцию, Адемар же категорически неудобен...

В каких конкретно изданиях и какими конкретно авторами опровергнута общепринятая в современной исторической науке концепция, в которую «ложатся» и Нестор, и Адемар: «Если автор исторического сочинения пользуется в своей работе надежными источниками, его текст тоже может стать надежным и авторитетным источником, если же он перекладывает на бумагу недостоверные сплетни и слухи, то его текст надежным и авторитетным источником стать не может»? См. упомянутую выше работу Р.Дж. Коллингвуда.

Так и живут. Присочинив попутно, что княгиня Ольга сожгла град Коростень... реактивными снарядами, полученными от византийцев.

В каких конкретно изданиях и какие конкретные авторы (кроме г. Бушкова) это утверждают?

Доказательством служит как раз то, что ни единого упоминания об этом в византийских документах нет - значит, конспирация была строго соблюдена...

В каких конкретно изданиях и какими конкретными авторами было использовано это доказательство?

Выводы:

Подаваемая в данном отрывке информация, в том числе информация полемическая, подается без ссылок на соответствующие научные или учебные издания, то есть предполагается абсолютная вера в слово автора. Такой способ подачи материала обычен для тех школьных учебников начального уровня, авторы которых полагают, что ученику, прежде

чем учиться анализировать материал, надо набрать некий минимум этого материала – этот обычный для античности принцип (вспомним Академию Платона в античных Афинах, где в течение первых лет обучения ученики не имели права задавать вопросы и должны были лишь запоминать то, что им счел нужным сообщить учитель) господствовал в школьной традиции вплоть до XIX века, а нередко применяется и сегодня.

Анализируемый текст рассчитан на читателя, ценящего знание (подается новая информация о мире), нонконформистски настроенного (эта подаваемая информация противоречит общепринятой), однако совершенно не знакомого ни с принципами построения гуманитарно-научного текста (иначе насторожил бы сам способ подачи материала), ни с предметом обсуждения, то есть на человека типа отечественного научно-технического интеллигента, знания которого об истории ограничены школьными уроками (а иногда еще и искажены чтением модных творений типа анализируемого на предыдущих страницах).

Данный текст не является научным, потому что высказываемые в нем тезисы не подтверждаются конкретными ссылками на конкретный материал, текст не снабжен обязательным научным аппаратом (о правилах оформления научного текста см., например [Oshima, Hogue 2006]).

Что же касается отличия данного текста от имеющих хождение текстов учебных, то это обилие содержащейся в нем недостоверной информации, а также информации заведомо ложной (когда вместо некоего подтверждаемого материалом тезиса преподносится тезис альтернативный, никаким достоверным материалом не подтверждаемый). Большинство школьных учебников истории (как отечественных, так и зарубежных) были и остаются тенденциозными, однако в качественных учебниках эта тенденциозность маскируется и проявляется не в искажении надежно установленных наукой фактов (как в анализируемом выше тексте г. Бушкова), а в их интерпретации⁹.

К сожалению, учитывая последовательно осуществляемую дегуманитаризацию общего образования, следует предполагать дальнейшее увеличение числа рассчитанных на массовую аудиторию текстов подобно характеру.

Л и т е р а т у р а

Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. - М., 1968.

⁹ Например, от отечественных школьников отнюдь не скрываются факты, что после Бородинской битвы войско Наполеона заняло Москву, потому что русская армия в результате этой битвы утратила боеспособность (и нуждалась в передышке для ее восстановления), а французская армия свою боеспособность сохранила, однако эти факты преподносятся с такими комментариями, что некоторые наши соотечественники искренне убеждены, что в битве под Бородино «победили наши» (один из ответов на вопрос «Кто победил под Бородино в 1812 году?», услышанный, увы, в студенческой группе II курса вечернего отделения филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова осенью 2009 года).

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. - М.: Российское библейское общество, 1993.
- Большая советская энциклопедия. 3-е изд. В 30 тт. - М.: 1969-1978.
- Бушков А. Россия, которой не было. Славянская книга проклятий. - М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2009.
- Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Изд. пятое. - С.-Петербург: Издание автора, 1899.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I-II. - Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984.
- Живов В.М. О церковнославянском языке // Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. - М, 2001
- Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. 2-е изд. - М.: Наука, 1988.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. - М.: Наука, 1980.
- Красухин К.Г. Введение в индоевропейское языкознание: Курс лекций. - М.: Издательский центр «Академия», 2004.
- Ламбдин Т.О. Учебник древнееврейского языка / Пер. с англ. Я. Эйделькинда. Изд. 2-е, перер. - М.: Российское библейское общество, 2000.
- Латинско-русский словарь / Составили И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков; Под общей ред. С.И. Соболевского [около 40 000 слов]. - М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе. - М.: Издательство «Флинта», 2008.
- Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. - М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 тт. - СПб.: Изд-во П.П. Сойкина [год не указан].
- Пятикнижие и Гафтарот: Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино». - Иерусалим: «Гешарим», 5761 [=2001].
- Сказания о начале славянской письменности. - М.: Наука, 1981.
- Стоянов Ст., Янакиев М. Старобългарски език. Текстове и речник. - София, 1972.
- Соколянский А.А. Введение в славянскую филологию. - М.: Издательский центр «Академия», 2004.
- Хабургаев Г.А. Старославянский язык. 2-е изд. - М.: Просвещение, 1984.
- Хокинг С. Мир в ореховой скорлупке. - СПб.: Амфора, 2007.
- Biblia Sacra Vulgata. - Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994.
- Encyclopaedia Britannica 2002. Delux Edition CD-ROM.
- Lášek J.B. Počátky křesťanství u východních Slovanů. - Praha: Sif, 1997.
- Legenda Aerea De Sancti Adalberti. - Praha: Sif, 1997.
- Oshima A., Hogue A. Writing Academic English, Fourth Edition. - New York: Pearson Education, 2006.
- Ottova encyclopedie obecných vědomostí na CD-ROM. Aion CS, s.r.o. 1997.

Концепт «*military service*» и его составляющие в художественном дискурсе

© С.Б. Волкова, 2009

Современная когнитивная лингвистика относится к быстро развивающимся областям лингвистической науки. Объектом ее изучения является язык, а одной из базовых категорий – концепт. Под концептом в современной когнитивной лингвистике понимается "глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания. Концепты - это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека" [Попова, Стернин 2007]. В лингвистике культурный концепт (от лат. *conceptus* – «понятие») является основной единицей, интегрирующей в себе язык и культуру в их взаимопроникновении. Соотношение феноменов «язык» и «культура» крайне сложно, поскольку язык является одновременно и частью культуры, и внешним для культуры фактором; язык и речь – сферы, в которых концепт «опредмечивается». Понятие-мысль, будучи обозначенным словом, становится концептом. С позиций когнитивной лингвистики доказано, что использование термина «понятие» в традиционном понимании не отвечает требованиям современного этапа в науке о языке: содержание концепта всегда глубже, а объем его всегда уже, чем у лексического значения, так как он может быть принадлежностью отдельного индивида, отдельной нации. Именно концепт соответствует представлению о тех значениях, образах, этноспецифике, на которые человек опирается и которыми оперирует в процессе мышления.

Концептуальные признаки выявляются через семантику языка. Значения слов, фразеосочетаний, схем предложений, текстов служат источником знаний о содержании тех или иных концептов. Концепты репрезентируются словами, однако вся совокупность речевых средств не дает полной картины концепта. Слово своим значением в языке представляет лишь часть концепта, поэтому необходимо обращаться к синонимии слова, анализировать тексты, в которых совокупно раскрывается содержание концепта [Рабкина 2009].

Любой концепт находится в постоянном движении, претерпевает изменения, меняется его интерпретация в зависимости от конкретного исторического периода. Благодаря диффузному характеру своей структуры, концепты легко подвержены всем изменениям среды: социальным, культурным и историческим [Залесова 2009], [Опарина 2005].

Концепт - единица мышления. Человек мыслит концептами, комбинируя их и формируя новые концепты в ходе мышления. Содержание

концепта может быть изучено лингвистическими методами. В настоящее время существует несколько направлений изучения концептов: **культурологическое** (Ю.М. Степанов); **лингвокультурологическое** (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев); **логическое** (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павленис); **лингвокогнитивное** (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стеринин); **философско-семиотическое** (А.В. Кравченко). В данной работе мы опираемся на лингвокогнитивный подход к изучению концептов. Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу. В концепте выделяют три базовых компонента: образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Образный компонент состоит из перцептивного образа (формирующегося при помощи органов чувств) и когнитивного (метафорического). Информационное содержание концепта включает минимум когнитивных признаков, которые определяют наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления. Информационное содержание обычно близко к содержанию словарной дефиниции ключевого слова концепта. Интерпретационное поле также включает когнитивные признаки, но такие, которые интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя какой-либо вывод, либо оценивают его. При рассмотрении того или иного концепта, исследуется и содержание, и его структура, также выделяется ядро и периферия концепта. Когнитивная лингвистика имеет определенные исследовательские методы, которые, в первую очередь, направлены на исследование концепта.

Предметом данного исследования является концепт «military service», как важная составляющая языковой картины мира европейца на протяжении всей истории. Методы, используемые в настоящем исследовании, включают анализ этимологии слова, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ. Материалом для настоящего исследования послужил исторический роман о Столетней войне английского писателя Артура Конан Дойла «*The White Company*», а также соответствующие статьи двуязычных, толковых словарей, словаря синонимов, фразеологического и этимологического словарей.

Любой концепт должен объективироваться с помощью ключевого слова-репрезентанта. Иногда функцию ключевого слова могут выполнять устойчивые словосочетания. В настоящем исследовании это словосочетание “*military service*”. Синонимический ряд представлен лексемами “*service*” и “*armed service*”. Поэтому необходимо рассмотреть и словосочетание “*military service*” и лексему “*service*”.

Концепт «военная служба» является социально-значимым и универсальным концептом. В истории развития человечества военная служба всегда играла важную роль. Военные, воины и их военачальники существовали задолго до зарождения регулярной армии. На разных этапах развития общества менялось восприятие самой службы и отношение к ней. Так, в средние века вопрос о военной службе возникал в связи с необходимостью начать войну с кем-либо за определенные территории. Война была способом обогатиться. Война, изначально – это «захват с целью добычи». В мирное время военной службы не существовало, поэтому в это время она носила добровольный характер.

Исходная сущность концепта раскрывается через признак, положенный в основу номинации. В английский язык лексема «*service*» пришла из старо-французского языка (*servise*) и из латинского (*servitium*), что означает «рабство, зависимость». Исходный признак реализуется в понятии «продолжительность службы», то есть изначально служба была пожизненной. Также, на основе этимологии слова можно выделить еще один признак, а именно «подчинение каким-либо требованиям». В значении «долг военного» данная лексическая единица впервые начала употребляться в конце XVI века, а в значении «работа, профессия военного» - только в начале XVIII века. Возникновение английской регулярной армии относится к XVII веку.

Понятие «военная служба» развивается из общей идеи службы. Исходя из словарных дефиниций, «*service*» в разных проявлениях – это помощь, работа, обязанность или долг по отношению к чему или кому-либо. В качестве базовых когнитивных признаков концепта «*service*» на основе дефиниций следует выделить следующие: работа, обязанности, долг, помощь.

Понятие «*military service*» на современном этапе означает «период времени, который человек проводит в вооруженных силах», а также «в некоторых странах, система, согласно которой люди обязаны проводить время/служить определенный период времени в вооруженных силах». Исходя из словарных дефиниций данного понятия, можно выделить когнитивные признаки информационного содержания концепта «*military service*», а именно «продолжительность, имеющая определенные рамки» и «долг/обязанность». Для Британской армии, на протяжении почти всей ее истории, характерно добровольное поступление на военную службу. Исключение составляют две мировые войны – первая и вторая мировая, когда в силу вступал закон об обязательной военной службе. В Англии, задолго до появления регулярной армии, существовала так называемая милиционная армия (*militia*). («*militia*» – от латинского *militia* – войско). Данная военная структура, которая, по сути, являлась резервной армией, представляла собой силу, в задачи которой

первоначально входила защита собственного дома. Хотя служба в регулярной армии была большей частью добровольной, мужчины обязаны были служить в милиционной армии на основе частичной занятости (*part-time*). Неслучайно центральные лексемы концептуального поля “*soldier*”, “*military service*” и “*war*” удерживались в исторической памяти европейцев на протяжении долгого времени.

Существенное отличие двух лексем состоит в том, что “*military service*” подразумевает подготовку/тренировку определенных навыков, а “*service*” – выполнение требований и обязанностей, налагаемых условиями «найма». На это указывают и словосочетания с выделенными лексемами: *active service* – действительная служба как любая другая служба/работа, которую человек выполняет на протяжении своей жизни и *compulsory military service*, то же, что и *conscription* – воинская повинность, призыв при необходимости на военную службу на какой-то определенный срок.

Рассмотрение деривационного поля ключевого слова-репрезентанта позволило выделить дифференциальный когнитивный признак, а именно гендерный признак, входящий в интерпретационное поле концепта. Если изначально служба считалась работой для мужчины, то на современном этапе среди военнослужащих есть и мужчины, и женщины (*serviceman – a man who is a member of the armed forces; servicewoman – a woman who is a member of the armed forces*).

Еще один дифференциальный признак данного концепта – это добровольность или принудительность службы, то есть “*service*” – работа по выбору, а “*compulsory military service*” (*conscription*) – обязательный призыв на службу, не оставляющий такого выбора.

Наша задача состоит в том, чтобы проследить формирование концепта “*military service*” в средние века. Для этого в качестве источника языкового материала нами был выбран исторический роман Артура К. Дойла «Белый отряд». В романе повествуется о формировании отряда на территории Англии и об участии данного подразделения в битвах во Франции и Испании. Хотя регулярной армии в средние века не существовало и, можно сказать, что военная служба носила больше «стихийный характер», то есть вопрос о военной службе возникал в связи с необходимостью начать войну с кем-либо за определенные территории или встать на защиту родной земли, тем не менее, военная иерархия имела место. Рассмотрев лексему “*company*” как единицу военного подразделения и проанализировав лексико-семантическую группу слов (ЛСГ), объединенную понятием “*company*”, были выделены следующие семантические подгруппы: военнослужащие, входящие в состав данного военного подразделения; военачальники, командующие отрядом; подразделения родов войск, входящих в состав отряда; виды вооруже-

ния. Из ЛСГ были выделены три лексемы, которые представляют особый интерес для определения составляющих военной службы. Это лексемы “*knight*”, “*squire*” и “*bowman*”. В центре романа – несколько героев, принадлежавших разным сословиям (рыцарь – сэра Найджел Лоринг, Аллейн Эдриксон - первоначально клерк, послушник, покинувший монастырь, а затем ставший оруженосцем сэра Найджела Лоринга, Сэмкин Эйлвард – английский лучник), но объединенные общими понятиями чести, долга, справедливости. Лексемы “*knight*” и “*squire*” входят в подгруппу, включающую командный состав отряда, а “*bowman*” – в подгруппу военнослужащих-рядовых. Лексема “*knight*” выделена нами неслучайно, так как в средние века рыцарство играло важную роль в обществе и рассматривается нами как военно-социальный институт. С одной стороны, рыцарь – это воин, а с другой, рыцарь – это носитель основных добродетелей: долга, чести, мужества, благородства. Военное обучение в средние века носило исключительно индивидуальный характер. Рыцарь с детства обучался верховой езде и обращению с оружием – сначала в семье, а затем на службе у своего сеньора. Рыцарское воспитание всецело концентрировалось вокруг военного дела. Рыцарь готовился стать воином, но в то же время в семье формировались и другие качества морально-нравственного характера. Что касается рядовых воинов, то они обучались также индивидуально. В частности, стрелки упражнялись в стрельбе. В восприятии военной службы у данных персонажей есть как сходства, так и различия. Речевая характеристика данных персонажей и их поведенческая реакция позволяют сделать вывод о следующих составляющих концепта «военная служба».

1. Военная служба как работа/ремесло и как возможность заработать.

В средние века служба была привлекательна тем, что можно было заработать. Оплата чаще состояла из награбленного во время боевого похода или же в виде выкупа за рыцаря, взятого в плен.

Бывалый солдат указывает на то, что это не просто работа, а работа для настоящего мужчины.

- “*Peste!*” – *growled the soldier... “Why sit ye all moping by the fireside, like crows round a dead horse, when there is **man’s work** to be done within a few short leagues of ye?”* (глава 6)

- “*It is my **trade** to risk my skin,*” – *growled the archer.*” (глава 8)

“*They were but a foraging party – a hundred archers and as many men-at-arms...*” (глава 37)

«Служить» означало «воевать», поэтому служба, как работа, являлась опасным делом, и это осознавали воины средневековья, готовые умереть в бою. В связи с этим по-разному интерпретируется рядовым воином-лучником и послушником следующая поговорка:

- "...those who live by the sword shall perish by the sword." - "And **how could man die better?**" asked the archer. "If I had my wish, it would be to fall so – not, mark you, in any mere skirmish of the Company, but in a stricken field... But let it be sword, lance, or bolt that strikes me down..."

"Black Simon was down – dying, as he would wish to have died, like a grim old wolf in its lair – with a ring of his slain around him." (глава 37)

"In the ancient and populous county of Hampshire there was no lack of leaders or of soldiers for **a service which promised either honor or profit.**" (глава 12)

- "You see what the wage brings," – he answered. "I eat the best and I drink deep. I treat my friend and I ask no friend to treat me... And how of the heap of trifles that you can see for yourselves in the corner? They are from the South French, every one, upon whom I have been making war... - "It seems indeed to be **a goodly service,**" – said the tooth-drawer." (about the service in the army). (глава 6)

- "Then there is the chance of a **ransom.**" (глава 6)

2. Восприятие военной службы как долга. Чаще слова о службе, как о долге звучат из уст рыцаря.

- "We go to France ... in humble search of a field in which we may win advancement and perchance some **small share of glory.** ...that **honour** may be gained." (глава 14)

"For the last stand of the Company had been told throughout Christendom wherever a brave deed of arms was loved, and **honours** had flowed in upon the few who had survived it." (глава 38)

3. Военная служба как подготовка и средство воспитания выносливости, силы, мужества и преодоления человеческих слабостей.

- "This is **the proper way to raise children.**"

- "What would ye be, then? Woodmen? Verderers? – "Nay, **soldiers,**" – they cried both together. (глава 8)

- "God help me! I am the weakest of the weak," groaned Alleyne (ex-monk). "I pray that I may have more strength." – "And to what end?" she (the knight's daughter) asked sharply. "Why then should you, who are soldier of the spirit, be ever moping and hiding in cell or in cave, with minds full of your own concerns, while the world, which you should be mending, is going on its way...? (глава 11)

Нельзя сказать, что любой желающий мог пойти на службу в отряд. Все волонтеры проходили тщательный отбор, и как результат, в отряд попадали самые крепкие, физически выносливые и имеющие определенные навыки. "Carefully and sagaciously the veteran knight chose out his

men from the swarm of volunteers.” (глава 12) Об этом свидетельствует атрибутивная сочетаемость лексических единиц, объединенных понятием «воин»: *lusty archers, a giant recruit, picked men-at-arms, all picked soldiers*. Основу отряда составляли бывалые солдаты, прошедшие войну. Подтверждением служат следующие атрибутивные сочетания: *old soldiers, veteran knight, experienced followers*.

Рассмотрение концептуального поля, объединенного ключевым концептом “*military service*” позволяет говорить о существовании нескольких других концептов, а именно “*soldier*” и “*war*” [Рабкина 2009]. Не останавливаясь детально в рамках данной работы на концептах “*soldier*” и “*war*” заметим только, что в семантике слова “*soldier*” (русск. «солдат») есть прямое указание на характер вознаграждения за военную службу (**soldier** – 13с., from O.Fr. *soudier* “тот, кто служит за плату”, from M.L. *soldarius* “солдат”, literally “за плату”, from L.L. *soldum*, from acc. of L. *solidus* - солид¹).

Таким образом, исследование составляющих данного концепта позволило выделить базовые слои концепта, репрезентируемые словосочетанием “*military service*” и лексемой “*service*”. Хотя ядро составляют одни и те же признаки, а именно «продолжительность» и «подчинение», на уровне информационного содержания каждая из лексем имеет свой набор когнитивных признаков. Для “*service*” - это «работа», «выполнение определенных обязанностей», а для “*military service*” – это «продолжительность, имеющая определенные рамки» и «долг». На периферии находится дифференциальный гендерный признак и признак «добровольности-принудительности».

Л и т е р а т у р а

1. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007.
2. Богатова С.М. Концепт Дом как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006
3. Вежбицкая Анна. Язык. Культура. Познание. – М., 1996
4. Дельбрюк Г. История военного искусства. –С-П.: Наука. 1996
5. Залесова Н.М. Формирование и восприятие концепта “gentleman” в языке и культуре США: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009.
6. Опарина О.И. «Мужество» как поведенческая категория и ее выражение в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2005
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.
8. Рабкина Н.В. Концепт WAR в англоязычной военной поэзии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2009
9. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М., 2008.

¹ **solidus, i** - солид, золотая монета, введенная с 312 г. н.э. вместо **aureus** = 25 *denarii*.
- Прим. ред.

10. *Смирнов А.Г.* Элементы варварской и христианской культур в рыцарском автостереотипе // Вестник Моск. ун-та. 2008. № 2.
11. *Sir Arthur Conan Doyle.* The White Company, Barnes & Noble Books, NY, 2005.

С л о в а р и

1. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Bloomsbury Publishing Pls, 2006.
2. Merriam-Websters Collegiate Dictionary, 2005. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary>
3. Longman Dictionary of Contemporary English, 1995.
4. Online Etymology Dictionary by Douglas Harper, 2001.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 1995.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Курсив как способ эмфатизации речи персонажей

© кандидат филологических наук А.А. Изотова, 2009

В данной статье будут рассмотрены случаи употребления курсива как способа эмфатизации речи персонажей в рассказах Дж. Д. Сэлинджера.

Рассказ «Хорошо ловится рыбка-бананка» («A perfect day for bananafish») изобилует подобным использованием курсива. Анализ данного повествования невозможен без знания предыстории главного героя Симора Гласса. Рассказ о нём ведётся в предыдущих повестях цикла о семье Глассов «Выше стропила, плотники» и «Симор: введение». Из этих повестей читатель узнаёт, что Симор Гласс родился в незаурядной семье талантливых актёров. Будучи чрезвычайно одарённым с детства, Симор вместе со своими братьями и сёстрами выступал в радиопередаче «Умный ребёнок». С отрочества он увлекался поэзией и писал стихи сам. Его семья признавала его необыкновенно талантливым, истинным, настоящим поэтом. Симор был образованным человеком, преподавал в университете. В повестях также упоминается, что он прошёл войну.

Симор женился на очень привлекательной девушке Мюриель, идеале американской красоты, которую по-настоящему любил, но она оказалась не способной понять его, разделить с ним любовь к прекрасному, ведя обывательский образ жизни. Рассматриваемый рассказ показывает читателю крах его брачного союза, а в конце повествования главный герой сводит счёты с жизнью.

Обратимся к примерам.

"Why haven't you called me? I've been worried to—"

"Mother, darling, don't yell at me. I can hear you beautifully," said the girl. "I called you twice last night. Once just after—"

"I *told* your father you'd probably call last night. But, no, he had to—Are you all right, Muriel? Tell me the truth."

"I'm fine. Stop asking me that, please."

"When did you get there?"

"I don't know. Wednesday morning, early."

"Who drove?"

"He did," said the girl. "And don't get excited. He drove very nicely. I was amazed."

"He drove? Muriel, you gave me your word of—"
 "Mother," the girl interrupted, "I just told you. He drove *very* nicely. Under fifty the whole way, as a matter of fact."
 "Did he try any of that funny business with the trees?"
 "I *said* he drove very nicely, Mother. Now, please. I asked him to stay close to the white line, and all, and he knew what I meant, and he did. He was even trying not to look at the trees—you could tell. Did Daddy get the car fixed, incidentally?"
 "Not yet. They want four hundred dollars, just to—"
 "Mother, Seymour *told* Daddy that he'd pay for it. There's no reason for—"
 "Well, we'll see. How did he behave—in the car and all?"
 "All right," said the girl.
 "Did he keep calling you that awful—"
 "No. He has something new now."
 "What?"
 "Oh, what's the deference, Mother?"
 "Muriel, I want to *know*. Your father—"
 "All right, all right. He calls me Miss Spiritual Tramp of 1948," the girl said, and giggled.
 "It isn't funny, Muriel. It isn't funny at all. It's horrible. It's *sad*, actually. When I think how—"

Вся первая часть рассказа представляет собой телефонный разговор Мюриель со своей матерью, которая волнуется за дочь, спрашивая, как Симор «ведёт себя» на курорте.

В приведённом выше отрывке выделение авторским курсивом сочетаний слов I told, I want to know, It's sad в речи матери показывает её обеспокоенность положением дочери, в то время как в речи Мюриель мы встречаем либо некое возражение «I *said* he drove very nicely, mother» (Мама, я же тебе сказала, он правил очень осторожно), либо равнодушие к происходящему «Oh, what's the *difference*, mother?» (Да не всё ли *равно*, мама!)

Обратимся к другому примеру.

"Mother," the girl interrupted, "listen to me. You remember that book he sent me from Germany? You know—those German poems. What'd I *do* with it? I've been racking my—"
 "You have it."
 "Are you *sure*?" said the girl.

"Certainly. That is, I have it. It's in Freddy's room. You left it here and I didn't have room for it in the—Why? Does he want it?"

"No. Only, he *asked* me about it, when we were driving down. He wanted to know if I'd read it."

"It was hi German!"

"Yes, dear. That doesn't make any difference," said the girl, crossing her legs. "He said that the poems happen to be written by the *only great poet of the century*. He said I should've bought a translation or something. Or *learned the language*, if you please."

"Awful. Awful. It's *sad*, actually, is what it is. Your father said last night—";

Данный контекст демонстрирует полную отчуждённость между Симором и Мюриель, несовпадение их интересов.

В речи Мюриель курсивом выделяются и эмфатизируются следующие слова и фразы:

1) « You remember that book he sent me from Germany? You know those German poems. What'd I *do* with it?» (Помнишь ту книжку, он её прислал мне из Германии? Помнишь какие-то немецкие стихи? Куда я её *девала*?) (перевод Р. Райт-Ковалёвой)

2) «Only, he *asked* me about it, when we were driving down. He wanted to know if I'd read it» (Но он про неё *спрашивал* только по дороге сюда. Допытывался – читала я её или нет).

3) «He said that the poems happen to be written by the *only great poet of the century*. He said I should've bought a translation or something. Or *learned the language*, if you please». (Он говорит, что стихи написал « *единственный великий поэт нашего века*» . Он сказал: надо было мне хотя бы достать перевод. Или *выучить немецкий* – вот, пожалуйста!)

– Мюриель возмущена тем, что её муж ей предложил, она считает чтение поэзии или изучение иностранных языков бессмысленным и не нужным, в чём мать её полностью поддерживает:

«Awful. Awful. It's *sad*, actually, is what it is» (– Ужас. Ужас!. Нет, это так *грустно*)

Обратимся к другому примеру.

"Your father talked to Dr. Sivetski."

"Oh?" said the girl.

"He told him everything. At least, he said he did—you know your father. The trees. That business with the window. Those horrible things he said to Granny about her plans for passing away. What he did with all those lovely pictures from Bermuda—everything."

"Well," said the girl.

"Well. In the first place, he said it was a perfect *crime* the Army released him from the hospital—my word of honor. He very *definitely* told your father there's a chance—a very *great* chance, he said—that Seymour may *completely* lose control of himself. My word of honor."

"There's a psychiatrist here at the hotel," said the girl.

"Who? What's his name?"

"I don't know. Rieser or something. He's supposed to be very good."

"Never heard of him."

"Well, he's supposed to be very good, anyway."

"Muriel, don't be fresh, please. We're *very* worried about you. Your father wanted to wire you *last night* to come home, as a matter of f—"

"I'm not coming home right now, Mother. So relax." "Muriel. My word of honor. Dr. Sivetski said Seymour may *completely* lose contr—"

"I just *got* here, Mother. This is the first vacation I've had in years, and I'm not going to just *pack* everything and come home," said the girl. "I couldn't travel now anyway. I'm so sunburned I can hardly move."

В данном случае в диалоге матери и дочери обсуждается поведение Симора, и беспокойство матери достигает апогея. Из контекста становится очевидным, что человек не от мира сего в её понимании становится сумасшедшим.

Курсивом автор выделяет следующие слова:

1) «He said it was a perfect *crime* the Army released him from the hospital». (Он сказал – сущее *преступление*, что военные врачи выпустили его из госпиталя).

2) «He very *definitely* told you father there's a chance – a very *great* chance, he said – that Seymour may *completely* lose control of himself. » (Он *определённо* сказал папе, что не исключено, *никак* не исключено, что Симор *совершенно* может потерять способность владеть собой.)

В рассказе «И эти губы, и глаза зелёные» («Pretty mouth and green my eyes») главный герой Артур, юрист, писавший в юности стихи, обсуждает свою жену со знакомым:

"Brains! Are you kidding? She hasn't got any goddam brains! She's an animal!"

The gray-haired man, his nostrils dilating, appeared to take a fairly deep breath. "We're all animals," he said. "Basically, we're all animals."

"Like hell we are. I'm no goddam animal. I may be a stupid, fouled-up twentieth-century son of a bitch, but I'm no animal. Don't gimme that. I'm no animal."

"Look, Arthur. This isn't getting us—"

"*Brains*. Jesus, if you knew how funny that was. She thinks she's a goddam intellectual. That's the funny part, that's the hilarious part. She reads the theatrical page, and she watches television till she's practically blind—so she's an intellectual. You know who I'm married to? You want to know who I'm married to? I'm married to the *greatest living undeveloped, undiscovered actress, novelist, psycho-cwalyst*, and all-around goddam unappreciated celebrity-genius in New York. You didn't know that, didja? Christ, it's so funny I could cut my throat. Madame Bovary at Columbia Extension School. Madame—

Как мы видим, курсивом выделяются следующие словосочетания в контексте:

«I'm married to the *greatest living undeveloped, undiscovered actress, novelist, psychoanalyst*, and all – around goddam unappreciated celebrity-genius in New York. » (Нет, ты хочешь знать, кто такая моя жена? *Величайшая артистка, писательница, психоаналитик*, и вообще величайший гений во всём Нью-Йорке, только ещё не проявившийся, не открытый и не признанный.) (Перевод Н. Галь).

Артур любит свою жену, но осуждает её за эксцентричность и не всегда достойное поведение. Словосочетания, выделенные курсивом, несомненно приобретают ироничное звучание в речи главного героя.

В рассказе «Тедди» («Teddy») главный герой – ясновидящий мальчик Тедди Макардль повествует своему новому знакомому о своих перевоплощениях:

"From what

I gather, you've acquired certain information, thorough meditation, that's given you some conviction that in your last incarnation you were a holy man in India, but more or less fell from Grace—"

"I wasn't a holy man," Teddy said. "I was just a person making very nice spiritual advancement"

"All right—whatever it was," Nicholson said. "But the point is you feel that in your last incarnation you more or less fell from Grace before final Illumination. Is that right, or am I—"

"That's right," Teddy said. "I met a lady, and I sort of stopped meditating." He took his arms down from the armrests, and tucked his hands, as if to keep them warm, under his thighs. "I would have to take another body and come back to earth again *anyway*—I mean I wasn't so spiritually advanced that I could have died, if I hadn't met that lady, and then gone straight to Brahma and never again have to come back to earth. But I wouldn't have had to get incarnated in an *American* body if I hadn't met that lady. I mean it's very hard to meditate and live a spiritual life in America.

People think you're a freak if you try to. My father thinks I'm a freak, in a way. And my mother—well, she doesn't think it's good for me to think about God all the time. She thinks it's bad for my health.'

В данном отрывке курсивом эфатизируется прилагательное «American»: «...But I wouldn't have had to get incarnated in an *American* body if I hadn't met that lady. I mean it's very hard to meditate and live a spiritual life in America». (Другое дело, что не повстречай я эту девушку, и мне бы не надо было воплощаться в *американского* мальчика. Вы знаете, в Америке так трудно предаваться медитации и жить духовной жизнью). (Перевод С. Таска.)

Америка с её ориентацией на материальное благополучие и внешний успех противопоставляется духовному совершенству Индии, к которому главный герой стремился, но которого он так и не достиг в предыдущем воплощении.

Nicholson was looking at him, studying him. "I believe у»u said on that last tape that you were six when you first had a mystical experience. Is that right?"

"I was six when I saw that everything was God, and my hair stood up, and all that," Teddy said. "It was on a Sunday, I remember. My sister was only a tiny child then, and she was drinking her milk, and all of a sudden I saw that *she* was God and the *milk* was God. I mean, all she was doing was pouring God into God, if you know what I mean."

1) «My sister was only a tiny child then, and she was drinking her milk, and all of a sudden I saw that *she* was God and the *milk* was God. I mean, all she was doing was pouring God into God». (Моя сестренка, тогда ещё совсем маленькая, пила молоко, и вдруг я понял, что *она* – Бог, и *молоко* – Бог, и всё, что она делала, это переливала одного Бога в другого.)

Во втором примере речь идёт о мистическом откровении главного героя, когда он в шесть лет внезапно понял, что всё вокруг – это Бог.

Курсивом в речи персонажа отмечены слова «*she*» и «*milk*». Это показывает читателю, что всё в мире божественно по своей сути, и необходимо это только осознать.

Таким образом, использование курсива в рассказах Дж.Д. Сэлинджера безусловно эфатизирует речь персонажей, и помогает читателю лучше понять замысел автора в художественном произведении.

Концептуальные метафоры, связанные с понятием «любовь», в английской и русской поэзии

© С.А.С. Шахбаз, 2009

Образ является одним из центральных лингвопоэтических понятий, которое обеспечивает необходимую связь между уровнем языкового выражения и художественным содержанием произведения. Словесный поэтический образ можно определить как не прямое, ассоциативное выражение одного предмета или явления в терминах другого в соответствии с глобальным эстетическим замыслом автора. Эта обусловленность глобальным замыслом автора является существенным фактором в понимании сути образа и отличает его от тропа или фигуры речи. Отождествление образа с тропами привело бы к упрощению этого понятия, так как образ – это не просто употребление слова в переносном смысле, а не прямой, ассоциативный способ выражения некоего художественного содержания.

Можно предположить, что поэтические образы не создаются каждый раз заново, а представляют абстрактную модель или аналогию, но в индивидуальном авторском воплощении. Поэты и писатели используют уже существующие модели, или парадигмы, приспособивая их к своим художественным целям¹. По определению Н.В. Павлович, «парадигма образа – это инвариант сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления» [Павлович 2004: 14]. Согласно Павлович, исследовавшей обширный материал русской поэзии, «каждый поэтический образ <...> имеет инвариант, то есть реализует некую парадигму» [Павлович 1999. Т. 1: 59]. Этот инвариант образа существует, если можно так выразиться, в поэтической понятийной картине мира [Zadornova, 2004].

В этой связи уместно вспомнить работу американских учёных Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём», в которой высказывается мысль о том, что метафоры пронизывают всю нашу жизнь и проявляются не только в языке, но и в мышлении, и в действии. Сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны [Lakoff, Johnson 1980]. Обыденная понятийная система человека носит преимущественно метафорический характер, причем он

¹ Сама идея, что в сознании человека есть определённые модели, по которым возникают образы, не нова и наиболее ярко находит своё отражение в работах К. Юнга, который утверждал, что существуют некоторые архетипы образов, единые для всех времён и народов.

этого даже не замечает. При этом метафоры как языковые выражения возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека [Леонтьева 2006: 57]. Эти положения иллюстрируются в книге такими «метафорическими понятиями» (или «концептуальными метафорами»), как “argument is war”, “time is money”, “life is a gambling game”, “the mind is a container”, “ideas are plants”, “understanding is seeing” и др.

Самый яркий пример, который приводят Лакофф и Джонсон: “time = money”. Действительно, если вспомнить слова и выражения, которые используются с понятием “time”, то видно, что в большинстве случаев они могут сочетаться и с понятием “money”. То же самое относится к русскому языку. “You are wasting your time” – «Вы попусту тратите время», “You will save your time this way” – «Так вы сэкономите время», “I’ve invested a lot of time in her” – «Я потратил на неё много времени», “The flat tire cost me an hour” – «Спущенное колесо стоило мне часа работы», “You’re running out of time” – «Ваше время заканчивается». По мнению Лакоффа и Джонсона это объясняется тем, что в западной культуре время особенно ценится, так как его запасы ограничены, поэтому оно и «осмысливается определённым образом» [Lakoff, Johnson, 1980].

Кроме структурных метафор, когда одно понятие «структурно упорядочивается в терминах другого», Лакофф и Джонсон рассматривают и ориентационные метафоры, где целая система понятий организовывается по образцу некоторой другой системы. Это напрямую связано с тем, как наше тело существует в физическом мире. Сюда относится вся гамма нашего чувственного ориентационного восприятия окружающей среды, основанного на противопоставлениях типа «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный»².

Отталкиваясь от этой теории, которая касается повседневного языка, логично предположить, что то же самое происходит и в языке поэтическом. По аналогии с концептуальными метафорами в обыденном языке можно выделить концептуальные метафоры в поэзии [Lakoff, Turner, 1989]. В поэзии существует целый ряд устойчивых аналогий, в рамках которых создаются образы, например, жизнь может интерпретироваться как дорога, путешествие, театр, игра, свет, и т. п., солнце отождествляется с золотом, луна – с серебром, старость – с осенью, весеннее цветение – со снегом и т. д.

² Эту теорию можно применить и к другим способам восприятия окружающей среды человеком: визуальным, осязательным, обонятельным, вкусовым и т. д. В этом случае систему противопоставлений можно расширить: «горячий – холодный», «светлый – тёмный», «мягкий – жёсткий», «кислый – сладкий» и т. п. В то же время при выстраивании подобных теорий необходимо учитывать, что все они действуют в определённом культурно-историческом контексте.

Известно, что в поэзии образному переосмыслению чаще всего подвергаются абстрактные понятия, такие как, «время», «жизнь», «смерть», «любовь», которые настолько сложны и всеобъемлющи, что их трудно определить обычным способом. В данной статье выделяются и анализируются концептуальные метафоры, связанные с понятием «любовь» в английской и русской поэзии.

Любовь – чувство, которое способно подвигнуть человека на любые поступки, – всегда была в центре внимания поэтов всех времен. Любовь воспевали и проклинали, от нее сходили с ума и ею излечивали душу, в любви обретали счастье и мучались. Это была излюбленная тема еще античных лириков. Ради любви отправлялись на подвиги в Средние века, её воспевали в эпоху Возрождения, из-за неё сражались на дуэлях. Каждый нормальный человек хоть раз в жизни испытывает это поработящее чувство. Любовь способна вознести человека и в то же время сокрушить. Но как бы то ни было – это всегда сильное эмоциональное потрясение. Именно любовные переживания очень часто становятся источником вдохновения поэтов. Да и читатель уже настолько привык к тому, что «любовь никогда не бывает без грусти», что порой романтическая лирика без боли просто не воспринимается серьезно.

Изучение лирической английской поэзии показало, что одними из наиболее распространённых концептуальных метафор, касающихся любви, в поэтическом языке являются: 1) любовь – болезнь, 2) любовь – боль, 3) любовь – потеря свободы, 4) любовь – огонь. Аналогичные концептуальные метафоры встречаются и в русской поэзии³, однако в силу культурных особенностей и национальной поэтической традиции, поэты зачастую выделяют в этих образах разные аспекты.

1) Любовь - болезнь

Состояние влюблённого очень часто напоминает состояние нездорового человека. Повседневный английский язык изобилует метафорами, которые восходят к аналогии “love is madness” («любовь – безумие»): “she drives me crazy”, “he’s gone mad over her”, “she is madly in love with him”. Все эти мёртвые метафоры и настолько прочно вошли в повседневный обиход, что мы уже не замечаем их творческую составляющую. Они являются не более, чем носителями информации, главная задача которой донести до слушателя/читателя, что влюблённый настолько одержим предметом своего обожания, что готов ради него на любые поступки, порой не контролируя себя, как психически нездоровый человек. В поэзии аналогия «любовь – безумие» становится частью более общей концептуальной метафоры «любовь – болезнь». Её языко-

³ Был проанализирован материал поэзии XIX века, который, как мы полагаем, лучше всего отражает суть исследуемой проблематики.

вое выражение даёт нам более сложную, чем в повседневном языке, картину. Метафоры, отражающие душевные переживания, уже не являются простыми носителями информации. Они являются частью законченных произведений, в которых все компоненты взаимосвязаны и выполняют определённую роль. Концептуальные метафоры, реализуясь в поэтических контекстах приобретают новые оттенки.

В английской поэзии «любовь» относится к состоянию души, сознания: *“Love is a torment of the mind”* (Samuel Daniel) – и к физическому состоянию тела влюблённого человека. Любовь может иметь симптомы, как в случае реального заболевания: *“Lips and eyelids pale”, “cheek cold and white”, “heart beating loud and fast”* (P. B. Shelly). Чаще всего эта болезнь неизлечима: *“Love is a sickness full of woes/All remedies refusing”* (Samuel Daniel). В некоторых случаях любовь прямо сопоставляется с физическим недугом и рассматривается как конкретная болезнь: *Love is a universal migraine* (Robert Graves), в других используется более общее слово – “plague”, которое может реализовать как прямое, так и переносное значение: *“Love might make me leave loving, or might try/A deeper plague, to make her love me too”* (John Donne), *“Orpheus I am, come from the deeps below,/To thee fond man the plagues of love to show”* (John Fletcher). Но подавляющее большинство стихотворений описывают состояние влюблённого человека, используя симптомы некоего абстрактного физического недомогания: *“...I starved for you;/My throat was dry and my eyes hot to see”* (Rupert Brooke), *“And who could play it well enough/If deaf and dumb and blind with love?”* (W. B. Yeats), *“A bright stain on the vision/Blotting out reason”* (Robert Graves). Влюблённому человеку кажется, что он умирает: *“When sighs have wasted so my breath/That I lie at the point of death”* (Henry Howard), но сама смерть представляется избавлением от мук: *“Oh! Press it [heart] close to thine again/Where it will break at last”* (P. B. Shelley).

Концептуальная метафора «любовь – болезнь» реализуется также с помощью глагола “to cure”, особенно в сочетании с “heart”: *“Love is the passion which endureth,/Which neither time nor absence cureth”* (Mary Anne Lamb), *“A fairer hand than thine shall cure/That heart which thy false oaths did wound”* (Thomas Carew), *“But wilt thou cure thine heart:/ Of love and all its smart”* (Thomas Beddoes).

В английской лирике любовь рассматривается как физический недуг и болезнь сердца, а слово «душа» (‘soul’) используется лишь в единичных случаях: *“No torment is so bad as love,/So bitter to my soul can prove.”* (Robert Burton), *“My wounded soul, my bleeding breast,/Can patience preach thee into rest?”* (John Dryden). В русской поэзии любовь в первую очередь – это болезнь души. Этот «недуг» души описывается в русской поэзии наряду с сердечным, а сердце и душа используются здесь как синонимы: *«И ты со мной, о лира, приуныла,/Наперсница*

души моей больной!» (Пушкин), «*Но сердечного недуга/Не смогла ты утаить;*» (Лермонтов), «*Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья,*» (Лермонтов), «*<душа> Одной заветной отдалась любви/И ей одной дышала и болела*» (Тютчев), «*Ты молнией сверкнул в глухой пустыне/Больной души...*» (Ап. Григорьев), «*Лишь больное сердце не залечит раны!*» (А. Толстой).

Так же как и в английской поэзии, концептуальная метафора «любовь – болезнь» находит своё выражение в русской лирике через лексику, описывающую симптомы болезни. Так, например, у лирического героя Пушкина холодеют руки: «*Мои хладяющие руки/Тебя старались удержатъ*» (Пушкин). У влюблённой героини Лермонтова темнеет в глазах и учащается сердцебиение, что характерно для предобморочного состояния: «*Но буквы все сливались <у неё> под ними.../И сердце сильно билось - без причины, -/ <...>/Безумный! ты не знал, что был любим*» (Лермонтов). В других стихотворениях состояние влюблённости вызывает повышение температуры и жар: «*каждый ваш случайный, беглый взгляд/Меня порой кидает в жар и холод...*» (Ап. Григорьев), «*Вы слушали - и бред его больной/<...>/И то, что он томим недугом злым/И что недуг его неизлечим./<...>/...с ним была неволью лихорадка...*» (Ап. Григорьев), «*Хоть весь в лихорадочном был я огне*» (Ап. Григорьев), «*Когда кипит и стынет кровь*» (Тютчев). В некоторых случаях влюблённому трудно дышать: «*Ох, я дышу ещё болезненно и трудно/Могу дышать, но жить уж не могу*» (Тютчев), «*И всё, что душно так и больно/Мне давит грудь ...*» (Ап. Григорьев).

Аналогия между любовью и безумием так же, как и в повседневном языке прослеживается в поэзии. Однако в каждом отдельно взятом тексте она будет поворачиваться новыми гранями: «*The mystic deliria, the madness amorous, the utter abandonment*» (Walt Whitman), «*And to be wroth with one we love./Doth work like madness in the brain*» (Coleridge), «*Love's madness he had known*» (John Keats). Чаще всего она является малой парадигмой, входящей в большую парадигму «любовь – болезнь».

Как и в английской поэзии, в русской любовной лирике своё крайнее выражение концептуальная метафора «любовь – болезнь» находит в такой её разновидности, как «любовь-безумие». В подавляющем большинстве стихотворений о любви встречается либо слово «безумие», либо его производные и синонимы: «безумство», «безумный»: «*Забывать, что незабвенно! женский взор!/Причину столько слёз, безумств, тревог!*» (Лермонтов), «*О, называй меня безумным! Назови/Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею/И в сердце чувствую такой прилив любви,/Что не могу молчать, не стану, не умею!/Я болен, я влюблён*» (А. Толстой), «*К чему тебе внимать безумства и страстей/Незанимательную повесть?*» (Пушкин).

Это состояние приносит лирическому герою огромные страдания: «Так вот кого любил я пламенной душой/<...>/С таким **безумством и мученьем!**» (Пушкин), «Но доколе **страданьем** и страстью/Мы объаты **безумно равно**» (Ап. Григорьев), «**Безумец!** для чего **тревожишь**/Ты сердце бедное своё?» (Некрасов). В стихотворении Н. А. Некрасова прямо не говорится, что это безумство приносит страдания, но это становится понятно из контекста. В словосочетании «бедное сердце» на это указывает прилагательное «бедное», а вопрос, обращённый к лирическому герою, намекает на бессмысленность переживаний, которые испытывает влюблённый.

В некоторых случаях состояние безумия спровоцировано неразделённой, несчастной любовью: «И каждый миг в унылом сердце множит/Все горести несчастливой любви/И все **мечты безумия тревожит!**» (Пушкин). В других оно вызвано чувством ревности: «Простишь ли мне ревнивые мечты,/Моей любви **безумное волненье?**» (Пушкин). Но в состоянии безумства, которое в этих стихотворениях становится синонимом «любви», лирический герой может находить наслаждение: «Страстей **безумных** и мятёжных/Как упоителен язык!» (Пушкин).

Среди исследуемого материала были обнаружены стихотворения, где безумие передаётся словами и выражениями, которые больше характерны для разговорной, а не поэтической речи: «Как **помешанный**, днями брожу» (Ап. Григорьев), «Коль любить, так **без рассудку**» (А. Толстой). Среди этих примеров, безусловно, особняком стоит интерпретация безумства Лермонтовым, который определяет его как «расстройство мозга»: «**Расстройство мозга** иль виденье сна./Я не могу любовь определить» (Лермонтов).

2) Любовь – боль

Любая болезнь связана с болью и страданиями, душевными и физическими. Эта «парадигма» лексически воплощается в английской поэзии в слове “rain” и его синонимах, таких как “ache”, “torment”, “agony”, “smart” и т. п., например: “Love is a **torment** of the mind,/A tempest everlasting;” (Samuel Daniel), “No **torment** is so bad as love,/So bitter to my soul can prove.” (Robert Burton), “...my tears, as floods of rain,/Bear witness of my woeful **smart**” (Henry Howard), “If thou wilt ease thine heart/Of love and all its **smart**” (Thomas Lovell Beddoes), “Love – what is love? A great and **aching** heart” (R. Stevenson).

Говоря о боли, поэты могут также указывать на неё через реакцию страдающего человека (“to moan”, “to groan”) или метафорически используя слова, обозначающие понятия, ассоциирующиеся с болью (“wound”, “thorn”, “to bleed” и т.п.): “Hark and beware unless thou hast lov'd ever,/Belov'd again, thou shalt see those joyes never./Hark how they **groan** that dy'd despairing” (John Fletcher), “Love's madness he had

known:/Often with more than **tortured** lion's **groan/Moanings** had burst from him"; (Keats), "But my fause louver staw my rose,/And left the **thorn** wi' me". (Robert Burns), "Could no other arm be found,/Than the one which once embraced me,/To inflict a cureless **wound**?" (George Byron), "Still must mine <heart>, though **bleeding**, beat;/And the undying thought which paineth/Is - that we no more may meet". (George Byron), "Lovers when they lose their breath,/Bleed away in easy death. (John Dryden, Song), My **wounded** soul, my **bleeding** breast,/Can patience preach thee into rest?" (John Dryden). Значение слов, относящихся к боли, усиливается за счёт определений ("unending pain", "cureless wound"). Не каждая рана является смертельной для любящего, но даже тем, кому удаётся их залечить, они ещё долго напоминают о себе: "Your form does to my fancy bring,/And makes my old **wounds bleed** anew" (Edmund Waller), "To free the hollow heart from **paining** -/They stood aloof, the **scars** remaining" (Coleridge).

Боль от неразделённой любви лишает жизнь радости и наполняет её грустью и безысходностью: "Can true love yeeld such delay,/Converting joy to **pain**?" (Thomas Campion), "'Tis cruel to prolong a **Pain**,/And defer a Joy" (Sir Charles Sedley), "It is ane **pain**, and double train/Of endless woe and care" (Alexander Scott). В некоторых случаях поэты подчёркивают, что эта боль невыносима: "When raging love with extreme **pain**/Most cruelly distrains my heart" (Henry Howard), "The **pain** of loving you/Is almost more than I can bear" (David Lawrence), "No **torment** is so bad as love" (Robert Burton). Крайняя степень мук влюблённого человека выражается словом "agony": "Ah! Love was never yet without/The **pang**, the **agony**, the doubt" (George Byron, Translation), "We clamoured thee that thou would'st please/Inflict on us thine **agonies**" (Thomas Hardy), "If queens and soldiers have play'd high for hearts,/It is no reason why such **agonies**/Should be more common than the growth of weeds" (John Keats). Избавить от этих мук, по мнению некоторых поэтов, может только смерть: "Your love by ours we measure,/Till we have lost our treasure;/But **dying is a pleasure**,/When **living is a pain**" (John Dryden), "Sweet is true love tho' given in vain, in vain;/And **sweet is death** who puts **an end to pain**" (Alfred Tennyson).

Но без страданий не может быть настоящей любви, они возвышают любовь, делают её глубже. Влюблённые культивируют в себе страдание, а иногда даже упиваются и гордятся им, поэтому "pain" часто сочетается с такими «позитивными» понятиями, как "pleasure", "content": "And what **pleasing pains** we prove/When we first approach Loves fire!" (John Dryden); "I feed a flame within, which so torments me/That both **pains** my heart, and yet **contents** me:/'Tis such a **pleasing smart**, and I so love it,/That I had rather die than once remove it" (John Dryden).

Лучше всего отношение между любовью и болью выразил А. Каули: “A mighty **pain** to love it is/And ‘tis a **pain** that **pain** to miss” (Abraham Cowley).

В русской поэзии концептуальная метафора «любовь – боль» выражается с помощью слов «мука», «мученье», «мучительный», реже – «страдание» и «боль». Страдания в любви здесь связаны с тем, что влюблённого либо отвергают, либо его терзают сомнения или ревность. Эти душевные переживания для влюблённого мучительны: «Он пел любовь – но был печален глас;/Увы! он знал любви одну лишь **муку**;» (Жуковский), «...юноши, внимая молча мне,/Дивились долготу любви моей **мученью**;» (Пушкин), «И снова робкая любовь/Тебе прошепчет суеверно/Слова **мучительных** страстей» (Веневитинов), «Любя, **страда**я, грустно млея,/Оно <сердце> изноет наконец...» (Тютчев). Незвестность доставляет влюблённому дополнительные страдания: «И вновь ему ты посылаешь **муки**/Сомнения догадок и тревог, –/<...>/Я **мучился**: я плакал и **страдал**» (Некрасов).

В вышеприведённых примерах любовь и страдание в сознании поэтов синонимичны. В других случаях влюблённые подчёркивают, что причиной этих страданий является не сама любовь, а предмет любви, т. е. женщина: «Кто скажет мне... <...> Что для **мученья** моего она,/Как ангел казни, богом создана?» (Лермонтов), «...зову я этим/любимым именем все **муки** жизни» (Ап. Григорьев), «Вы рождены меня **терзать**» (Ап. Григорьев).

Сильные душевные переживания могут вызывать ироничное отношение возлюбленной к своему поклоннику:

Тебе смешны **мучения** мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не **мучь** меня молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я **страдаю**.

(Пушкин)

Подобная насмешка в стихотворении Лермонтова перерастает в презрение: «**Презренья** женского кинжал/Меня пронзил... но нет – с тех пор/Я всё любил – я всё **страдал**» (Лермонтов).

Но эти страдания не всегда разрушительны для человека, они обогащают его жизненный опыт. Так в стихотворении Батюшкова страдания и муки в любви используются как синоним новым чувствам, которые поэт смог испытать только влюбившись: «В твоём присутствии **страдания** и **муки**/Я сердцем новые познал» (Батюшков). Веневитинов отождествляет «любовь» и мученье», говоря о том, что ему ещё не приходилось испытывать этого чувства: «Я много в жизни распознал,/В одной любви не знал **мученья**» (Веневитинов). Ап. Григорьев подчёр-

кивает, что влюблённый и страдающий человек каждый день открывает для себя в жизни новые, до сих пор неведомые ему стороны: *«День ото дня страдание и страсть/Всё новые вам тайны открывали...»*.

Все эти душевные переживания, которые у поэтов находят своё воплощение в словах «мука», «страданье», «боль» и их производных, нередко воспринимаются как что-то приятное и желанное: *«Хочу любить, – и небеса молю/О новых муках»* (Лермонтов), *«Я знал сердечные порывы,/Я был их жертвой, я страдал/И на страданья не роптал»* (Веневитинов). В таких случаях используется оксюморон, в котором объединяются концептуально несопоставимые понятия, например: *«И я, исполненный мучительного счастья»* (А. Толстой).

Очень часто люди осознанно идут на всё, ради того, чтобы испытать те чувства, которые может испытать только влюблённый человек: *«...для него сердца страданье мило,/Как спутник, собственность иль брат»* (Лермонтов). Ради этого чувства некоторые поэты готовы даже умереть: *«Тобой дышать до гроба стану./Мне сладок будет час и муки роковой;/Я от любви теперь увяну»*. (Батюшков), *«Мне дорого любви моей мученье –/Пускай умру, но пусть умру любя!»* (Пушкин).

Необходимо отметить, что в русской поэзии, в отличие от английской, слова «мука», «мученья», «страданья» не становятся частью атрибутивных выражений, в которых определения имеют положительную коннотацию. Однако нередко антонимические понятия «наслаждение», «блаженство», «счастье» и «мука», «мученья» выступают в предложении в роли однородных членов, тем самым подчёркивая близость этих переживаний для влюблённого человека: *«Её блаженства и мученья/Прошли навек, без разделенья»* (Ап. Григорьев), *«Я дам тебе муки и счастья...<...>/...тебя я страданьем измучу, дитя!..»* (Ап. Григорьев), *«Снова сердце задрожало,/Под чарующие звуки/То же счастье, те же муки»* (Фет).

Другая концептуальная метафора, тесно связанная с предыдущей и широко распространённая в русской любовной лирике, это – «любовь – слёзы». Для английской поэзии эта концептуальная метафора менее характерна.

Слёзы являются проявлением чувств, результатом выражения сильного эмоционального переживания. Причём слёзы не обязательно означают, что речь идёт о несчастливой любви. Если обратиться к словарю, слёзы – это проявление душевных переживаний человека, в первую очередь, связанных с событиями по своей природе печальными или трагическими. Но когда речь идёт о любви – это не только слёзы ревности, разлуки или неразделённых чувств, но и слёзы счастья. В поэзии все эти переживания находят своё языковое воплощение. Способность человека плакать говорит о его внутреннем мире, о том, что он способен испытывать чувства. А любовь как раз и является сильным эмоциональ-

ным потрясением, независимо от того, отвергнуты ли чувства влюблённого или нет.

В большинстве стихотворений, где представлена аналогия «любовь – слёзы», поэты отождествляют эти понятия. В этих примерах «любить» значит «плакать». Причём эти слёзы необязательно слёзы печали, тоски или реакция на отказ любимой. Счастье любви в слезах выражается у Фета: *«И лобзания, и слёзы, / И заря, заря!..»*. Вспоминая о счастливых временах, Ап. Григорьев пишет о любви и слезах так, как будто они обязательные «спутники»: *«Когда он <мир> был / Ещё богат любовью и слезами»*. Без слёз не может любить лирический герой Тютчева, у которого в те минуты, когда появляется возможность восхищаться своей возлюбленной, на глазах выступают слёзы: *«И в эти чудные мгновения / Ни разу мне не довелось / С ним <взором> повстречаться без волнения / И любоваться им без слёз»* (Тютчев), *«В очи тебе глядя, молча слёзы лью, / Не умея высказать, как тебя люблю»* (А. Толстой), *«И плакал я перед тобой, / На лик твой глядя милый»* (А. Толстой).

Когда любовь проходит, проходят и слёзы: *«Как помню, счастье прежде жило / И слёзы крылись в месте том: / Но счастье скоро изменило, / А слёзы вытекли потом»* (Лермонтов). Поэты, иносказательно сообщая, что любви больше нет, пишут о том, что больше нет слёз. Так, Лермонтов, говоря о том, что разлюбил, пишет: *«Слеза, которая не раз / Рвалась блеснуть перед тобой, / Уже не придёт...»* (Лермонтов). А Пушкин в своем стихотворении о женщине, которая осталась без поклонников, говорит читателю о том, что более «никто пред ней не плачет»: *«Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует; / Никто её колен в забвеньи не целует»* (Пушкин).

Поэты находят в слезах утешение: *«Я слёзы лью; мне слёзы утешенье»* (Пушкин). Слёзы могут быть также вызваны воспоминанием о прошедшей любви: *«Запрусь в углу уединенном / И буду плакать... вспоминать!»* (Лермонтов), *«Слеза слезу с ланиты жаркой гонит»* (Фет), *«сам поэт убил любовь: Всё опалили, выжгли слёзы, / Горячей влагою своей»* (Тютчев). Некоторые поэты считают слёзы символом очищения души и возрождения: *«И током тёплых слёз, как благостным дождём, / Опустошенную мне душу оросила»* (А. Толстой), *«И ожил снова я... и первую любовь, / И слёзы, и мечты душа постигла вновь»* (Ап. Григорьев).

Однако, несмотря на боль и страдания, человек продолжает влюбляться снова и снова. Когда он сталкивается с этим чувством, он как бы теряет способность мыслить свободно, он становится рабом любви. Многие поэты считают любовь потерей свободы. Аналогия между «любовью» и «потерей свободы» в английской и русской поэзии подкрепляется большим количеством конкретных примеров.

3) Любовь - потеря свободы

На то, что в отношениях любящего и любимого зачастую есть что-то от отношений господина и раба, указывают следующие стихотворения, где любовь сковывает влюблённого цепями: *"In **chain** of gold -- what hand can break it?"* (Mary Anne Lamb), *"The exalted portion of the pain/And power of love, I cannot share,/But wear the **chain**."* (George Byron), *"Alas O Love, thus leashed with me!/Wing-footed thou, wing-shouldered, once born free:/And I, thy cowering self, in **chains** grown tame./Bound to thy body and soul, named with thy name,/Life's iron heart, even Love's Fatality."* (D. G. Rossetti). В эти цепи влюблённые нередко заковывают себя с радостью. Об этом открыто говорит в своём стихотворении Байрон: *"And like a Treasure/We'd hug the **chain**"* (George Byron).

Часто поэты представляют любовь тюрьмой, из которой не может вырваться влюблённый человек: *"Sin I fro Love escaped am so fat,/I never think to ben in his **prison** lene/Sin I am free, I counte him not a bene"* (Chaucer), *"Say what is love --/Is it to be in **prison** still and still be free/Or seem as free"* (John Clare), *"What is't but **chaining**/Hearts, which once waning/Beat 'gainst their **prison**"* (George Byron), *"If I had known how narrow a **prison** is love" или "At thy touch my spirit is **captive**"* (Moireen Fox). Любовь, – это потеря свободы, которую можно обрести вновь, только покончив с любовью: *"**Lost is our freedom**/When we submit to women so"* (Thomas Campion), *"...ha! ha! ha! full well is me,**For I am now at liberty**."* (Sir Thomas Wyatt), *"...and I'll take the road,/Quit of my youth and you, / <...> As a **free man may do**"* (Rupert Brooke).

Влюблённые лирические герои представляют любовь некой ловушкой, в которую попадают те, кто становится жертвой любви. Нередко проводится параллель между влюблённым и птицей, попавшей в силки или посаженной в клетку, или между влюбившимся человеком и насекомым, запутавшимся в паутине и ставшим добычей паука. Слова, которые в основном встречаются в рамках этой разновидности данной концептуальной метафоры: "snare", "web", "net", "cage", а также связанные с ними "to catch", "to entangle", "to lock", например: *"There is no man, I say, that can/Both love and to be wise./Free always from the **snare**"* (Alexander Scott), *"But caught within the subtle **snare**,/I burn, and feebly flutter there"* (George Byron), *"**Tangled** was I in Love's **snare**"* (Sir Thomas Wyatt), *"She meant to weave me a **snare**", "Since I was **tangled** in thy beauty's **web**,/And **snared** by the unglowing of thy hand" To – (Keats), "He <Love> caught me in his silken **net**,/And locked me in his golden **cage**" (Blake), *"Birds, yet in freedom, shun the **net**/Which Love around your haunts hath set"* (George Byron), *"To **entangle** me when we met,/To have her lion roll in a **silken net**"* (Tennyson). Во всех этих метафорах подчёркивается*

невозможность освобождения для влюблённого лирического героя и возвращения к прежнему состоянию свободного человека. Фатальность этой ситуации напоминает аналогию между «любовью» и «болезнью», с которой влюблённый смиряется как со своей судьбой.

В русском языке при описании состояния влюблённого человека используются метафоры, в которых эстетическая составляющая просто стёрлась вследствие частого употребления. Такие выражения, как "он был пленён её красотой", "он овладел её душой" и т. п. стали привычными для повседневной речи. Всех их объединяет концептуальная метафора "любовь – потеря свободы". В ещё большей степени эта аналогия характерна для поэзии, где любовь часто предстаёт как плен или рабство, в которое попадает возлюбленный: *«Свободу потеряв на век./Неволю сердцем обожаю (Пушкин), «Но полно! в жертву им свободы/Мечтатель уж не принесёт» (Пушкин), «Прости! - твоё сердце на воле.../Но счастья не сыщёт в другом» (Лермонтов).*

В проанализированном материале русской поэзии концептуальная метафора «любовь – потеря свободы» наиболее часто предстаёт в своей разновидности «любовь – рабство», в отличие от английской поэзии, где наиболее распространены малые парадигмы: «любовь – клетка», «любовь – силки». Поэты прекрасно понимают, что такая влюблённость, в которой человек теряет волю и позволяет делать с собой что угодно постыдно: *«Постыдное бессилие раба!» (Некрасов).*

Некрасову в трёх словах удаётся выразить всю гамму переживаний человека, который любит такой любовью. Здесь и стыд, и отсутствие всякой воли противостоять своим чувствам.

В других стихотворениях поэты, оказавшись в таком положении, всячески пытаются отрицать, что они поработены любовью. Это отрицание ещё больше подчёркивает весь драматизм их положения и борьбу, которая происходит в их душе: с одной стороны, неконтролируемое влечение к объекту своей любви, с другой - попытка спасти свою ущемлённую гордость. На языковом уровне это противоречие отражается в антитезах (например, «волен – раб») и отрицательных конструкциях: *«Я волен - даже - если раб страстей!» (Лермонтов), «Нет, я не раб моей мечты./Я в силах перенести мученье/Глубоких дум, сердечных ран» (Лермонтов), «...я свободы/Для заблужденья не отдам», «Я не соделуюсь рабом» (Лермонтов), «Свободно ты решала выбор свой,/И не как раб упал я на колени» (Некрасов).*

Так же, как и в случае других концептуальных метафор, поэты находят и в этом изначально вызывающем негативные ассоциации уподоблении положительные стороны.

Примечательно, что человек может идти в рабство добровольно, осознавая, на что он себя обрекает: *«Ты рада быть его рабой» (Некра-*

сов), «И, как **раб**, твой **каждый** **взор** **ловлю**» (Фет), «Я тот же **преданный**, я **раб** **твоей** **любви**» (Фет).

Основная парадигма «любовь – потеря свободы» может быть представлена и малой парадигмой «любовь – плен/тюрьма». В отличие от тех случаев, когда влюблённые добровольно теряют свободу, в данном случае поэты подчёркивают, что они оказались в таком положении против своей воли, оказавшись не в силах устоять перед чувствами: «Стократ блажен/<...>/Кому неведом **грустный плен**» (Пушкин), «Перед тобой с коленопреклонением/Стою, **пленён** **волшебною** **игрой**» (Фет), «В другом краю ты некогда **пленяла**,/<...>/Я б не желал умножить в цвете жизни/Печальную толпу твоих **рабов**» (Лермонтов), «Мне самому, как скрип **тюремной двери**,/Противны **стоны** **сердца** **моего**» (Некрасов). Ту же негативную окраску несёт в себе уподобление «любовь – оковам/цепям»: «**Прикована** ты **вновь**/К **душе** **печальной**...» (Лермонтов), «...**цепь** **моя** **несокрушима**» (Лермонтов), «**Порабощён** **мой** **дух** **и** **скован**, **как** **цепями**» (Лермонтов), «И **старый** **яд** **цепей**, **отрадной** **и** **жестокой**,/Ещё **горит** **в** **моей** **крови**» (Фет). Интересно отметить, что в отличие от английской поэзии, в стихотворениях русских поэтов почти не встречается парадигма «любовь – сеть/силки/паутина». В проанализированном материале удалось обнаружить только два подобных примера: «А между тем, как зверь, **попавший** **в** **сети**,/Я **тицетно** **злюсь** **на** **крепость** **уз** **своих**» (Ап. Григорьев), «Ну, кому же **расставишь** ты **сети**?» (Некрасов).

4) Любовь – огонь

В отличие от вышеприведённых метафор, в целом окрашенных отрицательно, концептуальная метафора «любовь – огонь», может получать как позитивную, так и негативную окраску в зависимости от интенции поэта. Пламя любви может отражать ту безумную страсть, которую испытывает к объекту своего обожания влюблённый: “*Love is ane fervent fire*” (Alexander Scott), “*In hearts, on lips, of flame it burneth –*” (Mary Anne Lamb), “*But true Love is a durable fire/In the mind ever burning;*” (Sir Walter Raleigh). Поэты наделяют огонь любви сверхъестественной силой и даже обожествляют его: “*The chastest flame that ever warmed heart!*” (Samuel Daniel), “*All are but ministers of Love, And feed his sacred flame*” (Coleridge). Огонь любви способен осветить или преобразить всё вокруг: “*Whose flame illumines/The darkness of love cottage rooms*” (H.W. Longfellow).

Однако этот огонь таит в себе и опасность. Даже маленькая искра, если оставить её без присмотра, может стать причиной настоящего пожара: “*Where love begins, there dead thy first desire:/A sparke neglected makes a mighty fire*” (Robert Herrick). Образное представление «любовь-огонь» может подразумевать разрушительную силу любви, которая

становится очевидной при употреблении слов “to burn”, “fatal”: “*Or, circled by his (heart) fatal fire, / Your hearts shall burn, your hopes expire*” (George Byron).

Для многих этот огонь оказывается смертельным, и влюблённые желали бы от него избавиться: “*And in his Mistris flame, playing like a flye, / Turn'd to cinders by her eye?*” (Ben Jonson), “*Give me my honesty again, / And take thy brands back, and thy fire*” (Sir John Suckling). Но этот огонь несёт в себе и радость, и удовольствие, и смысл жизни, иначе он не был бы столь соблазнителен: “*And what pleasing pains we prove / When we first approach Loves fire!*” (John Dryden), “*The torch of love dispels the gloom / Of life, and animates the tomb; / But never let it idly flare / On gazers in the open air*” (Walter Savage Landor).⁴

Словосочетание, встречающиеся у Уолтера Ландора “the torch of love” является отражением ещё одной концептуальной метафорой «любовь – свет». В вышеприведённом отрывке главное – не жар от факела любви, а именно свет, который он излучает, придавая жизни смысл: “dispels the gloom”. Подобные мотивы встречаются и в стихотворении Джона Клэра, где любовь предстаёт ярким лучом солнца, озаряющим нашу действительность: “*Doe's real love on Earth exist / Tis like a sun beam on the mist*” (John Clare), и Ковентри Пэтмора: “*Love wakes men, once a lifetime each; <...> ...but either way, / That and Child's unheeded dream / Is all the light of all their day*” (Coventry Patmore). В идеале человек обретает настоящую любовь, которая длится вечно, и эта любовь приравнивается к божественному свету, который никогда не погаснет: “*Love is the light that shines forever*” (Mary Anne Lamb).

Концептуальная метафора «любовь – огонь» получила широкое распространение также и в русском языке и русской поэзии. Многие из повседневных выражений являются мёртвыми метафорами, производными от концептуальной метафоры «любовь – огонь». Мы часто используем словосочетания типа: «пламенный взгляд», «пламенная душа», «горячо любимый», «любовь утасла», «сгорать от любви» и т. п., которые уже не воспринимаются как образные. В русской поэзии аналогия «любовь – огонь» распространена, пожалуй, больше, чем в английской. Здесь даже сложились поэтические штампы, такие как «огонь любви», «огонь в груди», «пламя страсти», которых современные поэты стараются избегать.

В русской поэзии эта концептуальная метафора представлена такими

⁴ В подавляющем большинстве примеров, в концептуальной в стихотворениях, где используется концептуальная метафора «любовь-огонь» слово “fire” обязательно присутствует. Однако эта же концептуальная метафора может воплощаться через ассоциативный ряд другими словами, например, “*Like melting wax, or withering flower, / I feel my passion, and thy power.*” (George Byron, Translation of a Romaic Love Song). Здесь становится ясно, что речь идёт о высокой температуре из словосочетания “melting wax”.

словами, как «огонь» и «пламя/пламень», с их производными; а также словами, которые характеризуют физические качества огня или процесс горения («кипеть», «пылать», «обжигать», «горячий» и т. д.). Так же как в английской поэзии, этот огонь может нести созидание, и радость: *«Вблизи тебя до этих пор/Я не слышал в груди огня»* (Лермонтов), *«И дни горячие любви/К другому сердце приучили:/Другой огонь они в крови,/Другие чувства поселили»* (Веневитинов), *«Светил нам день, будя огонь в крови...»* (Фет), *«Желал я на другой предмет/Излить огонь страстей своих»* (Лермонтов); и иметь разрушительную силу, обращающуюся страданиями: *«Видеть смерть мне надо, надо крови,/Чтоб залить огонь в груди моей»* (Лермонтов), *«Душа твоя так ясно разгорелась/И новый огонь в душе моей зажегла./Но этот огонь томительный, мятежной,/Он не горит любовью тихой, нежной, –Нет! он жжёт, и мучит, и мертвит»* («Элегия», Веневитинов).

По сравнению с «огнём», слово «пламя» несёт большую эмоционально-экспрессивную нагрузку, так как вызывает ассоциации с большим количеством огня или интенсивным горением: *«Но жалок тот, кто молчаливо,/Сгорая пламенем любви,/Потупя голову ревниво,/Признанья слушает твои»* (Пушкин), *«Наверно, спокойствие много причинит вреда/Моим мечтам и пламень чувств убьёт»* (Лермонтов), *«Когда погаснет пламя страсти»* (Некрасов). В вышеприведённых примерах поэты уточняют путём дополнений, что «пламя» вызвано душевными переживаниями: «пламя чувств», «пламя любви», «пламя страсти».

В метафорах, восходящих к образной парадигме «любовь – огонь», может использоваться не только существительное «пламя», но и его производные: «пламенеть», «пламенный», «пламенно»: *«Одна бы в сердце пламенела/Лампадой чистой любви!»* (Пушкин), наречием: *«Как нежно, пламенно любил я»* (Лермонтов), *«Ты любишь искренно и пламенно»* (Тютчев), *«Так пламенно, так горячо любившей»* (Тютчев) и прилагательным: *«Зачем холодные сомненья/Я вылил в пламенную грудь?»* (Веневитинов).

Эти метафоры, которые стали неотъемлемой частью поэтического творчества, позволяют поэтам использовать слово «пламень» в значении «любовь» не прибегая к пояснениям: *«И оживляешься потом всё боле, боле – /И делишь наконец, мой пламень поневоле!»* (Пушкин), *«И этот пламень не угас!»* (Некрасов).

Можно предположить, что в тех примерах, где «пламя» используется без дополнений, образ является более насыщенным. Читатель может интерпретировать его по-разному: «пламень в груди» может быть и пламенем любви, и страстей, и боли или вбирать в себя одновременно оттенки всех этих смыслов. Даже в тех случаях, когда поэт говорит, например, что это пламень любви, читатель понимает, что это чувство

сопровожают сильные эмоциональные переживания и другие чувства, которые являются спутником «любви» (радость, грусть, тревога и т.п.).

Ещё более эмоциональное проявление концептуальной метафоры «любовь – огонь», которая встречается время от времени у русских поэтов, – это «любовь – пожар». В самом слове пожар заложен смысл, позволяющий лучше понять то, что переживает лирический герой. Ведь пожар – это неконтролируемое горение огня, стихийное бедствие, которое подразумевает огромные масштабы:

Оно <слово> чужую грудь зажжёт,
В неё как искра упадёт,
А в ней пробудится **пожаром**.
(«Утешение», Веневитинов)

В данном случае, подчёркивается именно то, что поэт не в силах победить это всё усиливающееся чувство и постепенно оказывается в его власти.

Огонь может вспыхнуть, гореть ярко и яростно, обжечь и, наконец, погаснуть. Все эти аспекты находят своё воплощение в произведениях поэтов. Так, чтобы подчеркнуть накал эмоций и чувств, поэты используют слово «пыл» и его производные: «*Смешно мне, смешно, что, так пылко любя, / Её ты не любишь, а любишь себя (А. Толстой), «Минула страсть, и пыл её тревожный / Уже не мучит сердца моего» (А. Толстой), «...мучась и пылая, / Ни слова я не смею вам сказать (Ап. Григорьев), «И оба сердца пышут страстью» (Фет)*. Весьма распространён в любовной лирике глагол «гореть». Пока горит огонь – любовь живёт: «*Я очарован, я горю / И содрогаюсь пред тобою» (Пушкин), «И сердце вновь горит и любит - оттого, / Что не любить оно не может» (Пушкин)*. Когда огонь гаснет, умирает и любовь: «*Я думал, что любовь погасла навсегда» (Пушкин)*.

Нетрудно заметить, что мысли и чувства о любви, например, Джона Донна и Роберта Грейвса, которых разделяют почти три столетия, во многом сходны. С начала летоисчисления и до наших дней люди попадались в сети любви, добровольно шли на страдания и сходили с ума от неразделённого чувства. Почти все концептуальные метафоры, касающиеся любви: «любовь – болезнь», «любовь – боль» и «любовь – потеря свободы» иронично объединила в стихотворении “Freedom” английская поэтесса начала XX века, писавшая под псевдонимом Ян Струтер⁵.

Now heaven be thanked. I am out of love again!
I have been long a slave, and now am free:

⁵ Jan Struther – псевдоним Джойс Макстон Грэхем (Joyce Maxtone Graham, 1901-1953).

I have been tortured, and am eased of pain:
I have been blind, and now my eyes can see:
I have been lost, and now my way lies plain:
I have been caged, and now I hold the key:
I have been mad, and now at last am sane:
I am wholly I that was but half of me.
So a free man, my dull proud path I plod,
Who tortured, blind, mad, caged, was once a God.

Проведённое сравнительное исследование показало, что концептуальные «любовные» метафоры, выделенные на материале английской поэзии, характерны и для русской поэтической речи. Однако в их конкретных проявлениях есть некоторые различия. В случае концептуальной метафоры «любовь – болезнь» в русской поэзии делается больший акцент на любви как безумии. «Любовь – боль» воспринимается русскими поэтами более широко, так как включает в себя малую парадигму «любовь – слёзы», менее характерную для английской поэзии. Аналогия «любовь – потеря свободы» в русской поэзии предстаёт как «любовь – рабство/плен/тюрьма» и очень редко как «любовь – клетка/сеть/силки». Последнее свойственно английской поэзии, и позволяет предположить, что здесь любовь часто ассоциируется с птицей. Наряду с общей для английской и русской поэзии парадигмой «любовь – огонь», в английской поэзии встретилась и метафорическая аналогия «любовь – свет», имеющая явную положительную окраску.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Леонтьева Т.В.* Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор // Вопросы языкознания. 2006. №5.
- [2] *Павлович Н. В.* Словарь поэтических образов. В 2-х томах. М., 1999.
- [3] *Павлович Н. В.* Язык образов / Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 2004.
- [4] *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By.* – Chicago-Lnd., 1980.
- [5] *Lakoff G., Turner M.* *More than Cool Reason / A Field Guide to Poetic Metaphor.* Chicago-Lnd., 1989.
- [6] *Zadornova V.* *Conceptual Metaphors in Poetry // Language Learning /Materials and Methods, № 6. М., 2004.*

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Язык и культура Программа курса для специальности «Теория и практика перевода»

© доктор филологических наук В.В. Красных, 2009

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Курс «Язык и культура» предназначен для студентов, получающих специальность «Теория и практика перевода» на филологическом факультете МГУ.

Актуальность и своевременность данного курса обусловлены требованиями времени: современным состоянием гуманитарной науки, в частности – изменением научной парадигмы и кристаллизацией новой парадигмы исследований, а также объективными условиями изменившегося мира в целом. Все это неотвратимо требует нового осмысления проблем как уже давно известных, так и актуальных для нового времени. Таким образом, данный курс продолжает традиции отечественных и зарубежных исследователей – представителей различных научных дисциплин, и вместе с тем знакомит с новыми подходами и теориями, со взглядами современных ученых, представляющих авангард современной научной мысли.

Данный курс призван, во-первых, сформировать базовые представления о понятийно-терминологическом аппарате современных интеграционных исследований, объектом изучения которых является «синтез-оппозиция» «язык – культура» (в первую очередь – лингвокультурологии и этнопсихолингвистики); во-вторых, дать тот инструментарий, который поможет анализировать и интерпретировать речевое и – шире – коммуникативное поведение участников общения (с учетом требований интерпретативного перевода); в-третьих, показать возможные зоны коммуникативных неудач, что поможет в дальнейшем прогнозировать и по возможности избегать их.

Предметом данного курса является национально-культурная специфика языкового сознания, речевой деятельности и коммуникации, предопределяющая специфику национально-культурной составляющей дискурса.

После каждой темы указан список литературы, рекомендуемой для прочтения в связи с обсуждаемыми проблемами.

Курс рассчитан на один семестр и может быть представлен в двух вариантах (в зависимости от подробности изложения материала): сокращенная версия – 12-16 часов и расширенная версия – до 36 часов. В конце курса студенты сдают зачет.

Тема 1

История вопроса. Теории и труды представителей лингвистики, фольклористики, этнолингвистики, антропологии, культурантропологии, культурологии, культурно-исторической психологии, этнопсихологии (В. фон Гумбольдт, И.Л. Вайсгербер; А.А. Потебня; В.Я. Пропп; Н.И. Толстой, С.М. Толстая, А.В. Гура, Б. Барминский; А. Вежицкая; Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф, М. Мид, Б. Малиновский; Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, М. Элиаде; В. Вундт, М. Коул, С. Скрибнер, Т.Г. Стефаненко и др.).

Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как составляющие современной научной парадигмы. Этнопсихолингвистика: история и современный контекст. Объект, предмет, цели и основные постулаты этнопсихолингвистики. Лингвистика и культурология vs. лингвокультурология. Лингвокультурология: история и современный контекст. Объект, предмет, цели и основные постулаты лингвокультурологии. Изоморфизм языка и культуры как методологическая основа лингвокультурологии.

Список литературы

- Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996: Концептуальные основы психологии культуры.
- Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997: Глава 1. Неразрешимые вопросы и споры; Глава 4. От кросс-культурной психологии ко «второй» психологии.
- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Международ. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Книга 1. Краснодар, 2002. С. 204-14.
- Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. М., 1989.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993: Язык. Введение в изучение речи; X. Язык, раса и культура; Антропология и социология.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2000: Часть первая, Глава II. Этнопсихология как междисциплинарная область знаний; Часть вторая. История возникновения и становления этнопсихологии (Главы I-IV).

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996: Часть III. Культурно-национальная специфика единиц фразеологического состава языка.

Тема 2

Ментально-лингвальный комплекс. Языковое сознание (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, А.М. Шахнарович, И.А. Зимняя и др.). Образ мира, картина мира, модель мира vs. языковая картина мира (М. Хайдеггер, Т.В. Цивьян, В.Г. Колшанский, В.И. Постовалова, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.). Сознание – мышление – интеллект vs. культура.

Соотношение языка и культуры. Теория (гипотеза) лингвистической относительности Сепира – Уорфа.

Список литературы

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996: Семантические универсалии и «примитивное мышление».
- Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003: Глава 1. Языковое сознание (общие положения).
- Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Язык, мышление и сознание et vice versa // Русский язык за рубежом. 1994, № 1.
- Постовалова В.И.* Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 65-72.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993: Язык. Введение в изучение речи; X. Язык, раса и культура; XI. Язык и литература; Язык и среда; Культура подлинная и мнимая.
- Уорф Б.* Отношение норм мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Хайдеггер М.* Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. М., 1986.
- Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993.

Тема 3

Язык как средство трансляции культуры. Трансляция культуры как содержание процесса социализации.

Основной субъект коммуникации – человек говорящий как совокупность личностей: языковой, речевой и коммуникативной. Человек говорящий как субъект языка и субъект культуры.

Структура знаний и представлений человека говорящего. Индивидуальное когнитивное пространство (ИКП). Коллективное когнитивное пространство (ККП). Когнитивная база (КБ). Содержание; сходства и различия.

Национальное культурное пространство: природа, содержание (составляющие), структура.

Список литературы

- Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3-8.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003: Глава 2. Человек говорящий.
- Тарасов Е.Ф.* Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С 34-37.
- Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993.

Тема 4

Национально-культурная специфика дискурса. Этнопсихолингвистическая детерминированность сознания, речевой деятельности, коммуникации. Высококонтекстные и низкоконтекстные (в терминах этнопсихологии) культуры. Различные стратегии порождения высказывания, построения текста и дискурса. Соотношение языковой структуры и ее конкретной реализации в контексте и ситуации. Различная степень дифференцированности пространственной локализации предметов, действий и отношений. Просодические особенности национального дискурса. Разный характер и мера связанности речевого действия с неречевым. Проксемика и кинесика в свете национально-культурной специфики коммуникации.

Список литературы

- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002: Лекция 12. Национально-культурная специфика построения дискурса.
- Леонтьев А.А.* Основы психоллингвистики. М., 1999.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2000: Глава III. Универсальные и культурно-специфические аспекты общения.
- Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996.

Тема 5

Национальная составляющая дискурса. Ментефакты как элементы содержания сознания. Система ментефактов. Знания – концепты – представления. Система представлений: прецедентные феномены (ПФ), стереотипы, артефакты (вторичной реальности), духи / бестиарии.

Система ПФ: прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ). Система стереотипов: стереотипы поведения и стереотипы-представления (стереотипная ситуация и стереотипный образ).

Стереотип поведения (прескриптивная функция) vs. стереотип-представление (предиктивная функция). Соотношение данных видов стереотипов и клише и штампов сознания. Культурные функции указанных стереотипов (канон vs. эталон). Стереотипы vs. прецедентные феномены: сходства, различия, зоны пересечения. Функционирование стереотипов: национально-культурная специфика.

Понятие «концепт» в современных исследованиях. Национальный концепт. Концепт культуры: природа, содержание, функции. Стереотипы vs. концепты.

Список литературы

- Воркачев С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002. Глава 1. Концепт как лингвокультурологическая категория.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003: Глава 6. Ментефакты культурного пространства (определение понятия, система, бытование); Глава 7. Прецедентные феномены; Глава 8. Стереотипы (определение понятия, классификация, функционирование); Глава 9. Концепты (как ментефакты культурного пространства).
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997 (2009): Часть I. Феноменология абстрактного имени.

Тема 6

Термины и понятия «клише» и «штамп» в научной литературе. Клише и штамп как лингвистический и психологический феномены (Т.М. Дридзе, Ю.А. Сорокин, Ю.Е. Прохоров). Лингвистические и психологические клише и штампы: языковое клише и речевой штамп, клише сознания и штамп сознания. Типы ассоциаций: семантико-когнитивная ассоциация vs. фонетико-звуковая (зрительно-звуковая, звуко-буквенная). Ассоциация-штамп. Соотношение таких феноменов, как клише, штамп сознания и тип ассоциации, клише, штамп сознания и тип ПФ.

Предсказуемая ассоциация: определение понятия. Предсказуемая vs. свободная ассоциативная связь. Соотношение таких феноменов, как прецедентные феномены, клише и штампы сознания, канон и эталон, типы ассоциаций (семантико-когнитивная и фонетико-звуковая), предсказуемые и непредсказуемые ассоциативные связи. Термины и понятия «фрейм», «схема», «схема», «скрипт», «сценарий», «план», «когнитивная модель», «модель ситуации» и под. в современной научной литературе. Концепция Т. ван Дейка. Теория фреймов М. Минского. Фрейм-структура: природа, содержание, структура. Фрейм-структуры и ментефакты. Ассоциативное поле: ассоциаты, типы ассоциаций, фрейм-структуры (на материале АТРЯ-РАС).

Список литературы

- Ассоциативный тезаурус русского языка.* Русский ассоциативный словарь / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. М., 1994, 1996, 1998. Книги 1-6. ИЛИ: Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. М., 2002.
- Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дридзе Т.М.* Язык информации и язык реципиента как факторы информированности // Речевое воздействие. М., 1972. С. 34-80.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003: Глава 10. Фрейм-структуры сознания.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- Сорокин Ю.А.* Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 133-138.

Тема 7

Коды культуры: определение понятия. Существующие коды культуры. Зоны перехода и пересечения. Архетипические оппозиции. Базовая оппозиция «свой – чужой». Структурация мира, моделирование мира-хаоса. Зафиксированные в языке и отраженные в дискурсе представления о «Я» человека, об окультуренном человеке пространстве, временном континууме и т. д. (на материале русского языка). Метрически-эталонная сфера. Эталоны культуры. Образная мотивация и образная составляющая метафоры. Культурная коннотация. Культурно-языковая компетенция. Культуральный горизонт и ментальная стилистика.

Список литературы

- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2003: Лекция 13. Коды культуры и метрически-эталонная сфера.
- Телия В.Н.* Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 82-89.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996: Часть III. Культурно-национальная специфика единиц фразеологического состава языка.

СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМАМ

Тема 1

- Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. М., 2006.
- Залевская А.А.* Введение в психоллингвистику. М., 1999.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. М., 1977.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002.
- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
- Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985.
- Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16-21.
- Леонтьев А.А.* Основы психоллингвистики. М., 1999.

- Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
- Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
- Рождественский Ю.В.* Введение в культуроведение. М., 1996.
- Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Тарасов Е.Ф.* Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 6-15.
- Телия В.Н.* Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 82-89.
- Уорф Б.* Отношение норм мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 139-162.
- Этнопсихолингвистика.* М., 1988.
- Язык. Культура. Этнос.* М., 1994.
- Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M., Dasen P.R.* Cross-cultural Psychology: Research and Applications. NY: Cambr. Univ. Press, 1992.
- Bonvillian N.* Language, Culture and Communication: The Meaning of Messages. Englewood Cliffs, 1993.
- D'Andrade R.* Cultural Sharing and Diversity // The Content of Culture: Constants and Variants: Essays in Honor of John M. Roberts. / R. Bolton (Ed.). New Haven, 1989.
- Hirsh E.D. (Jr.)* The Theory Behind the Dictionary of Cultural Literacy // The Dictionary of Cultural Literacy. Boston, 1988.
- Schwartz T.* The Size and Shape of Culture // Scale and Social Organization. / F. Barth (Ed.) Oslo: Universitetsforlaget, 1978.
- Schwartz T.* The Structure of National Cultures // Understanding the USA. / P. Funke (Ed.). Tübingen, 1990.
- Shweder R.A.* Cultural Psychology: What is it? // Cultural Psychology: Essays on Comparative Human Development. / J. W. Stigler, R. A. Shweder and G. Herdt (Eds.). NY: Cambr. Univ. Press, 1990.
- Triandis H.C.* Culture and Social Behavior. NY, 1994.
- Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, NY, 1991.
- Wundt W.* Elements of Folk Psychology. London: Allen and Unwin, 1921.

Тема 2

- Брудный А.А.* Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности). Фрунзе, 1972.
- Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. Лекционный курс. М., 2001.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М., 1972.
- Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М., 1994.
- Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. М., 1989.
- Рикер П.* Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). М., 1995.
- Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1994.
- Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997 (2009).
- Шахнарович А.М., Юрьева Н.М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990.
- Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996.
- Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Тема 3

- Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация (Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996 г.) // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2. С. 124-133.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. Лекционный курс. М., 2001.
- Красных В.В.* Русское культурное пространство: концепт «сторона» // Русское слово в мировой культуре. Мат-лы X Конгресса МАП-РЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2003. С. 256-264.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н.* Человек и культура. М., 1961.
- Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М., 1994.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. Язык, сознание, культура // Методы и организация обучения иностранному языку в языковом вузе. Сб. науч. трудов. Вып. 370. М., 1991. С. 20-29.

Т е м а 4

- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
Capell A. A Survey of Guinea Languages. Sydney, 1969.
Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages // С. К. Ogden & I. A. Richards. The Meaning of Meaning. London, 1960.
Triandis H.C. Culture and Social Behavior. NY, 1994.
Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, NY, 1991.
Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. NY, 1992.

Т е м а 5

- Арутюнова Н.Д.* Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993, с. 3-7.
Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995, с. 3-6.
Арутюнова Н.Д. Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995, с. 7-23.
Гудков Д.Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 114-127.
Гудков Д.Б. Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1994, № 6. С. 14-21.
Гудков Д.Б., Красных В.В., Багаева Д.В., Захаренко И.В. Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории // Актуальные проблемы языкознания. Сб. работ молодых ученых филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1998. Вып. 2.
Данилова Е. В. Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 52-53.
Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985. С. 150-171.

- Захаренко И.В.* К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 104-113.
- Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.
- Захаренко И.В., Красных В.В.* Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 100-115.
- Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82-103.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Конурбаев М.Э., Менджерщицкая Е.О.* Функция воздействия в художественной литературе и публицистике // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. М., 1998. С. 103-109.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994, № 1.
- Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002.
- Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 3. С. 62-75.
- Логический анализ языка.* Культурные концепты. М., 1991.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- Ревзина О.Г.* Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Дисс. ... в форме научного доклада ... докт. филол. наук. М., 1998.
- Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии.* Тезисы конференции. М., 1995.
- Ружицкий И.В.* О понимании // Интерпретация художественного текста в иноязычной аудитории. Тверь, 1996.
- Рыжков В.А.* Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1985. С. 15-21.

- Сорокин Ю.А.* Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста. М., 1987. С. 144-145.
- Сорокин Ю.А., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 98-117.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Стернин И. А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97-112.
- Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С. 17-29.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7-22.
- Хухуни Г.Т.* Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 206-214.
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997 (2009). Часть II. Абстрактное имя в системе языка.
- Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996, № 6. С. 20-41.
- Яценко И. И.* Психологический тезаурус рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой» (к вопросу о национально-этнических стереотипах восприятия) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 66-74.
- Lippmann W.* Public Opinion. NY: Harcourt, Brace, 1922.
- Watson O.M.* Proxemic Behavior. A Cross-Cultural Study. The Hague-Paris, 1970.

Т е м а 6

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Горохова С.И.* Фрейм-подход к описанию процесса порождения речи // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 89-102.
- Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, №4. С.106-118.
- Залевская А.А.* Проблематика признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при этнических контактах // Этно-

- культурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 163-175.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002.
- Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 3. С. 62-75.
- Кулаков Ф.М.* Приложение к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. С. 122-144.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

Т е м а 7

- Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995, № 1. С. 37-67.
- Иванов Вяч.Вс.* Взаимоотношение динамического исследования эволюции языка, текста и культуры (К постановке проблемы) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982, № 5. С. 406-419.
- Красных В.В.* Концепт «Я» в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 23. М., 2003. С. 4-14.
- Красных В.В.* Русское культурное пространство: концепт «сторона» // Русское слово в мировой культуре. Мат-лы X Конгресса МАП-РЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2003. С. 256-264.
- Культурные слои во фразеологизмах и их дискурсивных практиках.* / Под ред. В.Н. Телия. М., 2003.
- Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000.
- Пропт В.Я.* Морфология сказки. М., 1969.
- Славянские древности.* Этнолингвистический словарь. / Под. ред. Н. И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 1, 2, 3. М., 1995, 1999, 2004.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.
- Телия В.Н.* Архетипические представления как источник метафорических процессов, лежащих в основе образа мира // XII Международный симпозиум по психоллингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 150-151.

- Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006. С. 776-782.
- Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Топоров В.Н.* Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998.
- Фразеология в контексте культуры.* / Под ред. В.Н. Телия. М., 1999.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О разработке проблем фотолексикографии¹

© доктор филологических наук В.Г. Кульпина,
доктор филологических наук В.А. Татаринов, 2009

Рецензируемое издание представляет собой словарь новой польской лексики, нигде ранее не зафиксированной. Эксерпции, в которых фигурируют новые лексемы, перенесены в текст словаря в их оригинальном фотографическо-цифровом виде. В Предисловии к словарю «К фотолексикографии» его автор Э. Малек подчеркивает, что само слово фотолексикография обращено к целому ряду деривационных собратьев с тем же словообразовательным элементом. Так, в магазинах продаются фотокниги, фотогаджеты; в Интернете представлены такие интернет-продукты, как фотостатьи, фотонаративы, фотовоспоминания и пр. Исходя из наличия целого деривационного ряда агноним* фотолексикография уже не выглядит столь загадочно и «агнонимично», а предстает вполне знакомым словом.

На фоне возросшей активности элемента *фото-* название фотолексикография в качестве нового направления лексикографических исследований и новой технологии работы лексикографа в сфере практической лексикографии уже не удивляет и не выглядит неологизмом. Э. Малек подчеркивает, что само название направления – фотолексикография – вышло из-под пера Яна Вавжиньчика, но специфические очертания этого направления разработал Петр Вежхонь. Его достижением является то, что он связал традиционную лексикографию с информатикой и вебметрией. На этой базе им уже создан целый ряд новаторских словарей**. В качестве целей данного словаря Э. Малек указывает в первую очередь на поддержку и распространение лексикографических новаций П. Вежхоня. Второй целью является обогащение словника и документации «Библиографического словаря польского языка»***, применение технологии и операций, выработанных П. Вежхонем, в качестве базы и инструментария для создания данного богатейшего многотомного библиографического издания по так называемому новопольскому периоду (новопольского – в терминологии известного польского лингвиста З. Клеменевича).

¹ Рец на кн.: *Malek E. Ku fotoleksykografii* / Instytut rusycystyki Uniwersytetu Łódzkiego. - Łódź, 2008. - 87 s.

В данном словаре фотофрагменты, или же фотоцитаты, в подавляющем большинстве имеют своим источником прессу за последние несколько лет. Фотоиллюстрации являются гарантом аутентичности цитат. Э. Малек особо выделяет фотографическую верность (*fotowierność*) использования цитат, которая была невозможна при прежнем подходе к лексикографированию лексики. Обращается внимание на то, что при традиционном сборе языкового материала и при заведении языковых данных в компьютер сохраняются (и имеют под собой почву) опасения в плане неверного воспроизведения вводимого текста. В то же время фотолексикография обеспечивает полную надежность воссоздания текстового облика цитации (в том числе и рода, числа и падежа выступающих в ней словоформ). Э. Малек подчеркивает, что исчезнет много лексикографических проблем, если цитаты будут переноситься из оригинала в словари в их фотографическом (оцифрованном) виде.

В рецензируемом словаре в качестве «фотоклипов» (новых лексических единиц в естественном для них контексте, фотоспособом трансплантированных в словарь) выступает самая разнообразная лексика. В то же время необходимо отметить в составе словаря большое количество терминов (в том числе адъективных), данных в их публицистических преломлениях, например: *faktoringowy* (с. 27) 'факторинговый' (от экономического термина факторинг), *termoaktywny* (с. 70) 'термоактивный' и др. Нет-нет да и встретится элемент *e-* в качестве аналитического прилагательного, указующего на электронно-интернетное базирование определяемого им понятия: *e-handel* (с. 23) 'интернет-торговля'. Весьма ловко, на новый лад, образуются и наречия, например, *monodietetycznie* (с. 46) 'монодиетически'. Неологический шарм могут придавать и старые уменьшительно-ласкательные суффиксы, например: *kontenerek* (с. 38) *'контейнерчик'. Многие неологизмы базируются на давно известных греко-латинских элементах – таких, например, как *эко-*, *про-*: *Ekoświęta* (с. 23) 'Экопраздники', *eko groszek* (с. 23) 'эко горошек', *ekospołeczność* (с. 23) 'экосообщество'; *prokonsumencki* 'пропотребительский'. Наблюдается большое количество образований от давно модного элемента *euro-* 'евро-', например: *Europięciolatka* (с. 25) 'Европятiletка', *Eurozet* (с. 26) 'Еврозет' (название радиостанции), *eurożargon* (с. 26) 'еврожаргон'. Э. Малек фиксирует и появляющиеся в массовом порядке цельно- и раздельнооформленные сложные слова, например: *silikonowo-gumowy* (с. 68) 'силиконово-бумажный', *ciśnieniowo-próżniowy* (с. 18) *'давлениево-вакуумный', *szkolno-komputerowy* (с. 74) 'школьно-компьютерный', *rolno-budowlany* 'сельскохозяйственно-строительный', *spesnumer* (с. 69) 'спецномер', *hydroklimatolog* (с. 32) 'гидроклиматолог', *bajkowóz* (с. 12) *'сказковоз'

(театральный фургон для детских спектаклей). По-прежнему сверхактивен элемент *супер-*: *superpolicja* (с. 74) ‘суперполиция’, *superbabcia* (с. 72) ‘супербабушка’, *superjakość* (с. 73) ‘суперкачество’, *superdelikatesy* (с. 72) ‘суперделикатесы’. Большой активностью отличаются и элементы с польской родословной, например, *rozabankowy* (с. 58) ‘внебанковский’, *pozasłoneczny* (с. 59) *‘внесолнечный’ (находящийся за пределами солнечной системы). Активные формации, служащие для указания на известную количественную неопределенность, например, в пределах обозначений пространства: *okołolotniskowy* (с. 51) *‘околоаэропортный’, меры: *ponadpółtorametrowy* (с. 56) *‘болееполутораметровый’.

Остается выразить надежду, что лексикографическое сообщество с заинтересованностью отнесется к данному проекту.

Примечания

- * Об агнонимах см.: *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / Институт русского языка им. А.С. Пушкина. - М., 1997; *Bartwicka H., Fiedoruszkow J., Malek E., Wawrzyńczyk J.* Словарные агнонимы русского языка / *Ян Вавжиньчик* (ред.) // *Semiosis Lexicographica*. - 2007. Вып. 1. Warszawa, 2007.
- ** Среди таких словарей, в частности, KOTUŚ. „Verba polona abscondita...” (w fotodokumentacji). Szkic lingwochronologiczny. Centuria pierwsza. Centuria pierwsza. Poznań: Instytut Językoznawstwa Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 2008.
- *** Słownik bibliograficzny języka polskiego. Интернет-адрес данного проекта: www.leksykapolska.pl

К вопросу о хронологизационной лексикографии¹

© доктор филологических наук В.Г. Кульпина,
доктор филологических наук В.А. Татаринов, 2009

В «Предисловии» к работе Я. Вавжиньчик высказывает мнение, что большой вред польской лингвохронологии наносят еще не созревшие исследовательские работы, публикуемые под эффектными названиями типа «Новая лексика. Материалы из прессы 1985-1992 гг.», на что Я. Вавжиньчик уже многократно обращал внимание в своих публикациях. Однако «по-прежнему выходят из печати научные работы и учебные пособия, прежде всего вузовские, совершенно бескритично обращающиеся к литературе предмета с ключевым термином или паратермином «новая польская лексика»» (с. 3).

Данная публикация призвана послужить предостерегающим сигналом для будущих авторов, прежде всего занимающихся лексикологией и словообразованием, относительно датировки употребления такой части речи, как прилагательные. Точкой отсчета для изучения такого рода исследований Я. Вавжиньчику послужила монография Т. Смулковой «Неологизмы в современной польской лексике» (Smółkowa) (в ней выступают разные части речи, но индекс составлен только на материале прилагательных, которых насчитывается 5700 слов (на с. 133-185)). Я. Вавжиньчик подчеркивает, что любая исследовательская работа должна опираться на хронологически и хронографически корректно отобранный материал. Автор призывает к точности использования цитат из источников, представленных в толковых словарях. Он указывает, что нельзя не учитывать выступающую в них металексику и предостерегает от непоследовательности и бессистемности при отборе источников словарных статей, подстатей и цитаций.

Автор указывает, что термин *лингвохронография* принадлежит Анджею Богуславскому, который высказал его в частной беседе, в то время как его «этикетка» *хронологизационная лингвистика* принадлежит перу автора брошюры, Яна Вавжиньчика, уже лет двадцать развивающего это направление. Данное направление польского языкознания было подхвачено Петром Вежхонем, который ведет энергичный поиск текстовых свидетельств первых употреблений лексических единиц, в том числе и фразем (синтаксических фразеологизмов). С этой целью им применяется новейший инструментарий информатики, «позволяющий в

¹ Рец. на кн.: *Wawrzyńczyk J. Z leksykografii chronologizacyjnej*. 1. Polskie przymiotniki. - Warszawa, 2008. - 28 s. (Semiosis lexicographica, vol. XLIX)

автоматическом режиме осуществлять эксцерпирование из текстов, зафиксированных в электронном виде и доступных в Интернете» (с. 3). Такой тип эксцерпирования Я. Вавжинчик называет *молниеносным*. Он полагает, что этот тип сбора материала знаменует собой революцию в лингвохронографии.

Я. Вавжинчик критикует тех исследователей, которые ошибочно в состав новой лексики включают те лексические единицы, которые уже были засвидетельствованы в ранее изданных словарях польского языка – хоть и не в качестве заголовочных слов, а непосредственно в корпусе словарных статей и подстатей. Совершенно очевидно, что несмотря на свое отсутствие непосредственно в словнике словаря, такие лексические единицы тем не менее являются лексикографически зафиксированными и документированными употреблениями. Случаи своего рода «недостота» со стороны авторов известнейших словарей польского языка, когда лексические единицы, служащие в словарных статьях – для объяснения ли других единиц или употребленные как синонимы заголовочных слов, или же по каким-то другим основаниям включенные в словарные статьи в качестве их заполнителя, тем не менее не выступают в этих словарях качестве единиц словника, выявлены Я. Вавжинчиком и приведены в рецензируемой брошюре. Источником первой партии адъективных лексем, не формирующих словник, но выступающих в теле словарных статей является Словарь польского языка Б.С. Линде (L), далее следуют лексемы из Виленского словаря (Wi), затем – из Варшавского (W).

Очевидно, что корректирующие высказывания Я. Вавжинчика внесут вклад в улучшение лексикографической практики и позволят в дальнейшем более серьезно относиться к хронологической зоне в публикуемых словарях.

Примечания

- L – Słownik języka polskiego (Słownik Lindego): W 6 t. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1807-1814.
Wi – Słownik języka polskiego (Słownik Wileński): W 2 t. Wilno: Wydaw. M. Orgelbranda, 1861.
W – Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiecki W. Słownik języka polskiego (Słownik Warszawski): W 8 t. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1900-1927.
Smółkowa – Smółkowa T. Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej / Instytut języka polskiego PAN. Kraków, 2001.